

ГАМЛЕТЪ

Т Р А Г Е Д І Я

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. Шекспира.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. В.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА

МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1828 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чѣмъ по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Дерзну 10 Февраля 1828.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Баронъ
Унгернъ Штернбергъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, Датскій Король.

Гамлетъ, сынъ прежняго, племянникъ царствующаго Короля.

Полоній, Министръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лаертъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ

Корнелій

Розенкранцъ

Гильденстернъ

Озрикъ

} придворные.

Придворный.

Священникъ.

Марцеллій

Бернардо

} военные чиновники.

Франциско, солдатъ.

Ренальдо, слуга Полонія.

Полковникъ.

Посланникъ.

Тѣнь Гамлетова отца.

Фортинбрасъ, Норвежскій Принцъ.

Гертруда, Датская Королева, мать Гам-
лета.

Офелія, дочь Полонія.

Чиновники.

Актеры.

Гробокопатели.

Посланники.

Матросы.

Служители.

Дѣйствіе происходитъ въ Королев-
скомъ замкѣ, Эльсинорѣ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Кому (хотя по наслышкѣ) не извѣстно имя Шекспира? Къто, имѣя возможность читать его, не удивлялся сему творческому, все объ-
емлющему гению, почти безъ помо-
щи искусства возмoгшему подарить
свѣтъ столь многими образцовыми
произведеніями, исполненными кра-
сотъ неподражаемыхъ? Мало уважае-
мая, почти забытая соотечествен-
никами поэта въ продолженіи цѣла-
го столѣтія послѣ его смерти, про-
изведенія сіи начали, съ первой чет-
верти XVIII вѣка, находить болѣе
и болѣе истинныхъ цѣнителей и
вскорѣ попомъ приобрѣли ту извѣст-
ность и славу, которая вѣроятно
всегда пребудетъ ихъ достояніемъ.

Изъ всѣхъ иносѣранцевъ одни толь-
ко Нѣмцы могутъ похвалиться, что
имѣютъ хорошіе переводы Шекспи-
ра, какъ вѣрные, такъ и передѣланные

для шеатра; у Французовъ, съ коими познакомилъ шворца Англійской драматической поэзіи Вольперъ, сперва превозносившій его похвалами, попомъ чернившій самымъ неблагодарнымъ образомъ (*), еспъ (сколько мнѣ извѣстно) одинъ переводъ, прозаическій, неполный и невѣрный; у осалъныхъ, какъ и у насъ, нѣтъ никакого, заслуживающаго вниманіе.

(*) Вольперъ, можесть бытъ оскорбленный шѣмъ, что Французы осмѣлились удивляться поэту не Французскому, въ многихъ изъ писемъ своихъ спарался выпавить его въ видѣ самомъ презрительномъ. Случилось, что одно изъ сихъ писемъ чипано было въ нѣкоторомъ Парижскомъ обществѣ, гдѣ находилась тогда и Гж. Монтегю. Авторъ Заиры, Магомеша и Семирамиды, грѣшный передъ Шекспиромъ въ похищеніяхъ, украсившихъ сіи Трагедіи, писалъ къ Д'Аржантелю: *c'est moi, qui autrefois parlai le premier de a Shakspeare; c'est moi, qui le premier montrai aux Francais quelques perles, que j'avais trouvé dans son énorme fumier.* Гж. Монтегю при сихъ словахъ замѣтила: *Oui, c'est un fumier, qui a fertilisé une terre bien ingrate!*

Предиринимая шрудъ, продолженіе коего будепъ нѣкопорымъ образомъ зависѣтъ опъ суда просвѣщенныхъ чипашелей о семъ первомъ опышѣ, я видѣлъ шрудности, долженспвовашия мнѣ вспрѣпнишься. О совершенномъ преодоленіи ихъ нельзя было и думать; мнѣ оспавалось только одно: начерпашъ себѣ, для руководспва въ продолженіи перевода, подробныя правила и всѣми силами спарашъ не опклоняшъ опъ нихъ. Такъ поспунилъ я и сообщаю здѣсь сіи правила особенно для шѣхъ изъ чипашелей, кои не могутъ моего Гамлена сравнивать съ подлинникомъ непосредспвенно; но прежде сего не излишнимъ почишаю бросишь бѣглый взглядъ на главныя обспояшельспва жизни Шекспира и спрапную учаспъ его швореній. (*)

(*) Въ продолженіи сполѣпней невнимательности Англичанъ ко всему до Шекспира касающемуся, потерпны и многія обстояшельспва его жизни. Помѣщаемыя здѣсь извѣстія о

Отецъ сего поэта Джонъ Шекспиръ жилъ въ Варвикширѣ въ городѣ Спрашфоршѣ на Авонтѣ. Онъ торговалъ шерстью, былъ также перчаточникомъ, слѣдственно (по тогдашнему обыкновенію) и мясникомъ, занималъ разныя публичныя должности и пользовался, кажемя, особеннымъ уваженіемъ своихъ согражданъ.

Вилліамъ Шекспиръ, прешій изъ восьмидѣшней Джона, родился въ Апрѣлѣ (по догадкамъ нѣкоторыхъ 23 числа) 1564 года. Учившись нѣкоторое время въ Спрашфоршскомъ народномъ училищѣ, онъ, по причинѣ разсвоеннаго состоянія Джона, оставилъ вскорѣ науки, занялся дома ремесломъ своего отца, и будучи 18 лѣтъ отъ роду, женился на 26 лѣтней дѣвицѣ Аннѣ Гепевай (Hathaway), пережившей его семью годами.

Семейственная жизнь Вилліама на родинѣ не была продолжительна: во-

ней я извлекъ изъ: The Life of Shakspeare by Aug. Skottowe.

влеченный въ дурное общество своевольной молодежи, онъ спалъ участвовавъ въ похищеніи дичи изъ парка одного сосѣдняго владѣльца (Sir Thomas Lucy of Charlecote), подвергся за то его преслѣдованіямъ и въ опущеніе своему гонимелю, прибѣлъ однажды къ ворошамъ его дома колкій пасквиль. Сіе подало поводъ къ гоненіямъ новымъ, спрочайшимъ: Вилліамъ долженъ былъ (около 1585) спасаться бѣгствомъ. Онъ оправилился въ Лондонъ, гдѣ вскорѣ сдѣлался актеромъ, слѣдственно и драматическимъ писателемъ.

Какія роли игралъ Вилліамъ, неизвѣстно; полагаютъ однакожъ, что лишенный отъ природы наружныхъ качествъ хорошаго актера, онъ не брался ни за что трудное, и шѣнь Гамлетова отца было значительнѣйшее изъ лицъ прагматическихъ, которыя представлялъ онъ когда либо покупался. Но посредственный актеръ обрашилъ вскорѣ на себя вниманіе

какъ хорошій писатель: передѣлывая, по примѣру многихъ въ то время славившихся стихопворцевъ, шаринныя драмы для шеапра, онъ поспавилъ себя въ мнѣніи публики выше другихъ ея любимцевъ; въ 1592 году упоминаютъ уже о немъ съ большою похвалою, не означая однако, передѣланнымъ ли шолько, или уже и самимъ имъ сочиненнымъ драмамъ обязанъ онъ за сей десный опизывъ, такъ, что не возможно опредѣлить ни времени появленія первого изъ собспвенно ему принадлежащихъ произведеній, ни порядка, въ коноромъ они вообще одно за другимъ слѣдовали. (*)

Липерашурная слава актера-поэпа обрашила на него вниманіе многихъ богачей и знашнихъ; ихъ бла-

(*) Мелонъ старался опредѣлить сей порядокъ, основываясь на соображеніяхъ, заключеніяхъ и догадкахъ, часто изысканныхъ самымъ спраннымъ образомъ. По его мнѣнію Гамлетъ написанъ около 1600 года.

госклонности обязанъ онъ былъ улучшеніемъ своего соспоянія, доходомъ отъ продажи на шеапръ драмъ вовсе необезпеченнаго. Королева Елисавета также высоко цѣнила его произведенія; но ничто, кромѣ похвалъ не ознаменовало, кажепся, ея къ нему милоспи. Только при преобразованіи усройспва Англійскихъ шеапровъ Королемъ Яковомъ, когда акперы начали почипанъся соспоющими въ службѣ при Дворѣ и, вспуая въ свое званіе, давали кляпву въ вѣрности, положеніе Вилліама значишельно поправилося: помѣщенный въ число придворныхъ акперовъ съ самаго начала, онъ вскорѣ получилъ собспвенноручное письмо Короля съ изъявленіемъ ему Монаршаго благоволенія; пономъ наименованъ однимъ изъ дирекпоровъ шеапра, при коноромъ и оспавался до 1613 года, хотя игралъ шолько до 1603 года.

Въ продолженіи сего времени онъ написалъ 34 драмы (со включеніемъ

передѣланныхъ имъ для шеатра впо-
рой и прешей часпи Генриха IV,
и можешь бышь нѣкопрыхъ дру-
гихъ), поэмы: Венера и Адонисъ, по-
хищеніе Лукреціи, спраспный пи-
лигримъ, жалобы влюбленнаго и 154
сонета.

Находясь въ Лондонѣ, купилъ Вил-
ліамъ въ Спрашфорпѣ сперва (въ 1598)
пакъ называемое новое мѣспо, а по-
помъ и другія земли и въ 1613 оспа-
вивъ сполицу переселился на свою
родину. Въ началѣ 1616 г. написалъ
онъ завѣщаніе, будучи, въ полномъ
умѣ и совершенномъ здоровьи, но 23
Апрѣля того же года умеръ неиз-
вѣспно опъ какой болѣзни, оспавивъ
(сынъ его умеръ въ 1586 году, 12
лѣтъ) двухъ дочерей. Онъ погребенъ
въ соборной Спрашфорпской церкви.

При жизни Шекспира напечатано
было только 14 изъ его драмъ. Сіе
изданіе, вышедшее вѣрояпно безъ
всякаго пересмотра, можешь бышь
безъ вѣдома авшора, напoлнено гру-

бѣйшими ошибками: многія мѣспа
не имѣють смысла; спихи напеча-
шаны, какъ проза, а проза какъ спи-
хи; вмѣспно именъ дѣйспвующихъ
лицъ вспавлены имена аксперовъ; дра-
мы не раздѣлены на дѣйспвія и явле-
нія; часпо къ рѣчи одного лица при-
чпено шо, чпо должно говоришь
другое и пакъ далѣе.

Въ 1692 году напечатана опдѣль-
но прагедія Ошелло, а въ слѣдующемъ
вышло первое полное собраніе дра-
матическихъ произведеній in folio.
Оно замѣчашельно пѣмъ, чпо въ немъ
священныя имена (упошребленіе ко-
ихъ въ драмахъ запрещено спашпу-
помъ Короля Якова) замѣнены выра-
женіями общими. За симъ изданіемъ
слѣдовали, пакже in folio, другія при:
въ 1639, 66, 85 годахъ. Всѣ сіи че-
пыре in folio, одно за другимъ по-
чпи безъ всякихъ поправокъ и всег-
да съ новыми ошибками перепеча-
шанныя, имѣють, правда, свои до-
споинспва, и пѣмъ большія, чпо по

причинѣ потери рукописей, только сравненіемъ съ ними перваго неполнаго изданія и сличеніемъ ихъ между собою, могли послѣдующіе издатели очистишь, сколько было возможно, обезображенный шекспъ; но они только при совершенномъ недоспапкѣ чего - либо лучшаго могутъ быть приняты въ разсмотрѣніе: споль многоразличными и важными ошибками искажены въ нихъ Шекспировы шворенія.

Рове первый спарался объ исправленіи сихъ безчисленныхъ погрѣшностей; но его два изданія (1709 и 1714) оспавили желаніе споль многого, чпо *Поле* не могъ даже ими пользоваться, а обратился къ спариннымъ in folio, спалъ поправляшь и испорченное и непонятное ему по причинѣ неупребительныхъ выраженій, но соскучивъ шрудною работою окончилъ ее наскоро и напечаталъ такимъ образомъ полу - поправленнаго Шекспира два раза (1725 и 28).

Послѣ нихъ *Теобальдъ* и Епископъ *Варбуртонъ* равнымъ образомъ не доспитли цѣли, и прошло полшора вѣка послѣ смерти Шекспира прежде, нежели шворенія его появились въ снономъ видѣ. *Джонсонъ* былъ первый издатель очистишь и пояснишь ихъ значительнo; послѣ него *Стивенсъ*, *Ридъ*, *Кателъ*, *Мелонъ* и другіе шрудились надъ шѣмъ же съ неушомимымъ прилѣжаніемъ; всѣ усилія ихъ не могли однакожъ возвратить шекспу первобытной его чистоты: оспалось много мѣспъ шемныхъ, много несообразностей, пропусковъ и прибавленій.

Кромѣ сихъ погрѣшностей, послѣствій небрежности и невѣжества первыхъ издателей, еспъ въ швореніяхъ Шекспира и другія, собспвенно ему принадлежація. Бѣдный актеръ, онъ долженъ былъ, особенно въ началѣ своего липерашурнаго поприща, пенщисъ о пропишаніи больше, нежели о славѣ, сообразовашься со вкусомъ актеровъ

и черни, соспавлявшей тогда большую часть поспиншелей шеапра. Отсюда произошли грубыя шупки, часно неумѣспная игра словъ, слишкомъ рѣзкія карнины, выраженія низкія, неблагоприспойныя. (*)

Всѣ сіи недоспапки Шекспирова шеапра запруднишельны для переводчика не менѣе, какъ и его доспоинспва, его красоспы, часно неподражаемыя. Я руководспвовался при переложеніи Гамлепа слѣдующими правилами:

1.) Переводипь спихи спихами, прозу прозою сколько возможно ближе къ подлиннику (не измѣняя ни мыслей, ни порядка ихъ) даже насчетъ гладкоспи рускихъ спиховъ, неприобыкшихъ заключапъ въ себѣ часпицы рѣчи, для проспопы неприужденнаго, неопрывиспаго Шекспирова слога необходимыя.

(*) Отспупленія отъ Аристотелевыхъ правилъ нельзя назватъ ошибками въ Шекспирѣ, вовсе сихъ правилъ незнавшемъ.

2.) Въ выраженіяхъ бытъ вѣрнымъ, не оскорбляя однакожъ благоприспойности и приличія: часно слово низкое уже и въ подлинникѣ, рѣзкое и въ Шекспирова время, имѣетъ на рускомъ языкѣ выраженіе, соопвѣспвующее ему по смыслу, но еще нижшее, неспернимое для уха самаго невзыскашельнаго;—въ пакихъ случаяхъ я почиалъ за лучшее замѣнитъ его другимъ, благороднѣйшимъ. Чрезъ сіе, правда, нѣкопорыя, немногія картины поперяли наспоющій колоритъ свой; но это зло необходимо—если и зло оно.

3.) Игру словъ передавалъ даже насчетъ вѣрности въ изложеніи заключающейся въ ней мысли, если мысль сія сама по себѣ незначительна.

4.) Въ мѣспяхъ неясныхъ и сомнительныхъ совѣсповалъ сп всѣми Комменшаторами и слѣдовалъ полкованію вѣрояпнѣйшему.

5.) Нѣкопорые опрывки древнихъ спихопвореній, въ прагедіи помѣ-

щенные, переводить вольно. Иные списки, напримеръ, въ пѣсни гробокопателя, вовсе не имѣютъ смысла: можешь быть Шекспиръ хотѣлъ показать, какъ невѣжи искажаютъ въ пѣніи баллады, сдѣлавшіяся народными; сіе могло забавлять только его современниковъ.

6.) Помѣщая въ примѣчаніяхъ все могущее послужить къ поясненію текста: мнѣнія и догадки комментаторовъ, историческія извѣстія, игру словъ и другія мѣста подлинника, по какимъ-либо причинамъ не близко переведенныя; указывать же на всякое незначительное описуемое въ выраженіяхъ и оборотахъ не почелъ я за нужное.

Изъ сихъ правилъ пѣкопнымъ образомъ видно, какой степени вѣрности должно требовать отъ моего перевода. Объ успѣхѣ судить не мнѣ: переводя почти всегда списки въ списки, часно слово въ слово, допускающая выраженія малоупотребитель-

ныя, я спарался доставить моимъ соотечественникамъ сколько возможно почтѣйшую копию Гамлета Шекспирова; но для сего должно было сохранить красоты, почти неподражаемыя — а въ семъ-то именно нельзя и ручаться.

Перечисываніе Гамлета въ подлинникѣ, поправки и повѣрки перевода доставили мнѣ средства изучить сіе удивительное произведеніе, обнять его въ цѣломъ. Не излагая здѣсь подробно его плана и хода, ограничусь разсмотрѣніемъ характера самаго Принца и опредѣленіемъ мысли, служащей трагедіи основаніемъ. Генне въ Вильгельмѣ Мейсперѣ сказалъ свое мнѣніе о томъ и другомъ; онъ подалъ мнѣ Аріаднину нить для сего лабиринта, въ копоромъ, придерживаясь сей нити, нашелъ я иные изгибы не совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ начерпалъ ихъ знаменитый поэтъ Германіи: всегдашній сумракъ рѣдко позволяеть различать тамъ предме-

шы явспвенно, и наблюдапель, со-
спавляя рисунокъ сего многосложна-
го зданія, не можешь ручаться въ
вѣрности каждой чершы своей кар-
пины. Чипающіе Гейне увидяшь са-
ми, что изъ нижеслѣдующаго заим-
спвовалъ я у него, и что принадле-
житъ собственно мнѣ.

Опдѣлимъ, по примѣру Нѣмецкаго
поэта, опъ Гамлетова характера все,
бывшее послѣдспвіемъ печальныхъ со-
бытій, означенныхъ въ трагедіи;
предспавимъ себѣ Принца, какимъ
былъ онъ при жизни своего родите-
ля. Вмѣспѣ съ сердцемъ добрымъ и
чувспвипельнымъ, съ крошкою, бла-
городною душою, съ спрогою нрав-
спвенностію, получилъ онъ опъ при-
роды пріятную наружностъ, умъ смѣ-
плавый и дальновидный. Хорошее
воспитаніе и примѣръ добродѣтель-
наго опца ушвердили въ немъ вро-
жденныя благія склонности, образо-
вали вкусъ его; увѣренностъ въ до-
спиженіи царской власпи (хотя и

ненаслѣдспвенной но могущеспвен-
нымъ опцемъ легко оспавляемой за
сыномъ доспойнымъ) означила ему
кругъ его будущаго дѣйсспвія. Въ
Принцѣ юношѣ развился характеръ,
долженспвовавшій соспавивъ нѣко-
гда не воинскую славу, но радостъ
и счаспие государспва: въ немъ не
было вовсе геройской швердоспи,
управляющей обспоянелъспвами, ру-
чающейся за успѣхъ предпріятій смѣ-
лыхъ и многотрудныхъ, не было рѣ-
шипельности, въ мгновенной опа-
сности мгновенно опасныя, но вѣр-
ныя средспва для доспиженія цѣли
избирающей; за то добродѣтельная
душа его спремилась ко всему благо-
му, и сіе ея спремленіе, опираясь
на неограниченной власпи самодерж-
ца, принесло бы плоды прекрасныя.
Сверхъ сего Гамлета опличали каче-
спва, высоко цѣнимыя и въ часпномъ
человѣкѣ: любипель полезнаго и прі-
ятнаго, онъ уважалъ достоинспво
вездѣ, гдѣ находилъ его; спрогій къ

самому себѣ, гнушался порокомъ въ другихъ, презиралъ все низкое, отвращался особенно отъ прихворсства и рабѣщія; крошкѣй и снисходительный, могъ, имѣлъ даже нужду просиши въ всякую обиду, хопя и живо чувствовалъ ее въ первыя минуты: нишащъ къ кому-либо ненависть было для души его почти спольже тяжело, какъ и спрадащъ отъ угрызений совѣсти. Сердце его знало прелестъ искренней дружбы, и наконецъ испытало сладость первой любви, какъ само оно, крошкой и нѣжной.

Таковъ былъ молодой Принцъ въ дни своего счастья. Опецъ его умираетъ скороспшижно; воцаряетъ дядя, человекъ, подъ личиною доброхотства и привѣщавоспи, скрывающій порочную душу со всѣми ея порочными замыслами. Вдругъ Гамлетъ видитъ себя лишеннымъ короны, которую привыкъ онъ починащъ своею собственностію, предчувствуетъ (увѣренный въ прихворсствѣ Клавдія

и пуспопъ его обѣщаній) что опечужденъ отъ ней навсегда, впервые познаетъ разстояніе подданнаго и Монарха раздѣляющее. Отъ униженъ до равенства съ рабѣщною полною придворныхъ, долженъ услугою покупашъ услугу, даже во многомъ нуждащъ: онъ въ полной мѣрѣ чувствуетъ свое ничтожество. Могла ли такая перемѣна положенія не омрачить души его печалію? Но сего еще мало: единственное существо, коего участіе могло уладить его участь, а подпора и содѣйствіе вновь оживить прежнія надежды, его мащъ дѣлаетъ супругою царствующаго дяди. И ее долженъ онъ включить въ число своихъ недоброжелателей, и отъ ней ожидать ему нечего!

Тутъ-шо Гамлетъ осиротѣлъ совершенно, возненавидѣлъ и коварный свѣтъ и жизнь свою, доперялъ всю бодрость, упалъ духомъ безвозвратно. Такимъ являетъ онъ намъ въ началѣ трагедіи. Въспъ о появленіи оп-

цовой тѣни подшверждаеиъ подозрѣнiе, невольио ему тѣснившееся въ душу; вскорѣ попомъ призракъ открываетъ тайну убійства и призываетъ его къ мести. Пораженный ужасомъ, но въ пылу негодованiя и гнѣва забывшiй на минушу все оспальное, Гамлетъ общаетъ мщенiе скорое и въ слѣдъ за симъ, разсѣавшись съ призракомъ, клянется--не забыть родишеля: первое движенiе упихло; удрученный и прежнимъ и симъ новымъ бременемъ, онъ не предпринимаеиъ ничего рѣшишельнаго, обязываетъ друзей своихъ молчанъ о привидѣнiи, скрываетъ опъ нихъ тайну убійства, замышляетъ только на всякiй случай пришвориться помѣшаннымъ. Всѣ послѣдующiе поступки его объясняющъся, основываясь на вышеказанномъ, безъ затрудненiя: смѣлый въ минушу непредвидѣнно предсавляющейсâ опасностю, онъ не смѣеиъ вызвать ее самъ; укоряеиъ себя въ малодушии и медлительностю

и находить всегда новыя предлоги опсрочивать совершенiе мести. Унынiе и бремя бѣдствiя, которое свергнуиъ онъ чувствуетъ себя не въ силахъ, подавили даже любовь въ его сердцѣ: онъ уже смѣшиваетъ Офелiю съ оспальными существами мiра, имъ презираемаго.—Такъ, воспламенясь и хладѣя попеременно, дѣйствуя только украдкою, прибѣгая къ ненавистнымъ ему средствамъ, хитрости и пришворству, всегда печальный въ душѣ и недовольный собою, онъ уклоняеиъ болѣе и болѣе отъ своей цѣли и наконецъ совершенно теряеиъ ее изъ виду въ минушу развязки ничѣмъ неприготовленной, неожиданной, успроенной случаемъ или привидѣнiемъ.

Сiя развязка трагедiи служить намъ опвѣдомъ на вопросъ: имѣли Шекспиръ въ виду, сочиняя Гамлета, какую-либо моральную цѣль, или хотѣлъ только предсавить свѣшу прекрасную и живую картинъ.

ну, одну изъ занимательныхъ страницъ въ книгѣ человѣческой жизни?—служить оповѣщенью, по моему мнѣнію, удовлетворительнымъ. Какою неправдоподобною напязкою, какою ученическою ошибкою покажется она каждому, если предположимъ, что авторъ употребилъ ее безъ особеннаго намѣренія и Шекспиру ли впасть въ такую ошибку, ему, которому могло гигантское воображеніе доставить столько средствъ окончить поэму по его желанію, а совершенное знаніе свѣта и человѣческаго сердца указать къ тому сцену, самую приличную? Нѣтъ: Шекспиръ имѣлъ моральную цѣль—это вѣрно; какую—мы можемъ только догадываться.

Въ Гамлетѣ мщеніе не совершается упорными и постоянными усилиями Принца, по характеру и положенно своему къ нему неспособнаго: даже воззваніе и понужденіе пришедшаго изъ числища духа не

могли довести несчастнаго юношу до невозможнаго ему подвига, и пресупникъ, обезпеченный ничтожностію человѣческихъ средствъ къ его наказанію, прибавляетъ къ прежнимъ злодѣяніямъ новое, но падаетъ въ то же время непредвидѣннымъ образомъ, съ нимъ гибнутъ—какъ и прежде, посредственно и непосредственно, погибли чрезъ него—виновные и (вѣрное изображеніе событій сего міра!) невинные; царственный родъ пресекается, скипетръ переходитъ въ руки чужака посторонняго. Не достаточно ли ясно видимъ мы здѣсь, что Провидѣніе ведетъ пресупника къ казни само, своими пулями, независимо отъ чуждѣскихъ усилій, что злодѣйство, распричания пагубное свое дѣйствіе на однихъ, бываетъ для другихъ испочинкомъ выгоды, единственной причиною ихъ возвышенія? Очень возможно, что авторъ именно это хотѣлъ показать намъ; я впрочемъ

никакъ не ручаюсь въ истинѣ моего предположенія и предсавляю его читателямъ только какъ заключеніе изъ тщательнаго разсмотрѣнія переведенной мною трагедіи извлеченное и довольно правдоподобное.

Г А М Л Е Т Ъ

Д В Ы С Т В І Е I.

Я В Л Е Н І Е I.

(Эльсиноръ; Терраса передъ замкомъ.)

Франциско (на стражѣ), Бернардо (входитъ.)

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО.

А ты кто? отвѣчай мнѣ — стой!

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ Король! (г.)

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Онь.

ФРАНЦИСКО.

Вы помните свой часъ!

БЕРНАРДО.

Дѣнадцать было!

Теперь ты можешь спать идти, Франциско.

ФРАНЦИСКО.

Благодарю за смѣну! Спрашанный холодъ,
И мнѣ сгруппнулось.

БЕРНАРДО.

Все было спокойно?

ФРАНЦИСКО.

Ни мышь не пробжала.

БЕРНАРДО.

Добра ночь!

Не встрѣятся ль тебѣ мои сосражи,
Гораціо и Марцеллій? — Пусть спышашъ.

(Гораціо и Марцеллій входятъ.)

ФРАНЦИСКО.

Вотъ, не они ль! Кто здѣсь?

ГОРАЦИО.

Друзья опчизны!

МАРЦЕЛЛІЙ.

И Датскаго вассалы Короля!

ФРАНЦИСКО.

Ну, добра ночь!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Просни, мой честный воинъ.

Кому ты мѣсто сдать свое?

ФРАНЦИСКО.

Бернарду.

Прощайте!

(Уходитъ.)

МАРЦЕЛЛІЙ.

Гдѣ Бернардо?

БЕРНАРДО.

Здѣсь! А здѣсь ли

Гораціо?

ГОРАЦИО.

Кажется на шо похоже! (*)

БЕРНАРДО.

А, здравствуйше, Гораціо и Марцеллій!

ГОРАЦИО.

Что, и сегодня было привидѣнье?

БЕРНАРДО.

Я ничего не видѣлъ.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Гораціо все мечтою починаешь!

Его ни чѣмъ увѣришь и не могъ,

Что дважды спрашанный видѣли мы призракъ,

И, наконецъ, уговорилъ сегодня

Пробышь на спражѣ вмѣстѣ съ нами ночь,

Чтобъ, если снова шожъ придетъ видѣнье,

Онъ видѣлъ самъ, и самъ бы говорилъ съ нимъ.

ГОРАЦИО.

О, не придетъ, не бойшесь!

БЕРНАРДО.

Сядь, Гораціо!

Мы вновь на слухъ твой нападешъ, сполъ сильно

Прощивъ разсказовъ нашихъ о видѣньи

Двѣ ночи здѣсь ходившемъ, укрѣпленный.

ГОРАЦИО.

Садись! ну, разсказывай, Бернардо!

БЕРНАРДО.

Прошедшей ночью,

Когда звѣзда, вотъ эша, что на западъ

Отъ полюса, пришла на вполъ мѣсто,

И, какъ теперь, сіяла тамъ, Марцеллій
И я — лишь колоколъ ударилъ часъ —
(Тынь входитъ).

МАРЦЕЛЛІЙ.

Молчи, молчи! Оно идетъ опять!

БЕРНАРДО.

И въ шомъ же видѣ, какъ Король покойный.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Гораціо! Ты ученый: говори съ нимъ! (3.)

БЕРНАРДО.

Не правда ли? Оно точь въ точь Король нашъ?

ГОРАЦІО.

Точь въ точь! Ужасно, дивно!

БЕРНАРДО.

Говори съ нимъ!

Оно сего желаетъ.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Говори.

ГОРАЦІО.

Кшо ты? Почто, блуждая въ мракѣ ночи,

Воинственный и величавый видъ

Умершаго Монарха похищаешь?

Во пмя неба, говори мнѣ: кшо ты?

МАРЦЕЛЛІЙ.

Оно прогнѣвалось!

БЕРНАРДО.

Смотри — оно

Уходитъ.

ГОРАЦІО.

Спой! Я требую — ошѣшствуй!
(Тынь уходитъ.)

МАРЦЕЛЛІЙ.

Оно сокрылось, и ошѣша нѣтъ.

БЕРНАРДО.

Ну, что, Гораціо? Ты дрожишь? Ты блѣденъ? —

Не больше ль, чѣмъ мечша, сіе видѣнье?

Что мыслишь ты?

ГОРАЦІО.

Клянусь Творцомъ! Сему бъ я не повѣрилъ

Безъ вѣрныхъ и чувственной поруки

Очей моихъ.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Не правда ль, какъ похоже

На Короля?

ГОРАЦІО.

Какъ самъ ты на себя!

Такую же носилъ Король броню,

Когда разилъ Норвежцевъ горделивыхъ;

Такъ гнѣвенъ былъ, когда въ горячемъ спорѣ

Съ саней на ледъ низринулъ Поляка.

Непоспѣжимо!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Такъ дважды, въ мертвый, полуночный часъ,

Въ воинственномъ являлся намъ онъ видѣ.

ГОРАЦІО.

Какой предашься особенной мысли,

Незнаю самъ я; но въ лелены спранныхъ

Переворотъ предвижу Государства.

МАРЦЕЛІЙ.

Но следѣ. Пусть мнѣ скажешь пошлѣ, кто знаетъ,
 Къ чему такая бдѣтельная стража
 У насъ гражданъ провожашъ въ часъ ночной?
 Къ чему всѣдневно опливаютъ пушки,
 Вонискіе снаряды закупаютъ?
 Къ чему морскихъ спрощали судовъ
 Трудяшся, праздникъ превращая въ будни?
 Чшо намъ грозить? Зачѣмъ такъ, въ пошлѣ лицъ,
 Творимъ мы ночь сопридѣлице дня?
 Кто объяснитъ сію мнѣ странность?

ГОРАЦІО.

Я —

Покрайней мѣрѣ слышно такъ. Извѣстно
 Чшо Государь нашъ, коего шеперь
 Являлся образъ, вызванъ былъ на брань
 Зависпавшимъ Норвежскимъ Форшинбрасомъ;
 Чшо храбрый Гамлетъ [такимъ онъ признавъ
 Сей частію намъ знакомаго міра]
 Противника убилъ; а договоромъ,
 Съ законами Геральдики согласнымъ,
 Могъ побѣдителей Форшинбраса земли,
 Убивъ его, принявъ въ свое владѣніе;
 Противъ чего Король нашъ равномерный
 Давалъ залогъ, который уступался
 Наслѣдственно противнику, на случай
 Его побѣды, такъ же какъ и намъ
 Его земля условьемъ отдавалась.
 Теперь же юный Форшинбраса сынъ,
 Неопытный, слѣпой ошваги полный,

Въ Норвегій блуждая, по немногу
 Собрали толпы бездомныхъ удалцовъ,
 За хлѣбъ насущный предприняли гошовыхъ
 Опасное, но прибыльное дѣло,
 И замышляють [въ эпохѣ кнѣзъ сомнѣній]
 Вооруженною рукой и съ бою
 Унасъ опшишь опцемъ его въ бою
 Пошеряныя земли. Вотъ, я мыслю,
 Причина нашихъ всѣхъ приготовленій,
 Причина крѣпкой стражи, и испочинка
 Послѣха и движенія въ Государствѣ.

БЕРНАРДО.

Твои догадки съ истиной согласны,
 И призраку прилично здѣсь, у стражи
 Въ оружіи ходишь, принявши образъ
 Виновика войны сей, Короля.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ; это прахъ, душевный взоръ слѣпающій.
 Въ цвѣтущую эпоху Римской славы,
 Не задолго до Цесаревой смерти,
 Опустѣвали гробы и по Риму
 Вопили шѣни, въ саванахъ блуждая; (4)
 Являлись звѣзды съ огненной мешлою;
 Въ кровавыхъ капляхъ падала роса;
 Мрачилось солнце; влажное свѣшало,
 Непшунова владѣнія покровишель,
 Какъ въ судный день, въ зашпѣніяхъ поминалось.
 И шѣ же вѣстники событийъ грозныхъ,
 Глашатаи карающей судьбы,
 Градущихъ бѣдъ обычные предтечи

Являясь спали на землѣ и небѣ
Опчизнѣ нашей.

(Тѣнь входитъ.)

Боже! снова призракъ!

Хоть онъ разрушъ меня, ему шеперь
Я заспую дорогу! Призракъ, стой!
Когда владѣешь звукомъ ты, или гласомъ,
Ошвѣспивуй мнѣ!

Когда благимъ принесешь могу я дѣломъ
Тебѣ оспраду и себѣ спасенье,
Ошвѣспивуй мнѣ!

Когда предвидишь ты опчизны жребій,
И ошврашишь его, предвидя, можно,
Ошвѣспивуй!

Когда въ земной ушробѣ ты сокрылъ
Сокровище, неправо наминое,
И онъ шого блуждаешь здѣсь по смерти,
Скажи о томъ!

(Слышно плѣнѣ пѣтуха.)

Держи его, Марцеллій!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Ударишь ли кошемъ его?

ГОРАЦІО.

Когда словамъ не внемлешь онъ!

БЕРНАРДО.

ГОРАЦІО.

Сюда!

Ударь,

Сюда!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Онъ скрылся.

Не правы мы, насильственно подъявъ
На призракъ сей величественный руку:
Онъ невредимъ, какъ воздухъ, и пущая
Одна игра удары нашихъ копій.

БЕРНАРДО.

Онъ говоришь, казалось, былъ готовъ,
Когда пѣтухъ запѣлъ.

ГОРАЦІО.

И крикъ услышавъ,

Онъ вздрогнулъ, какъ предъ совѣстью пресупникъ. —
Я слышалъ, что пронзительною пѣсню,
Симъ трубнымъ гласомъ ушра, пробуждаетъ
Пѣтухъ вседневно Бога дня, и звукъ сей
Блуждающихъ духовъ ошвсюду гонитъ
Въ огонь и воды, въ воздухъ или землю,
Гдѣ суждено жилище имъ. Теперь
Мы пспину сего познали сами.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Такъ, онъ псчезъ при крикѣ пѣтуха. —
Идешь молва, что завсегда въ шу пору,
Когда Христа мы празднуемъ рожденье,
Пѣтухъ всю ночь кричать не преснаетъ;
Что благословны ночи шѣ: тогда
Не бродятъ духи, не вредятъ планеты,
И вѣдмы спятъ, и колдовство безсильно —
Такъ свято и спасительно то время.

ГОРАЦІО.

Да, слухи еснь: я имъ опчасши вѣрю.

Но вошь и ушло въ пурпурной одеждѣ
Идешь съ востока по росѣ нагорной.
Пора оковчипь спражу; но, друзья,
О семъ видѣньи Гамлету, я мыслю,
Сказашъ должны мы: безъ сомнѣнья призракъ,
Безмолвный съ нами, съ нимъ бы говорилъ.
Согласны ль вы во всемъ опкрышья Принцу,
Какъ долгъ велишь намъ и къ нему любовь?

МАРЦЕЛІЙ.

О, съ радостью! Я жъ знаю, гдѣ удобно
Его симъ ушромъ мы увидѣшь можемъ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

(Эльсиноръ; комната во дворцѣ)

Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаертъ,
Вольтимандъ, Корнелій и другіе придворные.

КОРОЛЬ.

Еще свѣжа о Гамлетѣ въ насъ память,
Умершемъ братѣ нашемъ, и прилично
Пишашъ въ сердцахъ намъ скорбь и Государству
Носишь печали общей оппечашокъ;
Но такъ разсудокъ спорить въ насъ съ природой,
Что въ горесни о немъ благоразумной
Мы и самихъ себя не забываемъ.
Такъ, есей страпы наслѣднику, и нашу
Сперва сеспру, а нынѣ Королеву

Мы, шакъ сказашъ, въ веселіи шоскливомъ,
Съ восторгомъ въ окъ и слезой въ другомъ,
Съ уныньемъ въ бракъ, съ радостью при гробъ,
Съ шакимъ же чувствомъ счастья, какъ и горя,
Себѣ въ супруги взяли: ваша мудрость
Нашъ въ дѣлѣ семъ свободно одобрила —
За что примите нашу благодарность.

Теперь познайше замыслъ Форшинбраса:

Или въ душѣ насъ низко оцѣняя,
Иль думая, что послѣ смерти брата
Разспроено и слабо наше Царство,
Онъ, лишь съ одной мечшой своей союзный,
Нашъ ушрудашъ осмѣлился посольшвомъ
О выдачѣ владѣній, кои братъ нашъ
Войною оппалъ у его опца
По вѣмъ законамъ. Но объ немъ довольно;
Теперь о нашемъ дѣлѣ и предметѣ
Сего собранья: мы писали къ дядѣ
Младаго Форшинбраса; — извуренный
И дряхлый спарецъ, онъ едва ль и знаешъ
О замыслахъ племянника — просили
Оспановишь ихъ, ибо для войны сей
Потребные и сборы и наборы
Въ его же Принцемъ сдѣланы владѣньяхъ;
И мы васъ шлемъ, Корнелій съ Вольшимандомъ
Съ привѣтомъ симъ къ Норвежскому Монарху.
Въ переговорахъ личныхъ съ Королемъ
Мы разсудили ограничить власшь
Вамъ даную, наказомъ симъ. — Проспите!
Поспѣшность въ васъ докажешъ къ намъ усердые.

КОРНЕЛИЙ И ВОЛЬТИМАНДЪ.

Мы долгъ свой въ семь, какъ и во всемъ, исполнимъ.

КОРОЛЬ.

Сему сердечно вѣримъ мы. Простите!

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.)

Теперь, Лаерсъ, что скажешь? У тебя

Есть просьба къ намъ: какая же, Лаерсъ?

Предъ Государемъ ты не потеряешь

Разумныхъ словъ. Что можешь быть въ сей просьбѣ,

Чего бъ тебѣ и самъ не предлагалъ я?

Не ближе къ сердцу голова, и руки

Не лучше помощники устамъ,

Какъ швоему родителю пронъ Датскій.

Чего жъ, Лаерсъ, ты просишь?

ЛАЕРТЬ.

Государь!

Осмѣлюсь ли просить о позволенъи

Во Францію мнѣ снова удалиться?

Сюда спынилъ я къ дню коронаванья;

Теперь же, сей исполнивъ долгъ священный,

Опять шуда лечу душой и мыслью —

И къ милосши монаршей прибѣгаю.

КОРОЛЬ.

А швой отецъ? Что скажешь ты, Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Онъ неопшпунной просьбой у меня

Нескорое извлечь соизволенъе,

И имъ его запечашлѣвши волю,

Я, Государь, и васъ прошу о томъ же.

КОРОЛЬ.

Счастливый путь, Лаерсъ! Располагай

Своимъ досугомъ по свободной волѣ. —

Теперь ты, Гамлетъ, сродникъ нашъ и сынъ —

ГАМЛЕТЪ (въ сторону.)

О нѣтъ, не сынъ, но болѣе чѣмъ сродникъ. (5.)

КОРОЛЬ.

Какъ, все еще сей облакъ надъ шобою?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, Государь, я слишкомъ близко къ солнцу. (6.)

КОРОЛЕВА.

Оставъ такую мрачность, добрый Гамлетъ,

И обрати на Короля взоръ дружній.

Зачѣмъ всегда, рѣсницы опуская,

Родителя ты, мниши, ищешь въ прахъ?

Потери дѣло общее — всѣ швари

Живущъ и въ вѣчность идущъ изъ природы.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, это дѣло общее.

КОРОЛЕВА.

Зачѣмъ же

Оно въ тебѣ лишь кажется такъ странно?

ГАМЛЕТЪ.

Не кажется, но есть такъ, Королева!

Я никакого „кажется,, не знаю!

Нѣтъ, машь добрая, не черный плащъ,

Не пышная, печальная одежда,

Не сжатого дыханія порывы —

О нѣтъ! Ни слезъ обильныхъ струя,

Ни помисе уныніе въ лицѣ,

Ни что изъ сихъ наружныхъ знаковъ грусти
Не выражаетъ сердца! Это все
Казаться можешь, можешь быть припворно,
Все горести одежда и прикрасы;
Но что въ душѣ, того никто не видишь.

К О Р О Л Ъ.

Въ тебѣ я похваляю, добрый Гамлетъ,
Столь сильное печали ощущение;
Но и отецъ твой потерялъ отца,
Его отецъ утратилъ своего,
И каждый грусть, въ дни первые разлуки,
Считалъ сыновнимъ долгомъ; но всегда
Упорствовавъ въ печали своенравной —
Безбожно и съ природою не сродно.
Что видно въ томъ? Лишь непокорство небу,
Некрѣпость сердца, духа неперитѣе,
И слабый, невоздѣланный разсудокъ.
И должно ль намъ столь сильно то брать къ сердцу,
Что неизбежно, что обыкновенно,
Какъ ежечасно видимыя вещи?
Повѣрь мнѣ, гдѣ! то грѣхъ прошивъ небесъ,
Уму прошившій грѣхъ прошивъ умершихъ,
Противъ природы, въ коей смерть—законъ,
Которая бездушныхъ тѣлъ усами
Съ начала міра вопіетъ по нынѣ:
Такъ должно! Свергни, нашимъ внявъ молениямъ,
Печали бремя, и объ насъ помысли,
Какъ объ отца: пускай узнаетъ свѣтъ,
Что ты ближайшій къ нашему престолу,
Что съ тою же горячностью сердца,

Съ какой отецъ нежнѣйшій любитъ сына,
Тебя мы любимъ. Мысль швол—откуда
Къ наукамъ возвратиться въ Випшенбергъ (?) —
Она съ желаньемъ нашимъ не согласна:
Останься, просимъ мы усердно, здѣсь,
Для нашихъ глазъ весельемъ и утѣхой,
Главой придворныхъ, сродникомъ и сыномъ.

К О Р О Л Е В А.

Не отвергай просьбы матери, мой Гамлетъ!
Останься здѣсь, забудь о Випшенбергѣ.

Г А М Л Е Т Ъ.

Я повинуюсь слѣпо, Королева.

К О Р О Л Ъ.

Вотъ такъ! прекрасный, дружескій отвѣтъ!
Останься; будь, какъ мы, здѣсь. — Королева!
Безспорное согласіе такое
Улыбка сердцу нашему. Сегодня
Объ каждомъ изъ заздравныхъ нашихъ кубковъ
Большая пушка скажетъ облакамъ,
И небеса привѣтъ нашъ прогремѣтъ,
Отвѣшавъ на громъ земли. — Пойдемъ!

(*Уходятъ все, кромѣ Гамлета.*)

Г А М Л Е Т Ъ (*одинъ.*)

О, еслибъ весь столь твердый сей составъ мой
Могъ распустился, и низпалъ росой!
Или творецъ противъ самоубійства
Не положилъ закона? Боже, Боже!
Какъ обѣщаль, и тягостенъ, и низокъ
Въ очахъ моихъ дѣлній ходъ на свѣтъ!
О, свѣтъ презрѣнный! Ты заглухшій садъ,

Гдѣ зрюшъ лишь и сѣюся вѣлчи
И шериі! И до сего дошло!
Два мѣсяца какъ мертвъ! — Еще и двухъ нѣтъ!
И столь достойный Царь! Гиперіонъ
Въ сравненіи съ преемникомъ Сашпромъ! (8.)
Супругъ столь нѣжный! Онъ небеснымъ выпрамъ
Препилъ душъ сильно на лице супруги!
Земля и небо! должно ли припомнишь?
И обладанье, мишло, умножало
Въ ней обладанья жажду! — И чрезъ мѣсяцъ! —
Оставь меня, мысль тяжкая! О брѣнность!
Твое названье женщина! Чрезъ мѣсяцъ
Одинъ! Еще не обѣщала обувь,
Въ которой шла она за мертвымъ шломоу
Въ слезахъ, какъ Ніобіа! — И она —
О небо! Звѣрь, безъ слова и разсудка,
Грустилъ бы доль! — И она супруга
Другаго брата, сходяго съ умершимъ,
Какъ съ Геркулесомъ я! Чрезъ краткій мѣсяцъ —
Скорый чѣмъ влага вынужденныхъ слезъ
Въ наплаканныхъ глазахъ ея засохла —
Она супруга! Гнусная поспѣшность
Къ порочному кровосмѣшеню ложу!
Тутъ нѣтъ добра и бытъ впередъ не можешь!
Но рвися, сердце! — Я умолкнуть долженъ!
(Гораціо, Марцеллій и Бернардо входятъ.)

ГОРАЦІО.

Любезный Принцъ! —

ГАМЛЕТЪ.

Я радъ, что ты здоровъ —

Гораціо — иль я самъ себя не помню?

ГОРАЦІО.

Онъ самый, Принцъ! Всегда слуга вашъ вѣрный.

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо! Ты будь другъ мой, я слуга твой. (9.)

За чѣмъ же ты оспавилъ Виштенбергъ? —

Марцеллій! —

МАРЦЕЛЛІЙ.

Принцъ! —

ГАМЛЕТЪ.

Здорово! Какъ я радъ!

Но что васъ выжило изъ Виштенберга?

ГОРАЦІО.

Льнь, добрый Принцъ мой.

ГАМЛЕТЪ.

Не дай Богъ чтобъ и врагъ твой говорилъ шакъ!

И ты не долженъ оскорблять мой слухъ,

Его сей вѣщи вѣришь заспавая:

Что не лѣннвъ ты, знаю я давно.

Что жъ за дѣла у васъ здѣсь въ Эльсиноръ?

Мы выучимъ здѣсь пить шебя, Гораціо.

ГОРАЦІО.

Я погребенье вашего ошца

Желалъ увидѣть.

ГАМЛЕТЪ.

Другъ, не насмѣхайся!

Нѣтъ, вѣрно матери обрядъ вѣнчальный!

ГОРАЦІО.

Одно случилось скоро за другимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Расчетъ, Гораціо! Бережливость! — Блюда
 Опъ похоронъ на пиръ остались брачный!
 Мнѣ легче бѣ было злѣйшаго врага
 Найши въ раю, чѣмъ переживишь шомъ день!
 Родитель мой; его я, мнился, вижу —

ГОРАЦІО.

Гдѣ, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Предъ окопъ умиленнымъ, Гораціо.

ГОРАЦІО.

И я видалъ его: Король доспойный!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ человекъ былъ въ полномъ смыслѣ слова;
 Ему подобныхъ вѣрно не найши мнѣ.

ГОРАЦІО.

Его я, мнился, видѣлъ прошлой ночью.

ГАМЛЕТЪ.

Кого ты видѣлъ?

ГОРАЦІО.

Вашего опца.

ГАМЛЕТЪ.

Опца?

ГОРАЦІО.

Умѣрьше, Принцъ, вниманьемъ на минушу
 Порывы удивленья; мы подробно —
 Я, и сіи два очевидца, чудо
 Расскажемъ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не медли, ради Бога!

ГОРАЦІО.

Двѣ ночи сряду, вмѣстѣ бывъ на спражѣ,
 Ужъ видѣли Марцелій и Бернардо,
 Въ глухую полночь, шо же привидѣнье;
 И въ точномъ видѣ вашего опца:
 Опъ головы до ногъ вооруженъ,
 Являлся призракъ, медленно и важно
 Трикрашы онъ съ осанкой величавой
 Предъ успрашеннымъ проходилъ ихъ взоромъ
 Не далѣе, какъ на длину конья;
 И въ ужасѣ, сердцами леденя,
 Они стояли передъ нимъ безмолвно.
 Узнавъ опъ нихъ о непоспичной тайнѣ,
 На прешью ночь на спражѣ былъ я самъ,
 И все сбилось, что слышалъ я о мѣстѣ,
 О времени и видѣ привидѣнья:
 Оно пришло — и шо былъ вашъ родитель!
 Не болѣе моя одна рука
 Другой подобна!

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ онъ появлялся?

ГОРАЦІО.

Тамъ, гдѣ ночная спража, на шеррастѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Ты говорилъ съ нимъ?

ГОРАЦІО.

Да, но онъ молчалъ;

Однжды шолько, голову возвыся,

Подвигся онъ, казалось, для ошвѣща;
Но въ шу минушу прокричалъ пѣснухъ:
При звукъ семь онъ вздрогнулъ, и поспѣшно
Пошелъ, и скрылся вдругъ изъ вида.

Гамлетъ.

Дивно!

Горацио.

Я въ истинѣ сего ручаюсь жизнью,
И мы почли священнымъ долгомъ вамъ
Ошкрышь видѣнье.

Гамлетъ.

Да, друзья, конечно,

И вѣснью сей я шакъ встревоженъ; — вы
Сей ночью будете на спрахъ?

Все трое.

Будемъ.

Гамлетъ.

Онъ былъ вооруженъ?

Горацио.

Вооруженъ.

Гамлетъ.

Опъ головы до ногъ?

Горацио.

Такъ шочно, Принцъ.

Гамлетъ.

Вамъ было видно и лице?

Горацио.

О, видно:

Забрало было подняшо.

Гамлетъ.

И гнѣвъ

Казался онъ?

Горацио.

Нѣтъ, съ выраженемъ грусти
Скорѣй, чѣмъ гнѣва.

Гамлетъ.

Блѣденъ или румянъ?

Горацио.

Нѣтъ, очень блѣденъ.

Гамлетъ.

Онъ на васъ смогрѣлъ?

Горацио.

И приспально.

Гамлетъ.

О, еслибъ я былъ съ вами!

Горацио.

И вами вѣрно овладѣлъ бы ужасъ.

Гамлетъ.

О вѣрно, вѣрно! Долго ль былъ онъ съ вами?

Горацио.

Не долѣ, какъ спо я насчиталъ бы.

Марцеллий.

Нѣтъ, долѣ.

Горацио.

Развѣ въ первыя двѣ ночи.

Гамлетъ.

Сдѣ волосомъ, или нѣтъ?

ГОРАЦИО.

Точь въ почь, какъ въ жизни
Его я видѣлъ: черепъ съ сѣдиной.

ГАМЛЕТЪ.

Я самъ сегодня буду къ вамъ на спражу.
Быть можешь онъ придетъ опять.

ГОРАЦИО.

О, вѣрно!

ГАМЛЕТЪ.

Когда родители онъ принялъ образъ,
Я вопрошу его, хоша бѣ умолкнушь
И самый адъ, разверзшись, повелѣлъ мнѣ.
Прошу васъ, други, если вы донынѣ
Хранили тайну, продолжишь молчанье,
И все, что сею ночью ни случится,
Хранишь въ душѣ, устамъ не пѣрля:
Я за услугу опишачу. Проснитесь!
Мы на шепрасть, какъ настанетъ полночь,
Увидимся.

ВСѢ ТРОЕ.

Къ услугамъ вашимъ дагъ нашъ. . .

ГАМЛЕТЪ.

Не долгъ, любовь, какъ вамъ мой; просните!

(Горацио, Марцеллій и Бернардо уходятъ.)

Ошца вооруженный призракъ? Справно!
Тутъ нѣчто скрыто. О, скорый бы ночь!
Спокойно жди душа моя! Злодѣйства
Ошкроюся, хошь ихъ засыпъ горами.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

*(Комната въ домѣ Полоніа)*ЛАЕРТЬ и Офелія *(входятъ.)*

ЛАЕРТЬ.

Мои пожитки въ корабль — просни!
И если насъ благопріятный въперъ
Перенесетъ, не спи сестра, и въспи мнѣ
Подай скорый.

ОФЕЛІЯ.

О, въ шомъ не сомнѣвайся.

ЛАЕРТЬ.

А что до мнимой Гамлетовой спраши —
Считай ее игрою крови, модой,
Перворожденнымъ юноши цвѣшкомъ,
Прекраснымъ, свѣжимъ, но минушнымъ шолько,
Съ минушною красой и аромашомъ:
Не болѣ.

ОФЕЛІЯ.

И не болѣ?

ЛАЕРТЬ.

Такъ, не болѣ.

Не думай, что съ лѣтами человекъ
Расшетъ лишь шѣломъ: возрашаешь храмъ,
А вмѣстѣ съ шѣмъ мужающъ и жрецы,
Душа и умъ. Быть можешь, шы любима,
И ни обманъ шеперь, ни злобный умыслъ
Не оскверняетъ Гамлетовыхъ мыслей;

Но бойся: онъ, въ величїи, безъ воли;
 Онъ царственнѣйшей своей породы рабъ,
 И въ склонности не властенъ, какъ иные;
 Отъ выбора его зависѣть будетъ
 Спокойствіе и благо Государства,
 И въ немъ онъ долженъ соглашаться съ гласомъ
 И волей шѣла, коего глава онъ.
 Благоразуміе шее въ величїи
 Не больше вѣришь увѣренїямъ въ спраши,
 Какъ сколько можетъ оправдать слова онъ
 На самомъ дѣлѣ, то естъ, сколько общій
 Глазъ Давїи сей выборъ подтверждаетъ.
 Помысли, что швое теряешь чесъ,
 Когда, внимая легковѣрно лести,
 Ушрашишь сердце, или сластолюбцу
 Сокровище ты чистое повѣришь.
 Спрашисъ сего, спрашисъ, моя сеспра!
 Нейди за спрашью; шамъ пребудъ, куда
 Желанья шрѣлы долетѣшь не власны;
 Дѣвицъ скромной много и шого,
 Когда красы ея увидишь мѣсяцъ;
 Злословіе разишь и добродѣтель;
 Не рѣдко червь снѣдаетъ чадъ весны,
 Когда еще ихъ цвѣтъ не распускался,
 И на зарѣ росншой юныхъ лѣтъ
 Наиболѣе свирѣпствуетъ зараза.
 Будь ошорожна: шпрахъ естъ безопасншъ,
 И молодосъ сама себѣ всегдашній,
 Спрашѣнншй врагъ.

ОФЕЛІЯ.

Спасительный урокъ сей
 Мнѣ будешь спражемъ сердца; но, мой братъ,
 Не будь и ты, какъ шрогій проповѣдникъ:
 Тернишншй пушъ мнѣ указуя къ небу,
 И пушъ же самъ, въ безпушномъ своевольствѣ,
 По розовой шронѣ ушѣхъ блуждая,
 На перекоръ словамъ своимъ.

ЛАЕРТЪ.

Не бойся!

Пора! Но вопъ родишель нашъ:

(Полоній входитъ.)

Въ двойномъ

Благословенїи благодащъ двойная!
 Вопъ и къ шпоричному прощанью случай.

ПОЛОНІЙ.

Ты здѣсь, Лаертъ? Не шпыдно ли? Спѣши!
 Вѣпръ дуешь въ плечи парусамъ! Тебя (го.)
 Ужъ ждушъ! Прими мое благословенье,

(Кладетъ ему руки на голову.)

И правила запечашлѣй въ душъ.
 Не повѣрай ни мыслей языку,
 Ни безразсудныхъ замысловъ дѣянью;
 Будь обходишеленъ, но не навязчивъ;
 Имѣешь ли испышанныхъ друзей —
 Къ душъ спальной приковывай ихъ цѣпью,
 Но всякому безперому пшеницу
 Не подавай руки на дружбу; бойся
 Начала ссоръ, а въ ссорахъ дѣлай шакъ,
 Что бы противникъ спалъ шебя бояшнся;

Всѣхъ слушая, немногимъ говори;
 Внимай сужденьямъ всѣхъ, свои скрывая;
 Одеждой будь съ доходомъ сообразенъ,
 Но не причудливъ, и богашъ, не пышенъ:
 Наружный видъ высказываетъ душу,
 И въ лучшемъ обществѣ Французомъ въראה
 И шонокъ вкусъ, особенно въ одеждѣ;
 Не занимай, и не давай въ займы:
 Дашь — потеряешь съ деньгами и друга;
 Займешь — припустишь оспріе расчепа;
 Всего же боль: вѣренъ будь себѣ,
 И [слѣдуешь за симъ, какъ день за ночью]
 Ты не измѣнишь никому. Прости!
 Да водворишь мое благословеніе
 Въ тебѣ урокъ сей.

ЛАЕРТЬ.

Вашъ нижайшій сынъ!

Простите!

ПОЛОНИЙ.

Время! Слуга ждушъ тебя.

ЛАЕРТЬ.

Прости, сесшра, и помни, что сказалъ я.

ОФЕЛІЯ.

Я въ памяти твои замкнула рѣчи,

И ключъ ошъ ней тебѣ же отдаю.

ЛАЕРТЬ.

Простите!

(Уходитъ.)

ПОЛОНИЙ.

Что, Офелія, сказалъ онъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ говорилъ о Гамлетѣ со мною.

ПОЛОНИЙ.

А, очень къшапи!

Съ шобой, я слышалъ, Принцъ наединѣ
 Бывашъ спалъ часомъ; говорятъ, свободно
 И ласково его ты принимаешь.

Когда то правда [какъ въ предосторожность
 Мнѣ возвѣстили], я замѣнишь долженъ,
 Что ты себя не знаешь такъ, какъ чести
 И имени то твоему прилично.

И что такое съ нимъ у васъ? Скажи мнѣ!

ОФЕЛІЯ.

Онъ говорилъ, любезнѣйшій родишель,

О склонности своей ко мнѣ.

ПОЛОНИЙ.

Ну, такъ!

О склонности! Послушай! Ты болашешь

Какъ новичекъ въ такомъ опасномъ дѣлѣ.

Что жъ? Ты конечно склонности сей вѣришь?

ОФЕЛІЯ.

Я и сама не знаю, что подумашъ.

ПОЛОНИЙ.

Такъ вошъ, узнай же! Думай, что глупа ты;

Что склонности, не стоющія гроша (11.)

Ты за наличныя пріемлешь деньги.

Склонися — ка къ разсудку, иль [насилъно
 Несчастное удерживая слово]

Людей ты склоняешь къ мысли, что дуракъ я. (12.)

ОФЕЛІЯ.

Но онъ свою представилъ мнѣ любовь
Въ столь добромъ видѣ —

ПОЛОНІЙ.

Да, „видомъ,, эшо звань ты можешь! — Дальше! (из.)

ОФЕЛІЯ.

И подкрѣплялъ при шомъ свои слова
Объемами и кляшвою свящѣйшей.

ПОЛОНІЙ.

Да! Съши на перепеловъ! Я знаю
Какъ распочишельна душа на кляшвы,
Когда буншуешь кровь! Такія вспыски
Имѣють блеску больше, чѣмъ шепла —
И гаснушь въ шомъ же мигъ, когда родяся:
Не почидай огнемъ ихъ, и опшныѣ
Не распочай шакъ впредь своей бесѣды;
Цѣни ее дороже, и со всякимъ
Не знайся, кто захочешъ; а нашъ Гамлешъ —
Ты вѣрь шому лишь, что еще онъ молодъ,
Что на длиннѣйшемъ ходишь онъ арканѣ,
Чѣмъ шо тебѣ присшойно; но не вѣрь
Его объемамъ: въ чистой сей одеждѣ
Нечисшны скрываюся зашѣи;
Они — одна завѣса обольщенья,
И для обмана шолько носятъ образъ
Священныхъ кляшвъ. Однажды навсегда —
Я не хочу, чтобы оскверняла боля
Ты хошь одно мгновенье досуга
Бесѣдой съ Гамлешомъ, или свиданьемъ.
Смошри — сего я шребую. Спунай!

ОФЕЛІЯ.

Я повинуюсь.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Терраса передъ залкою)

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛІЙ (входятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Какая спужа! Воздухъ шакъ и колетъ!

ГОРАЦІО.

Да, оспрый и холодный воздухъ.

ГАМЛЕТЪ.

Кошорый часъ, Гораціо?

Скоро полночь.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Нѣтъ, полночь было.

ГОРАЦІО.

Право? Я не слышалъ;

И шакъ уже почти настало время,
Когда приходишь обычно призракъ.

(Слышны звуки трубъ и пушечные выстрѣлы.)

Что эшо значить, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Король шируетъ

И шѣшился любимецъ новый счастья:
Со всякимъ полнымъ Рейнскаго спаканомъ
Гремятъ, какъ могутъ, шрубы и лишавры
Его побѣду надъ виномъ.

Обычай.

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно; но по мнѣ,
 Хошя, рожденный здѣсь, и приобыкъ я
 Къ нему издавна, больше чести бросаю,
 Чѣмъ въ тишинѣ хранишь такой обычай.
 Сии пиры насъ сдѣлали повсюду
 Посмѣшищемъ народовъ и презрѣнемъ,
 Намъ дали имя пьяницъ и нечистыхъ; (14)
 Сей червь сѣдаетъ чистое зерно
 Высокихъ нашихъ и опличенныхъ качествъ,
 Правдивую хвалу намъ приносившихъ.
 Бываетъ то жъ и съ чистымъ человекомъ:
 Онъ за одно моральное пятно,
 Природное ль, [и въ эпозъ онъ невиненъ,
 Невластный качествъ выбрать при рожденъи,
 Послѣдствіе ль наклонности дурной,
 Твердынями разсудка овладѣвшей,
 Или привычки, пресупившей грани
 Поступковъ добрыхъ; онъ, я говорю,
 За сей одинъ порокъ, клеймо природы
 Или случая — хотябъ въ немъ добродѣтель
 Была чиста, какъ благость PROVIDENTIA,
 И высока, какъ съ смертною лишь сродно —
 Въ сужденьяхъ обществу шерлеетъ всю
 Цѣну свою и славу: капля зла
 Одолѣваетъ все благое, все

Чернить своей заразой.

(Тыль входитъ.)

ГОРАЦИО.

Принцъ! Вотъ призракъ!

ГАМЛЕТЪ.

Спасише насъ, благія силы неба!
 Кто бъ ни былъ ты, духъ благоспи, или демонъ;
 Небесъ ли въспрь, или адскій вихрь съ побою;
 Идешь ли съ замысломъ благимъ или злобнымъ;
 Твой образъ споль заманчивъ, что бесѣды
 Твоей я жажду, звашь себя хочу
 Монархомъ Датскимъ, Гамлетомъ, опцомъ.
 Не мучь меня безвѣстностью! Скажи,
 Почто твой прахъ, по смерти освященный,
 Распоргнилъ саванъ свой? Почто могила,
 Разверзши шажкій, мраморный свой зѣвъ,
 Изрыгнула на свѣтъ тебя? Почто
 Умершій, ты въ воинственномъ доспѣхъ
 Приходишь въ міръ подлунный, и ужаснымъ
 Творишь мракъ ночи, и сославъ насъ бранный,
 Насъ, бѣдное игрище природы,
 Непоспѣшимымъ пошрясаешь чудомъ?
 Скажи, почто? Что должно сотворить намъ?

ГОРАЦИО.

Онъ знаками зоветъ васъ, Принцъ, къ себѣ,
 И будто хочешь нѣчто сообщить вамъ
 Наединѣ.

МАРЦЕЛАЙ.

Смотрише, какъ манишь онъ,

И приглашаетъ вѣстѣ удалиться!
Но, Принцъ, неидите!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, неидите!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ

Безмолвствуетъ; я слѣдую за нимъ.

ГОРАЦІО.

Останьтесь, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

За чѣмъ? Чего спрашиваете?

Я жизнь свою не счавлю въ грошъ; а душу — (15.)

Но что онъ можетъ надъ моею душой?

Не такъ же ли она, какъ онъ, безсмертна?

Опять манишь: я слѣдую за нимъ.

ГОРАЦІО.

Но что, когда онъ заведетъ въ рѣку васъ,
Иль на вершину дикую горы,
Нависнувшей стремниною надъ моремъ,
И приметъ тамъ иной, спрашительный образъ,
И въ немъ лишитъ васъ царствія разсудка,
Васъ обезумитъ? Принцъ! помыслите лучше!
Одно ужъ мѣсто, безъ иной причины,
Опечаленье на душу навлекаетъ,
Когда на море смотришь съ высоты
И слышишь ревъ его!

ГАМЛЕТЪ.

Опять зоветъ!

Иди, — я слѣдую.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Нѣтъ, Принцъ, останьтесь!

(Удерживаетъ его.)

ГАМЛЕТЪ.

Прочь!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, послушайтесь, неидите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Судьба моя зоветъ!

И каждая въ семь шлѣвъ нерва спала

Какъ жила льва Немейскаго! — Опять

Тѣжъ знаки! Прочь, или клянуся небомъ,

Тотъ призракомъ быть скоро можетъ самъ,

Кто удержитъ меня посмѣетъ! Прочь!

Иди — я слѣдую.

(Тѣмъ уходитъ, за нею Гамлетъ.)

ГОРАЦІО.

Воображенье

Его выводитъ изъ себя.

МАРЦЕЛЛІЙ.

Пойдемъ

За ними: шумъ ослухность не порокъ.

ГОРАЦІО.

Пойдемъ! Чѣмъ кончился сей странный случай?

МАРЦЕЛЛІЙ.

Знаешь въ Даніи свершилось нѣчто злое!

ГОРАЦІО.

Будь воля неба!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Но пойдёмъ за ними.
(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

(Отдаленная часть Террасы.)

ГАМЛЕТЪ и ТЪНЬ (входятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Куда меня ведешь ты? Говори
Иль я ийду.

ТЪНЬ.

Внимай мнѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Я внимаю.

ТЪНЬ.

Ужъ близокъ часъ, когда я возвратишься
Въ мучительный и сѣрный долженъ пламень.

ГАМЛЕТЪ.

Тънь бѣдная!

ТЪНЬ.

Не сожалѣй о мнѣ,
Но выслушай открытыя спранный тайны.

ГАМЛЕТЪ.

Я выслушаю обязанъ: говори!

ТЪНЬ.

И мстителемъ обязанъ быть.

ГАМЛЕТЪ.

Какимъ?

ТЪНЬ.

Я духъ безплодный швоего отца;
Я осужденъ блуждать во мракъ ночи,
А днемъ въ огнь поимъсь голодомъ, жаждой
Пока мои земныя преступленья
Не выгорятъ въ мученіяхъ. О, еслибъ
Я власень былъ открылъ тебѣ всѣ тайны
Моей темницы! Лучшее бы слово
Сей повѣсти тебѣ взорвало сердце,
Оледѣнило кровь, и оба глаза,
Какъ двѣ звѣзды, исторгнуло изъ мѣстъ ихъ,
И распрямивъ швыи густыя кудри,
Поставилобъ ошдѣльно каждый волосъ,
Какъ гнѣвнаго щепину Дикобраза!
Но бренное не постигаешь уху
Тайны вѣчности. О, слушай, слушай, слушай!
И если ты родишеля любилъ—

ГАМЛЕТЪ.

О, небо!

ТЪНЬ.

Опмси его безчестное убійство.

ГАМЛЕТЪ.

Убійство?

ТЪНЬ.

Оно безчестно, какъ и всѣ убійства;
Но всѣхъ позорнѣй, всѣхъ безчеловѣчнѣй.

ГАМЛЕТЪ.

О, постиши открытъ его! На крыльяхъ
Какъ мысль любви, какъ созерцанье быспрыхъ
Лечу я къ мести.

ТѢНЬ.

Ты таковъ, какъ должно;

И былъ бы ты безчувственный растѣній,
Гниющихъ вѣчно на недвижной Лестѣ, (16.)
Когда бъ при семь душою не подвигся.
Теперь внимай: распуцень слухъ, что сонный
Я узавлень въ саду змѣю; такъ
Вся Данія обмануша постыдно;
Но, благородный юноша, познй,
Что змѣй, меня смертельно узавившій,
Теперь въ моей коронѣ.

ГАМЛЕТЪ.

О предчувствье!

Онъ, дядя?

ТѢНЬ.

Онъ, сей звѣрь кровосмѣситель,

Ужа волшебствомъ и даровъ обманомъ
[Будь проклятъ умъ и прокляты дары,
Орудія прельщенья] преклонилъ
Къ своей постыдной спрасни Королеву.
Какая низкая, Гамлетъ, измѣна!
Меня покинуть, коего любовь
Шла объ руку, на шагъ не отставая,
Супружнихъ клятвъ; несчастному предаться,
Котораго всѣ качества души
Ничто передъ мной.
Но добродѣтель не падеть, хотябы
Въ небесномъ видѣ льстилось къ ней безстыдство;
Порокъ же, будь онъ въ Ангельскихъ объятыхъ,
Повергнувшись на райскомъ ложѣ, станешь

Пишались срамомъ.

Я, мнился, чую ранній въперокъ,
И сокращу рассказъ: когда въ саду
Я по полудни, какъ обычно, спалъ,
Неслышно швой ко мнѣ подкрался дядя
Съ фіаломъ сока белены (17.) зловерной,
И сонному въ отверстыя уха впасть
Губишельную влагу, коей сила
Въ враждѣ жестокой съ кровью человека:
Сей ядъ, какъ рнушь, нестрошно—быстро
По всѣмъ тончайшимъ пробѣгаетъ жиламъ,
И, какъ млеко отъ оспрой кислое,
Обытая мгновенной силой, крѣпнеть,
Густится кровь. Такъ было и со мною:
Въ одну минушу спалъ я, новый Лазарь,
Онъ головы до ногъ, какъ чешуями,
Покрывъ гноисшой сыпью. —
Такъ, вдругъ короны, жизни, Королевы
Лишень я сонный брашною рукою;
Убить, убить во цвѣтѣ преступленийъ,
Безъ таинства злая и причастья,
Безъ покаянья посланъ къ судіи
Съ грѣховнымъ игомъ на главѣ неправою.
Ужасно, о ужасно!
Когда въ шебѣ душа есть, не сперни!
Не дай спраны сей царственному ложу
Кровосмѣшенемъ оскверниться гнуснымъ!
Но что бы ты ни предпріялъ для мести,
Спрашисъ унизишь душу умысленемъ
На мать свою: оставь ее, мой сынъ,

Суду небесъ, и шернямъ сокрышымъ
Въ груди ея. Теперь проспи навѣки!
Свѣшій червь ужъ возвыщаешь ушро:
Его блѣднѣетъ слабое сіянье.
Проспи, проспи, и помни: я опецъ твоей!

(Удалется.)

Гамлетъ.

О силы неба! О земля!—Что боль?
Не долженъ ли и адъ призвать я?—Тише,
Спокойся, сердце! Не старѣйшесъ, мышцы!
Держише крѣпче мой соснагъ! О, помнишь!
Такъ, бѣдная, блуждающая тѣнь!
Покуда память въ черепѣ семъ! помнишь!
Я на скрижаляхъ памяти изглажу
Всѣ мелкія воспоминанья жизни,
Всѣ книжныя слова, все впечатлѣнья,
Всѣ юности замѣшки и разсудка:
Твое лишь, мой родимель, повелѣнье
Безъ примѣси, одно жить будешь въ книгѣ
Души моей: клянусь въ томъ небесамъ!
О злѣйшая преступница! о извергъ!
Злодѣй! Съ улыбкой на устахъ злодѣй!
Вотъ книжка (18.)—я замѣчу, что возможно
И улыбаешься всѣмъ, и бывъ злодѣемъ;
Покрайней мѣрѣ въ Даніи возможно.

(Пишетъ.)

Ты, дядя, здѣсь; теперь слова святыя:
„Проспи, проспи, и помни: я опецъ твоей!“
Я покаялся.

Горацио. (за сценою.)

Принцъ!

Марцеллій.

Принцъ, Принцъ Гамлетъ!

Горацио.

Боже!

Спаси его!

Гамлетъ.

Да будешь такъ!

Марцеллій.

Го, го!

Принцъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Го, го! Сюда мой ясный соколъ! (19.)

Горацио и Марцеллій (Входятъ.)

Марцеллій.

Что съ вами, Принцъ?

Горацио.

Что съ вами было, Принцъ?

Гамлетъ.

О, дивно!

Горацио.

Расскажише намъ, мой Принцъ!

Гамлетъ.

Но вы ошкроете —

Горацио.

Нѣтъ, Богъ свидѣтель!

Марцеллій.

О, нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Вопъ видѣше—кшобъ могъ подумать?—
Но сохраните тайну!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛІЙ.

О, повѣрьте!

ГАМЛЕТЪ.

Представыте жъ: всякій въ Давиди мошенникъ
Есть подлый негодяй!

ГОРАЦІО.

И только, Принцъ? Чшобъ это возвѣсшить,
Не сполно вставашъ изъ гроба тѣни!

ГАМЛЕТЪ.

Конечно такъ: ты совершенно правъ;
И поному, безъ всякихъ дальнихъ шоловъ,
Нехудо намъ проспившись, разойтись.
Вы можете идти, куда зовешъ васъ
Желаніе или дѣло [всякъ имѣешъ
Свои желанья и дѣла] а я —
Я—знаете—пойду молиться.

ГОРАЦІО.

Какія, Принцъ, загадочныя рѣчи!

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ жаль, что вамъ онѣ обидны; да,
Ошмѣнно жаль!

ГОРАЦІО.

Тутъ нѣтъ обиды, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, есть, Гораціо, вѣрь мнѣ—и большая!

Что до видѣнья, бывшаго здѣсь—это

Тѣнь честная, позвольте вамъ сказать такъ;

А любопытство знать о нашей связи
Одолѣвай, какъ можешъ кшо. Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи прямые
Въ военномъ дѣлѣ, дружбѣ и наукахъ,
Исполните мою одну лишь просьбу.

ГОРАЦІО.

Какую, Принцъ? Мы ради.

ГАМЛЕТЪ.

Никогда

Не открывайте видѣнаго нынѣ.

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛІЙ.

О, никогда!

ГАМЛЕТЪ.

Но вы должны поклясться.

ГОРАЦІО.

Ей ей, Принцъ, никогда!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Ей ей, мой Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Мечемъ моимъ!

МАРЦЕЛЛІЙ.

Но, Принцъ, мы поклялись ужъ.

ГАМЛЕТЪ.

О нѣтъ! Мечемъ моимъ! Мечемъ!

Тѣнь. (подъ землею.)

Клянись!

ГАМЛЕТЪ.

А, а! И ты здѣсь, молодецъ мой? — Ну,

Вы слышите изъ погреба пріятель

Велишь вамъ клясться!

ГОРАЦИО.

Въ чемъ, Принцъ? Мы гошовы,

ГАМЛЕТЪ.

Клянишесь мнѣ мечемъ, не разглашашь

Того, что взоръ вашъ видѣлъ здѣсь!

ТѢНЬ (подъ землею.)

Клянишесь!

ГАМЛЕТЪ.

Hic et ubique? (зо.) — Ошойдемъ подальше!

Сюда, друзья!

На обнаженный мечъ кладите руки,

Мечемъ клянишесь

Не молвишь слова обо всемъ, что здѣсь

Позналъ вашъ слухъ!

ТѢНЬ (подъ землею.)

Мечемъ его клянишесь!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ шочно, спарый крошъ мой! Какъ шмы скоро

Копашь землю! Славный рудокопъ!

Еще разъ дальше ошойдемъ, друзья!

ГОРАЦИО.

О день и ночь! Чудесно-спранно!

ГАМЛЕТЪ.

Спранно?

Примите жъ, други, спранника подъ кровь вашъ;

Но любовышствомъ лишь его не мучыте. (зі.)

Есть многое въ природѣ, другъ Горацио,

Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

Но къ дѣлу!

Клянишесь мнѣ, какъ намъ свидѣтель Богъ,

Что никогда, какъ нибылъ бы я спрашенъ —

И можешь быть я разсужу за благо

Принять смѣшной, необычайный видъ —

Ни чѣмъ: ни такъ слагая на крестъ руки,

Ни головой значительно качая,

Ни шемною, шанисшвенною рѣчью,

Какъ на примѣръ: да, да! мы это знаемъ;

Иль: мы могли бы, если бы хотѣли;

Иль: еслибъ мы могли не общалъ;

Иль: люди есть, которые могли бы —

Или инымъ неясшвеннымъ намѣткомъ

Не будете измѣнниками шайны;

Клянишесь мнѣ, какъ въ крайности надежда

На помощь Бога въ васъ живешь!

ТѢНЬ. (подъ зем.ею.)

Клянишесь!

ГАМЛЕТЪ.

О, успокойся, спраждущая тѣнь!

Теперь, друзья, себя я поручаю

Пріязни вашей; если вамъ на дѣлѣ

Любовь и дружбу доказашь можешъ

Подобный мнѣ бѣдикъ—Богъ дастъ, докажешъ!

Пойдемъ; но персты на успа, прошу васъ!

Нашъ вѣкъ разстроены; о несчастный жребій!

Почтоже я рожденъ его исправить?

Пойдемъ; за мною, други!

(Уходятъ.)

Конецъ I дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната въ домѣ Полонія).

Полоній и Ренальдо.

Полоній.

Отдай ему, Ренальдо — вошь бумаги
И деньги.

Ренальдо.

Слушаю, и все исполню.

Полоній.

Да ты ошмѣнно сдѣлалъ бы умно,
Когдабъ сперва, мой другъ, о поведеніи
Его развѣдалъ.

Ренальдо.

Такъ я и хотѣлъ.

Полоній.

Да, хорошо, умно мой другъ. Вошь видишь:
Сперва ты спросишь, кто теперь изъ Дашчанъ
Въ Парижъ; какъ, зачѣмъ и гдѣ живешь,
Съ кѣмъ знается и многоль проживаешь?
И такъ открывъ вопросовъ принаровкой
Что знаешь сына моего, слегка
Къ нему привесешь поближе можно рѣчь:
Скажи, что онъ тебѣ извѣстенъ мало,
Какъ напримѣръ: Отецъ его знакомъ мнѣ,

Его друзья, и онъ отгости — слышишь,
Ренальдо?

Ренальдо.

Понимаю.

Полоній.

И онъ отгости; но, прибавь: немного;
И если это тотъ, то онъ повѣса,
Таковъ онъ и таковъ — и на него
Наговори чего угодно, только
Ужъ не бесчестнаго — избави Боже!
А шалостей, ошибокъ, недоспашковъ,
Къ какимъ всегда приводишь своевольство
И молодость.

Ренальдо.

Какъ, напримѣръ, игра?

Полоній.

Игра, иль пьянство, бранчивость, задорность,
Блудливость — все я это позволяю.

Ренальдо.

Но, смѣю молвить, это ужъ бесчестно.

Полоній.

Ни мало, если ты скажешь съумѣешь:
Ты, напримѣръ, ни какъ не называй
Его распушнымъ, буйнымъ — я шого
И не хочу — но ухитрись представишь
Его проступки шалостью свободы,
Порывомъ, какъ бы, пылкія души,
Игрой кипучей крови, какъ нерѣдко
Оно бываетъ.

РЕНАЛЬДО.

Но —

ПОЛОНИЙ.

Но что? Къ чему

Син рассказы?

РЕНАЛЬДО.

Да, я знаю желалъ бы.

ПОЛОНИЙ.

Да, да, конечно; есть на все причины;
 Въ рассказахъ — то и хитросъ вся: когда
 Представишь сына ты въ подобныхъ пляскахъ,
 Съ такими, какъ сказали мы, грѣхамъ,
 Вотъ видишь,
 Тотъ, чьи узнать ты пожелаешь мысли,
 На случай, если знаетъ онъ такіе
 За юношей пороки, вѣрь мнѣ, шопчасъ
 Къ тебѣ признаешь въ разговорѣ, скажешь:
Мой другъ, или сударь, или Государь мой —
 Смотри по человѣку и его
 Обычаю и званью —

РЕНАЛЬДО.

Точно такъ.

ПОЛОНИЙ.

И если скажешь онъ — въ чемъ нѣтъ сомнѣнья —
 Но чтоже я хотѣлъ сказать? — А право
 Сказать хотѣлъ я что-то — погоди —
 На чемъ бишь я остановился? —

РЕНАЛЬДО.

На: *другъ или сударь, или Государь мой.* (1.)

ПОЛОНИЙ.

Да, *другъ, или сударь, или Государь мой*
 Онъ скажешь: *О, его я также знаю;*
Его вчера, или тогда - то видѣлъ;
И такъ - то, съ тѣмъ - то, или съ кѣмъ другимъ;
Тамъ онъ игралъ, тамъ ссорился, тамъ плясъ;
 Или наприимѣръ: онъ былъ въ такомъ - то домѣ —
 [Въ какомъ, ты знаешь] (2) или это другое.
 Теперь вотъ видишь:

Приманка жи изловишь рыбу правды.
 Такъ мы съ умомъ и хитрою уловкой,
 Винами и пружинами, что должно
 Кривымъ путемъ приводимъ прямо къ цѣли;
 Такъ зашвердидь урокъ мой, ты о сынѣ
 Узнаешь все. Что, понялъ ли ты?

РЕНАЛЬДО.

Понялъ.

ПОЛОНИЙ.

Ну, съ Богомъ же! Теперь прощай!

РЕНАЛЬДО.

Прощайте!

ПОЛОНИЙ.

Да наблюдай и самъ за нимъ.

РЕНАЛЬДО.

О, буду.

ПОЛОНИЙ.

Да музыкъ, скажи, чтобы онъ учился.

РЕНАЛЬДО.

Исполню все; покорнѣйшій слуга вашъ.

(Ренальдо уходитъ, входитъ Офелія.)

Полоній.

Прощай! Ну что, Офелія? Что скажешь?

Офелія.

Ахъ, мой родишель, я такъ испугалась!

Полоній.

Чего же, Бога ради?

Офелія.

Я въ комнатѣ своей спокойно шила,
Какъ Гамлетъ вдругъ — съ разстегнувшимъ кафшаномъ,
Безъ шляпы и съ нечистыми чулками,
Обвисшими по самыя плесны,
Съ дрожащими колынами, весь блѣдный
Какъ холстъ, со взоромъ споль уныло - дикимъ,
Какъ бы изъ ада говоришь пришелъ онъ
Объ ужасахъ — вбѣжалъ ко мнѣ внезапно.

Полоній.

Съ ума сошелъ онъ спроси?

Офелія.

Я не знаю,

Однакъ спрашусь —

Полоній.

И что онъ говорилъ?

Офелія.

Онъ, молча взявъ и крѣпко сжалъ мнѣ руку,
И отступалъ на всю ея длину,
И такъ ладонью осыпавъ глаза,
Мнѣ прислально смотрѣлъ въ лице, какъ будто
Его рисуя. Долго такъ стоялъ онъ,
И наконецъ слегка пошпирявъ мнѣ руку,
И трижды такъ кивнувши головой,

Вздохнулъ споль тяжкимъ и глубокимъ вздохомъ,
Что, мнилось, въ часни разлетѣлся пѣло,
И кончился его земная жизнь;
Потомъ, пуснивъ меня, пошелъ къ дверямъ
Передъ собой не глядя, но назадъ
Черезъ плечо ко мнѣ склонивши взоры,
И вышелъ такъ, съ меня ихъ не спускал.

Полоній.

Пойдемъ со мной; опыщемъ Короля;
То лѣное любви безумство; часно
Сама себя ея ничтожить спла,
И воли въ насъ, какъ всякая подъ небомъ
Машущая природу нашу страсть,
Къ отчаяннымъ приводить умысленьямъ.
Жаль! Можешь бышь его ты оскорбила?

Офелія.

Нѣтъ; писемъ лишь его я не брала,
Какъ повелѣли вы, и посылений
Не принимала.

Полоній.

Вотъ и вся причина.

Жаль; должно было лучше и короче
Узнать его; я думалъ, что онъ шушитъ
И хочеть зла тебѣ: проклятый толкъ!
Въ насъ старикахъ, по видимому, также
Излившия родятся подозрѣнья,
Какъ молодымъ несродна ошорожность.
Пойдемъ и все расскажемъ Королю;
Мы не должны хранить предъ нимъ молчанья:

Оно для насъ опаснѣ признанья. (З.)
Пойдемъ.

(Уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

(Комната въ замкѣ.)

Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденстернъ
(входятъ.)

КОРОЛЬ.

Давно уже здѣсь видѣшь васъ желая,
Нашъ Гильденстернъ и добрый Розенкранцъ,
Теперь призвавъ васъ мы побуждены
Большою нуждой. Вѣрно вы слышали
О перемѣнѣ странной въ нашемъ сынѣ;
О перемѣнѣ, говорю: ни духомъ
Ни видомъ онъ ни сколько не похожъ спать
На то, что былъ. Какая же причина,
Окромя пугливой ошца пошери,
Его столь сильно изъ себя выводить,
Я и придумать не могу. Прошу васъ,
Какъ съ нимъ воспитанныхъ онъ дѣтскихъ лѣтъ,
Его друзей по юности и мыслямъ,
Прошу пробывъ здѣсь при дворѣ подолѣ,
И съ Принцемъ чаще, ближе обращаться,
Привлечь его къ разсѣянію, къ забавамъ,
И выведашь, когда найдется случай,

Что, намъ безвѣстное, его превозжитъ,
Чтобъ мы, узнавъ, помочь ему могли.

КОРОЛЕВА.

Объ васъ онъ много говорилъ; повѣрьте,
Что въ свѣтѣ нѣтъ другихъ двухъ человекъ,
Къ кошорымъ столько онъ привязанъ. Если
Угодно вамъ явишь намъ доброхопство,
И по желанью нашему и просьбѣ
На не большое здѣсь оспашься время,
Мы благодарны будемъ за услугу,
Какъ свойственню признательности Царской.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Король и королева!

Вы самодержцы наши и владыки,
И въ повелѣнны власны, а не въ просьбѣ,
Явишь свою намъ волю.

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Но нашъ долгъ

Повиновенье: Съ преданностью сердца
Мы повелѣнья вашимъ предаемся,
И ко шопамъ услуги повергаемъ.

КОРОЛЬ.

Благодаримъ васъ, добрый Гильденстернъ,
И Розенкранцъ.

КОРОЛЕВА.

Благодаримъ душевно,
И пошшишь шеперь же предлагаемъ
Большаго нашего Гамлета. Кто здѣсь?
Ведите къ Принцу сихъ господъ.

Гильденстернь.

Дай Богъ,

Чтобы бесѣда наша и спаранья
Ему веселье принесли и пользу.

Королева.

О, дай Богъ!

*(Розенкранцъ и Гильденстернь уходятъ
съ служителями.)*

Полоній *(входитъ.)*

Опъ Короля Норвежскаго съ успѣхомъ
Пришло посольство наше, Государь!

Король.

Ты былъ всегда опцомъ извѣстнѣй добрыхъ.

Полоній.

Такъ, Государь! О, вѣрьте, Государь,
Я сохраняю долгъ мой, какъ и совѣсть,
Какъ передъ Богомъ, такъ и предъ Монархомъ,
И думаю, [илъ шарый мой разсудокъ
Не такъ уже, какъ прежде, ходишь вѣрно
Догадливости слѣдомъ] что причину
Я Гамлетова оныскалъ безумства.

Король.

О, говори: я жду неперѣлнво.

Полоній.

Сперва пословъ примише: вѣсть моя
Закуской будешь пиршеству сегодня.

Король.

Иди же самъ, и приведи сюда ихъ.

(Полоній уходитъ.)

Онъ говоритъ, Герштруда, что испочникъ
Онъ Гамлетова оныскалъ безумства.

Королева.

Я думаю, испочникъ сей извѣстенъ:
Онъ — смершь опца и нашъ поспѣшный бракъ.

Король.

Мы все узнаемъ.

(Входятъ Полоній, Вольтимандъ и Корнелий.)

Здравствуйте, друзья?

Что намъ сказашъ вельмъ Норвежскій братъ нашъ?

Вольтимандъ.

Возвратъ привѣспствій и желаній добрыхъ.

Онъ шопъ же часъ послалъ ошпановишь
Племянника пригошловенья, кон,
Онъ прежде думалъ, были прошивъ Польши,
Но разсмотрѣвъ внимательнѣй, узналъ,
Что прошивъ васъ, и огорченъ такимъ
Его болѣзни, пресстарѣлыхъ лѣтъ
И слабости во зло употребленьемъ,
Вельмъ схвативъ племянника, что было
Исполнено, и Форшинбрасъ охотно,
Рѣчами дяди убѣжденъ, далъ слово
Противу васъ оставишь всякій замысль;
За что Король, послушностнью довольный,
Далъ въ годъ ему при пыслчи червонныхъ,
И порученье, набранное войско
Употребить, не медля, прошивъ Польши.
Онъ просишь васъ особеннымъ письмомъ смтъ,

(подаетъ Королю бумагу.)

Чтобъ пропускъ въ свободный дашь вельѣи
Его войскамъ, назначеннымъ къ походу;
Подробности жъ и дѣла поясненіе
Означены въ письмѣ.

Король.

Мы симъ довольны,
Прочтемъ его въ свободный часъ, и будемъ
Отвѣщивать и обо всемъ помыслимъ.
Благодаримъ за трудъ вашъ; отдохните,
А ночью вмѣстѣ пировать мы спанемъ.
Просните.

(Вольтигандъ и Корнелій уходятъ.)

Полоній.

Дѣло кончено прекрасно.

Король и Королева! Разсуждашь
О томъ, что значить подданный, что Царь,
За чѣмъ день - день, ночь - ночь, и время - время,
Теряшь лишь значить день и ночь и время;
И шакъ, какъ крашкость естъ душа ума,
А многословность шѣло и одежда,
Я буду крашокъ. Гамлешъ вашъ помѣшанъ:
Я говорю, помѣшанъ; ибо что жъ
И помѣшательство, когда не то,
Что кто - либо, какъ молвившися, помѣшанъ?
Но это мимоходомъ.

Королева.

Что намъ въ тонкой,
Искусной рѣчи? — поскорѣ къ дѣлу.

Полоній.

Здѣсь тонкостью вѣшь вовсе, Королева.

Что онъ помѣшанъ — правда; шакже правда:
Что жаль его, и жаль, что это правда:
Престранная фигура! Ну, да Богъ съ ней!
Здѣсь тонкостью не нужно. Онъ помѣшанъ,
Сказали мы; шеперь въ чѣмъ дѣло? Должно
Найти сего причину дѣйства: дѣйства,
Иль правильнѣй сказать, сего бездѣйства
Души и шѣла, ибо на сіе
Бездѣйственное дѣйство естъ причина.
Вопъ что намъ должно: спало это долъ нашъ. (4)
Судите жъ сами:

Я дочь имѣю; то естъ, я имѣю,
Пока она моя; и эша дочь
Мнѣ сообщила вопъ что - посмотрише!

(Читаетъ) „Обожаемому идолу души моей, всѣмъ
прелестями изукрашенной Офеліи“ — Непристойное
выраженіе, низкое выраженіе! Да, „изукрашенной“ низ-
кое выраженіе; но послушайте далѣе: (читаетъ) „Сія
спроки къ ея прелестной, бѣлоснѣжной груди“

Королева.

И это Гамлешъ ей писалъ?

Полоній.

Минушу

Терпѣнія: я все прочту вамъ, Королева.

(Читаетъ.)

„Невѣрь, что огонь горитъ въ звѣздахъ,
„Что солнце ходитъ въ небесахъ;
„Неправдой истину зови,
„Но вѣрь, о вѣрь моей любви.

„Я не умѣю сплести рифмъ, шила Офелія; мнѣ
 „чуждо искусство выражать мѣрнымъ языкомъ мой
 „спенанья; но что я люблю себя болѣе всего на свѣ-
 „тѣ, вѣрь тому, существо совершеннѣйшее. Просни!
 „Твой навсегда, безцѣнная Офелія, пока душа моя
 „держится въ семь шнѣлъ, Гамлетъ.“

Вошъ что мнѣ дочь въ покорности вручила,

И рассказала всѣ его исканья,

Все по порядку времени и мѣста.

Король.

Какъ приняла она его любовь?

Полоній.

Что обо мнѣ вы мыслите?

Король.

Что ты

И вѣрный намъ и честный человекъ.

Полоній.

И оправдать хочу я ваши мысли;

Но чтобы могли вы думать, еслибъ я,

Сию любовь замѣти [а я прежде

Ее замѣнилъ, чѣмъ сказала дочь мнѣ]

Чтобы вы могли, и Королева, думать

Когда бы я пребылъ какъ шоль или вышка, (5.)

Или припомъ остался глухъ и немъ,

Иль спалъ глядясь чesнолюбивымъ окомъ?

Чтобы вы могли подумать? Нѣтъ; за дѣло

Взялся я шотчасъ; дочери сказалъ:

Нашъ Гамлетъ Принцъ, и онъ тебѣ не нара;

Сего не должно; и велѣлъ ей строга,

Сидѣть, когда придетъ онъ, въ заперти,

Не принимай ни писемъ, ни подарковъ. —

Мои совѣты принесли плоды,

И онъ, [чтобы скорѣй окончить повѣсть]

Отказъ всегда встрѣчая, пошерялъ

Сперва веселость, шамъ охоту къ пицѣ,

Потомъ и сонъ, потомъ и силы; спалъ

Разсѣянъ, дикъ, что далѣе то хуже,

И наконецъ, къ несчастью, помѣшался.

Король.

Что мыслишь ты, Гершудъ!

Королева.

Спашься можете.

Полоній.

Но было ль время [знать бы я хотѣлъ]

Когда сказалъ о чемъ-либо я: такъ,

А было то иначе?

Король.

О, едвали!

Полоній.

Съ плечъ голова мнѣ, если я ошибся!

Сыскалъ бы только случай, я узнаю

Гдѣ истина, хотябъ она скрывалась

И въ средоточіи земли.

Король.

Но средства?

Полоній.

Онъ, вамъ извѣстно, часто въ галлерей

Часа четыре бродитъ сряду.

Король.

Правда.

Полоній.

Я дочь къ нему пошлаю сюда, а мы
За занавѣсомъ скроемся; опшуда
Подслушаемъ ихъ разговоръ, и если
Онъ не влюбленъ, и не на томъ помѣшанъ,
Я не хочу совѣшникомъ быть Царскимъ,
И за сохой ходишь согласенъ въ полѣ.

Король.

Мы испышаемъ это.

Королева.

Посмотрите!

Сюда идетъ несчастный и чинаешъ.

(Гамлетъ приближается, етая.)

Полоній.

Уйдише, сѣю васъ просишь, уйдише!
Я говоришь съ нимъ буду; но уйдише.

(Король и королева уходятъ.)

Полоній.

Здоровы ли вы, Принцъ?

Гамлетъ.

Слава Богу.

Полоній.

Вы знаете меня, Принцъ?

Гамлетъ.

И очень хорошо: ты рыбакъ.

Полоній.

Нѣтъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Такъ желанельно, что бы ты споль же честенъ
былъ.

Полоній.

Честенъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Такъ точно: честнымъ быть, въ нашъ вѣкъ, значишь
быть выбраннымъ одному изъ десяти тысячъ.

Полоній.

Совершенная правда, Принцъ.

Гамлетъ.

Ибо если солнце зараждаетъ червей въ мершвой со-
бакѣ, и будучи божествомъ, лобызаетъ падалище (6.)—
имѣешь ли ты дочь?

Полоній.

Имѣю, Принцъ.

Гамлетъ.

Не вели ей ходить на солнцъ; плодородіе благодатно,
но не шакое, какъ—берегись, пріятель!

Полоній.

Что хошише сказашь вы? *(Въ сторону)* Опять спа-
ралъ пѣсня о моей дочери! А сперва онъ и не узналъ
меня: сказалъ, что я рыбакъ. Далеко, далеко зашелъ
онъ! Правда, въ молодости я и самъ шерпѣлъ много
опъ любви — почши сполько же. Заговорю съ нимъ
Опять. *(Въ слухъ)* что это вы чинаете, Принцъ?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова.

Полоній.

Но содержаніе?

Гамлетъ.

Чего къ чему содержаніе? (7.)

Полоній.

Я разумію содержаніе того, что вы читаете.

Гамлетъ.

Вздоры, пуськи! Насмѣшливый негодай (8.) говоришь здѣсь, что у шариковъ сѣдыя бороды; что лице ихъ въ морщинахъ, а глаза испочаюшъ пахучую Амбру; что у нихъ обильный недоспашокъ ума и чрезвычайная слабосъ въ ногахъ; и хощя я всему этому твердо и совершенно вѣрю, но почишаю большою невѣжливосію писашъ подобныя вещи. Ты самъ, напримѣръ, былъ бы такъ же шаръ, какъ и я, еслибъ могъ, подобно раку, ползши задомъ.

Полоній *(въ сторону.)*

Сумасшествіе; однакожъ въ немъ есть мешода. *(Въ слухъ)* неужели ли вамъ домой, Принцъ?

Гамлетъ.

Въ могилу?

Полоній.

Да, въ самомъ дѣлѣ это бы было домой! (9.) *(Въ сторону.)* Какъ мышки иногда его опивѣты!—Удача, доставляемая часно сумасшествіемъ, между тѣмъ, какъ здравый разумъ не всегда похвалился ею можешъ! Пойду, и шончасъ устройю свиданіе съ нимъ моею дочерію. *(Въ слухъ)* Простите, Принцъ! Я долженъ идти.

Гамлетъ.

Нѣтъ ничего, чтобы я простилъ себѣ охотнѣе кромѣ смерти моею, кромѣ смерти, кромѣ смерти моею! (10.)

Полоній.

Счастливо оставашся, Принцъ!

(Идетъ.)

Гамлетъ.

О, несносные старые глупцы!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Полоній.

Вы сыщете Принца? Онъ здѣсь.

Розенкранцъ.

Благодаримъ, Полоній.

(Полоній уходитъ.)

Гильденстернъ.

Принцъ!

Розенкранцъ.

Любезный Принцъ!

Гамлетъ.

А, друзья мои! Здравсуй Гильденстернъ, и ты, Розенкранцъ! Каково живете вы?

Розенкранцъ.

Какъ незначущія дѣла земли.

Гильденстернъ.

Счастливы тѣмъ, что не въ блестящемъ счастьи, Не на вершинѣ шпалы у Форшунны.

Гамлетъ.

Но и не при подошвѣ ея обуви?

Розенкранцъ.

И шо нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

И такъ вы около ея пояса, или въ средоточіи благосклонносей?

Гильденстернъ.

Да, Принцъ, ся любимцы.

Гамлетъ.

Какъ? Тайные любимцы? О, правда! Она щедрая прелестница. Чшо новаго?

Розенкранцъ.

Ничего, Принцъ! Развѣ шо, чшо свѣтъ здѣлался чешнѣе.

Гамлетъ.

И шакъ видно уже близокъ день суда! Но ваша новостъ несправедлива. Скажише, чѣмъ прогнѣвали вы Форшуну, чшо она посылаетъ васъ въ шюрму сію?

Гильденстернъ.

Въ шюрму, Принцъ?

Гамлетъ.

Данія — шюрма.

Розенкранцъ.

Такъ и весь свѣтъ шюрма, Принцъ.

Гамлетъ.

И прекрасная! Въ ней много отдѣленій, каморокъ и канурокъ: Данія, одна изъ худшихъ.

Розенкранцъ.

Мы не думаемъ шакъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Слѣдственно для васъ она и не шюрма: все хорошо иль худо единшвенно опъ нашего мнѣнія: мнѣ она шюрма.

Розенкранцъ.

И шому виною ваше чешполубіе: она слишкомъ шѣсна для души вашей.

Гамлетъ.

О Боже! Я помѣшился бы въ орѣховой скорлупѣ и почпшалъ бы себя владыкой необышнаго поспраншва, еслибъ только не злыя сновидѣнія мои.

Гильденстернъ.

И сія сновидѣнія, Принцъ — чешполубіе: самое бытіе чешполубивыхъ естъ только шѣны сновидѣнія.

Гамлетъ.

Но и сновидѣніе ни чшо иное, какъ шѣнь.

Розенкранцъ.

Правда; но чешполубіе мнѣ кажется споль воздушно-легкимъ, чшо его можно назвашъ шѣнію шѣни.

Гамлетъ.

И шакъ наши виціе — шѣла, а цари и гиганшскіе герои — шѣни нищихъ. Не пойши ль намъ ко двору? Умничайте, право, не мое дѣло.

Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Мы гошобы къ вашимъ углугамъ, Принцъ.

Гамлетъ.

О, шѣтъ! Я не хочу васъ смѣшивашъ съ оспальными моими служилеями: по чешни, мнѣ прислуживающъ ужасно. Но, ради старой дружбы, за чѣмъ вы въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ.

Мы желали шолько увидѣться съ вами, Принцъ.

Гамлетъ.

Нищій, я бѣденъ и въ самой благодарности; но я благодарно васъ, хоша право, друзья, моя благодарность не сподишъ полушки. — Не посылали ль за вами? Своею ли вы здѣсь охотою? Добровольное ли эшо

посвященіе? Будьте ошкерованы! Говорите, говорите прямо!

Гильденстернъ.

Что должны говорить мы, Принцъ?

Гамлетъ.

Что угодно, только отвѣчайте на вопросъ мой. За вами посылали: я въ глазахъ вашихъ чинаю признаніе, котораго не въ силахъ скрыть ваша скромность. Я знаю, Король и Королева посылали за вами.

Розенкранцъ.

За чѣмъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Что должны вы сказать мнѣ. Заклинаю васъ правами нашего братства, дружбой молодости, вашею ко мнѣ любовію, всѣмъ, что дражайшаго могъ бы вамъ придумать лучший, нежели я, вишія — будьте правды и ошкерованы. Посылали ль за вами, или нѣтъ?

Розенкранцъ (*въ сторону.*)

А, я вижу васъ насквозь! (*Въ слухъ.*) Если любите меня, говорите правду.

Гильденстернъ.

Такъ, Принцъ! За нами посылали.

Гамлетъ.

И я скажу за чѣмъ. Моя догадка предупредила ваше открытіе, и обещанная Королю и Королеве награда не выронитъ ни одного пера. Не задолго предъ симъ (111) пошералъ я [самъ незнаю отъ чего] веселость, оставилъ занятія и упражненія: и въ самомъ дѣлѣ, мнѣ такъ тяжело на душѣ, что земля, прекрасное сіе созданіе, мнѣ кажется голой скалою; сей дивный наметъ,

воздухъ — посмотришь — сія голубая, просшершая надъ нами твердь, сей величественный сводъ, сверкающій золотыми огнями — онъ кажется мнѣ безобразнымъ смѣшеніемъ паровъ заразительныхъ. Какое превосходное твореніе человѣкъ! Какъ благороденъ онъ умомъ своимъ, какъ безконечно разнообразенъ въ способностяхъ! По виду и движеніямъ какъ совершенъ и удивителенъ! Дѣяніями какъ близокъ къ Ангелу! Созерцаніемъ какъ подобенъ Божеству! — И чтожь для меня онъ, сей прахъ, безконечно утонченный? Мнѣ люди противны: мужчины и женщины — хоща улыбка своя и говорить, кажешься, иное.

Розенкранцъ.

Нѣтъ, Принцъ! Сего я вовсе не думалъ.

Гамлетъ.

Отъ чего жъ улыбнулся ты, когда я сказала, что люди мнѣ противны?

Розенкранцъ.

Отъ мысли, Принцъ, какую бѣдную поживу получаютъ отъ васъ актеры, если люди вамъ противны. Мы обогнали ихъ на дорогѣ; они ѣдутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

О, нѣтъ! Играющій роли царей будетъ хорошо приять мною: его свѣтлость получитъ дань, ему личную; странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и коню своему; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; забавникъ сыграетъ роль свою спокойно до конца; шутъ разсмѣшивъ смѣшавшихъ, и геронна

выскажетъ намъ свою душу безирепаштвенно — если уродливость сшиховъ не помѣшаетъ ей. Какіе эшо актеры?

Розенкранцъ.

Тѣ же, кошорые и прежде васъ забавляли: городскіе шрагики.

Гамлетъ.

И за чѣмъ они пунешесивуютъ? Постоянное мѣсто-пробываніе выгодые какъ для славы ихъ, шакъ и для жармана.

Розенкранцъ

Изгнаніе ихъ было, кажешся, слѣдствіемъ нѣкошорыхъ псевовведеній.

Гамлетъ.

Въ такомъ ли они еще уваженіи, какъ въ бышность мою въ городѣ? Такъ же ли многіе ихъ посѣщаютъ?

Розенкранцъ.

О, нѣтъ!

Гамлетъ.

Ошъ чего жъ? или они избаловались?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, ихъ спарательность идетъ обычнымъ шагомъ; но появилось гнѣздо безперыхъ пшенцовъ, дѣшей, (12.) кричащихъ изо всей силы, и получающихъ за то всеобщее одобреніе. Будучи въ модѣ, они шакъ жестоко оглушаютъ посѣпшителей шакъ называемыхъ *народныхъ театровъ*, что иной носитъ шпагу, а боишся гусиныхъ перьевъ, и не смѣетъ показаться шуда.

Гамлетъ.

И они дѣши? Кшо содердишъ ихъ? Чѣмъ они жи-

вупъ? Оставлятъ ли они ремесло свое, когда пошеряють голосъ? Не скажутъ ли они послѣ, сдѣлавшись обыкновенными актерами [и эшо, при ограниченности ихъ средствъ, всего вѣрояшнѣе], что ихъ писатели дѣлали худо, заславляя ихъ возспавать прошивъ ихъ же будущаго состоянія?

Розенкранцъ.

Правда; много было хлопотъ съ обѣихъ сторонъ, а народъ не считаешъ за грѣхъ справлявать ссорящихся. Случалось, что нельзя было и ожидашь дохода отъ представленія, если въ немъ позѣ и актеры не дѣвали своихъ прошивниковъ.

Гамлетъ.

Возможно ли?

Гильденстернъ.

О, не разъ пришомъ шерпѣли головы!

Гамлетъ.

И дѣши одержалъ побѣду?

Розенкранцъ.

Одержали, Принцъ, и держатъ шеперь поржешвенно въ рукахъ своихъ Геркулеса со всемъ его грузомъ. (13.)

Гамлетъ.

Не удивительно! Мой дядя въ Датской коронѣ, ш шѣ, кои косились на него при жизни моего ошца, даютъ шеперь шридцаать, сорокъ, пятьдесять, сто червонцевъ за грудной поршрешъ его въ маломъ видѣ. Въ подобныхъ вещахъ скрывается нѣчто сверхъ-сшественное, еслибъ только могла разгадать ихъ Философія.

(Слышеть звукъ трубъ.)

Гильденстернъ.

Вотъ и актеры.

Гамлетъ.

Я радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ, друзья мои. Ваши руки! Въжившись есть долгъ общежитія и моды; какъ друзей долженъ я принять васъ, или мое обращеніе съ актерами, которое, напередъ говорю вамъ, будешь очень ласково, можешь показаться искреннѣе, нежели оно было съ вами. Я радъ васъ видѣть; но мой дядя - отецъ и шешка - мать очень обманулись.

Гильденстернъ.

Въ чемъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Я помѣшанъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; когда же онъ дуетъ съ юга, я могу еще ошачиться сокола отъ цапъ. (14)

Полоній (входитъ.)

Здравствуйте, Господа!

Гальдетъ.

Слушай, Гильденстернъ! И ты, также, Розенкранцъ: на каждое ухо по слушателю! Этого върослый ребенокъ еще не вышелъ изъ пеленъ своихъ.

Розенкранцъ.

Можешь быть опять къ нимъ возвратился: старость, говорашъ, есть второе дѣтство.

Гамлетъ.

Я предсказываю, что онъ принесъ намъ вѣсть объ актерехъ. Слушайте! — Ваша правда, въ поведѣльникъ по утру, вмѣнно шогда.

Полоній.

Я скажу вамъ новостъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Я скажу вамъ новостъ, Полоній! Когда Россій былъ актеромъ въ Римѣ —

Полоній.

Сюда пріѣхали актеры, Принцъ!

Гамлетъ.

Нѣтъ? Право?

Полоній.

Увѣрю васъ.

Гамлетъ.

„И актеры, верхомъ на ослѣ всякъ своего“ — (15.)

Полоній.

Лучше актеры въ свѣтъ для трагедій, комедій, предсказаній историческихъ, пастушескихъ, трагико-историческихъ, комико-трагико-историческо-пастушескихъ, нераздѣльных и безграницныхъ. Для нихъ Плавшъ не слишкомъ забавенъ, не слишкомъ важенъ Сенека. Это единственные люди для всѣхъ сочиненій правильныхъ и свободныхъ.

Гамлетъ.

„О Эффа, Израильскихъ справъ Судія!“ — (16.)

Какое сокровище имѣлъ ты?

Полоній.

Какое же сокровище, Принцъ, имѣлъ онъ?

Гамлетъ.

Какое? —

„Одну молодую, прекрасную дочь

имѣлъ и любилъ судія.“

Полоній (*въ сторону.*)

Опять о моей дочери!

Гамлетъ.

Не правда ли, старый Эффа?

Полоній.

Если вы меня называете Эффою, то я имью дочь и люблю ее.

Гамлетъ.

Нѣтъ, этого не слѣдуетъ.

Полоній.

Что же слѣдуетъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Что! —

„Идетъ все къ концу, какъ угодно шворцу“ —

И даѣе, ты знаешь:

„И было все такъ, какъ угадывалъ всякъ.“

Первые стихи рождественской пѣсни (17.) объясняютъ тебѣ болѣе: видишь, мои забавники уже здѣсь.

(*Входятъ четыре или пять актеровъ.*)

Здорово, пришели, здорово! Я очень радъ вамъ — здравствуйте! А, старый другъ! Какая же бахрома выросла на лицѣ швоемъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ! Не хочешь ли ты позабавиться надо мною въ Давидъ? — Какъ, моя героиня - прелестница! (18.) право, швоя милость стала теперь гораздо ближе къ небу: ближе на цѣлый башмачный каблукъ! Дай Богъ, чтобъ швой голосъ не пошералъ цѣны своей, какъ шершаяся монета! — Добро пожаловать, друзья мои! Не спанемъ шерашъ времени; бросимся, какъ французскіе соколиные охотники, на все встрѣчное и по-

перечное: представленіе намъ пошчасъ! Покажите опытъ вашего искусства — ну, шрогательный монологъ!

1й. Актеръ.

Какой, Принцъ?

Гамлетъ.

Я однажды слышалъ его опъ себя; но на театрѣ вовсе его не представляли, или одинъ разъ только; сочиненіе, я помню, не понравилось публикѣ: оно было какъ Кавяръ (19.) для черни; но по моему мнѣнію и приговору судей, коихъ голосъ въ подобныхъ случаяхъ гораздо значительнѣе моего, оно прекрасно, хорошо расположено, написано столь же просто, какъ и искусно. Кшо - то, я помню, сказалъ, что въ стихахъ недостаетъ приправъ для вкуса мыслей, а въ выраженіяхъ мыслей, могущихъ доказывать, что сочинитель писалъ съ чувствомъ; но шотъ же кришникъ называлъ все швореніе исполненнымъ правшвенности, стольже полезнымъ, какъ и пріятнымъ, опланнымъ болѣе по красотѣ, нежели по опдѣлкѣ. Одинъ опрывокъ изъ него особенно любилъ я: рассказъ Енея Дидонѣ, наипаче же то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ убійство Пріама. Если оно живо еще въ швоей памяти, проговори мнѣ его. Постой, посмотримъ:

„Свирѣпый Пирръ, какъ злой Гирканскій Левъ“ — (20.) Нѣтъ, не такъ; но оно начинается Пирромъ.

„Свирѣпый Пирръ, онъ, коего доспѣхъ,

„Какъ замыселъ, уподоблялся ночи,

„Когда лежалъ онъ въ гибельномъ концѣ,

„Ужасный цвѣтъ сей замѣнилъ другимъ;

„Ужасныйшмихъ: опъ головы до ногъ
 „Онъ спалъ червленъ, обрызганъ спрашно кровью
 „Родишелей, дъшей, сесперъ и браньевъ,
 „Весь закаленъ въ предашельскомъ огнѣ
 „Къ погибели царя свѣщающей Трои.
 „И шакъ, разженный гнѣвомъ и пожаромъ,
 „Облѣпленный засохшей шѣстомъ крови,
 „Горящимъ взоромъ ищень адскій Пирръ
 „Пріама старца“ —
 Продолжай.

Полоній.

По чести, Принцъ, вы говорите прекрасно: проспо
 и выразишельно.

1й. Актееръ.

„Ищень — и находить
 „Ослабшаго во брани: древній мечъ,
 „Велѣнямъ руки его ослушный,
 „Гдѣ палъ, шамъ и лежишь. Въ неравный бой
 „Съ нимъ Пирръ вспунаеть; въ яросши, не шѣпши;
 „Но и опъ свисна грознаго меча
 „Просперся въ прахъ спарець. Илювъ,
 „Какъ бы ударъ сей ощушишь, со грескомъ
 „О землю грянуль пламенной главой,
 „И полонилъ сей грохотъ ухо Пирра:
 „Надъ млечною главой Пріама - старца
 „Пребыль недвиженъ занесенный мечъ,
 „И Пирръ стоялъ, какъ истуканъ Тирана,
 „Межъ волей и дѣяньемъ колебался.
 „И медля.
 „Но какъ въ покоѣ спрашномъ передъ бурей

„Безмоавіе на небѣ, въпръ молчишь,
 „Недвиженъ лѣсъ, и шихъ, какъ смерть, весь міръ,
 „И вдругъ пошомъ колеблють воздухъ громы,
 „Такъ, послѣ крашкой шинины, на яросш
 „Ошмщенья жажда вновь подвигла Пирра,
 „И никгда тяжелей млашъ Циклопа
 „Безжалостный безмершныхъ не разилъ
 „Досѣховъ Марсовыхъ, какъ Пирровъ мечъ
 „Разишь Пріама!
 „Безчестная Форпуна! — О вы, Боги!
 „Собсромъ власть испоргните у низкой!
 „Сломите ободъ колеса и спицы,
 „И спушцу на самое дно ада
 „Скашите съ неба!“

Полоній.

Какъ это длинно!

Гамлетъ.

Какъ швола борода: не худо и шо и другое ошпра-
 вишь къ брадобрѣю. Продолжай, другъ мой! Онъ за-
 сынаешь, если не слышишь шушокъ, намъ не пристой-
 носшей. Ну, объ Гекубѣ!

1й. Актееръ.

„Кшо видѣлъ, какъ вопящая Царица“ —

Гамлетъ.

Воплящая Царица? —

Полоній.

Хорошо! „Воплящая Царица“ хорошо,

1й. Актееръ.

„Безъ обуви, съ кускомъ раздранной шкани
 „На головѣ, къ коронѣ приобыкшей,

„Съ холспомъ постельнымъ, вмѣсто одѣянья,
 „На устарѣлыхъ и ослабшихъ чреслахъ,
 „Въ безпамятствѣ бѣжала средь огней,
 „Пошоломъ слезъ пожару угрожая,
 „Тошъ языкомъ, увлажненнымъ осправой,
 „Прошивъ форшуну бѣ возгласилъ измѣну;
 „И сами Боги, если жалость къ смерпнымъ
 „Не чужда имъ, услышавъ спомъ Гекубы
 „При видѣ Пирра съ поруганьемъ злобнымъ
 „Рубившаго Приамовы оспашки —
 „И сами Боги пламенные очи
 „Горячими бы залили слезами,
 „И въ сосраданьи плажко возсенали!

Полоній.

Смотри, онъ поблѣдилъ, на глазахъ у него слезы: переспавъ, прошу тебя!

Гамлетъ.

Хорошо; окончаніе я услышу послѣ. Угодно ли тебѣ позаботишься, Полоній, что бы актеры хорошо угощены были? — Слышишь? — Хорошо угощены: они представили и сокращенныя лѣшоники своего времени; лучше тебѣ имѣть дурное надгробіе по смерти, нежели неприязнь ихъ при жизни.

Полоній.

Я приму ихъ, Принцъ, какъ они заслуживаютъ.

Гамлетъ.

Вздоръ, другъ мой! Гораздо лучше! Поступай со вслкимъ по его заслугамъ: кто жъ тогда уйдешь изъ подъ плени? Прими ихъ согласно съ собственнымъ саномъ и честью: чѣмъ меньше они заслуживаютъ,

тѣмъ великодушнѣе швой поступишь. Вели помѣстимъ ихъ.

Полоній.

Пойдемъ, Господа.

Гамлетъ.

Спуйте за нимъ, друзья мои; завтра у насъ будетъ театръ. Послушай, старый пріятель! Можете ли вы сыграть убійство Гонзаго?

1й. Актеръ.

Можемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Приготовьтесь же къ зашпрешнему вечеру. Вы можете также, въ случаѣ нужды, выучить дюжину, другую стиховъ, которые я къ сочиненію прибавить желаю? Да?

1й. Актеръ.

Можемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Очень хорошо! Спуйте за Полоніемъ, но не смѣйтесь надъ нимъ.

(Уходятъ актеры и Полоній.)

(Къ Гильденстерну и Розенкранцу). Я очень радъ вамъ, друзья, простите до вечера.

(Гильденстернъ и Розенкранцъ уходятъ.)

Гамлетъ (однѣ).

Богъ съ вами всеми! — Наконецъ одинъ я!

О, я презрѣнный и ничтожный рабъ!

Не дивно ли, что сей актеръ въ игрѣ,

Въ мечшательной, прищворной спрасши, править

Такъ самовластно собственнѣй душой,

Что опъ ея движеній опъ блднвешъ,
 Терпешъ голосъ, слезы льешъ, и все въ пемъ,
 Черпы лица, малѣйшее движенъе
 Являешъ грусть! О чемъ же? О ничемъ,
 О блдствіи Гекубы!
 Чшо опъ Гекубъ, пль ему Гекуба,
 Чшо льешъ опъ слезы? Чшо же бы опъ сдмалъ
 Въ шакомъ, какъ я, своемъ тяжеломъ горъ?
 Опъ бы слезами наводилъ шеашръ;
 Опъ воплями раздралъ бы слухъ собранья;
 Опъ ихъ виновный въ страхъ бь обезумѣлъ,
 Незнающій смѣшался, вздрогнулъ правый,
 И взоръ и слухъ опъ ужаса бь смущались.
 Но я —
 Медлишель, низкій мщенія измѣнникъ,
 Въ бездѣйственномъ мечтаньи я вздыхаю
 И молвишь слова не умѣю! — Слова
 За смерть Царя, лишенаго злодѣйски
 Вѣнца и жизни! Иль я малодушенъ?
 Кто назоветъ меня злодѣемъ? Черепъ
 Мнѣ раздвоитъ? Пукъ волосовъ мнѣ вырветъ
 И броситъ мнѣ въ лице ихъ? Кто коснется
 Сему лицу? Мнѣ ложъ запретъ въ горшани,
 И въ грудь ее пробьешь мнѣ? (21.) Кто посмѣетъ?
 Чшо жъ? —
 Сего я спою: мягкосердый голубъ,
 Я не имѣю желчи, и обиды
 Мнѣ не горька — иль хищныхъ птицъ давно бы
 Преступника я трупомъ упишалъ.
 О счастіюбвецъ, взвергъ, кровоопійца!

Нечистый, злой, безжалостный предашель!
 О, я глупецъ! Какъ много пунъ ошваги! —
 Я, сынъ опца, убитаго злодѣемъ,
 Зовомый къ месии небомъ и землею,
 Я облегчаю сердце пустословьемъ,
 Ругательствомъ, какъ жрица поношенья,
 Какъ слабое дыша! (22.)
 О, снйды! — Проснись, разсудокъ! — Я слыхалъ,
 Не разъ пресупныхъ душу поспрасало
 Искусственное зрѣлище въ шеашръ,
 И шакъ злодѣйства открывались шайны:
 Убійство нѣмо, но оно порой
 Таинственно, но вняшно говоришь.
 Предъ дядей я велю предсавишь нѣчто,
 Подобное родителевой смерти;
 Я наблюдаю его движенья буду
 До дна его проникну взоромъ рану,
 И если опъ смущинся, поблѣдитъ —
 Я знаю долгъ свой. Видѣнный мной призракъ,
 Быть можешъ, демонъ: духъ нечистый властепъ
 Принимъ желанный образъ; какъ узнашь,
 Не мнилъ ли опъ, лукавый искусшмель,
 Моей тоской и слабостью могучій,
 Вовлечь меня въ тяжелый грѣхъ? Я долженъ
 Сильнѣйшіе, чѣмъ сей, имѣшь доводы:
 Изъ представленья я устройю пашъ —
 Въ нее должна убійцы совѣсть внашъ.

(Уходитъ.)

Конецъ II-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

*(Комната въ замкѣ).**Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и
Гильденстернъ.*

Король.

И не могли вы никакой уловкой
Узнать, на чемъ онъ сдѣлался помѣшанъ,
Какъ дней его спокойствіе споль сильно
Опаснымъ симъ возмущено безумствомъ?

Розенкранцъ.

Онъ сознается въ умственномъ разстройствѣ,
Но говоришь не хочешь о причинѣ.

Гильденстернъ.

Онъ недоверчивъ, и всегда лукаво
Безсвязной рѣчью оплошавшій умѣетъ
Всѣ замыслы извѣдать положенье
Души его.

Королева.

Онъ принялъ хорошо вась?

Розенкранцъ.

Опмѣнно ласково.

Гильденстернъ.

Но принужденно.

Розенкранцъ.

Скупъ на вопросы, воленъ и привѣтливъ
Въ своихъ ошѣшкахъ.

Королева.

Вы его склоняли

къ разсѣяню, къ забавамъ?

Розенкранцъ.

Насъ случай свелъ въ дорогѣ, Королева,
Съ актерами; объ нихъ уже онъ знаетъ,
И былъ, казалось, ихъ пріѣзду радъ.
Они здѣсь, въ замкѣ, и дадутъ сего дня
По Принцеву приказу, предсшавленье —
Такъ мнѣ сказали.

Полоній.

Точно такъ, мой другъ;

И чрезъ меня онъ проситъ васъ, Король
И Королеву, посѣишь театръ сей.

Король.

Душевно радъ: его такая склонность
Опмѣнно мнѣ пріятна.
А вы, друзья, спарайтесь подспрекнутьъ,
Успаявъ въ немъ къ забавамъ симъ охоту.

Розенкранцъ.

Со всемъ усердьемъ нашимъ, Государи!

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

Король.

Оставъ насъ такъ же, милая Герштруда!
Мы Гамлета сюда приманимъ; здѣсь
Офелію наединѣ онъ встрѣшитъ
Какъ бы случайно;

Я и Полоній [праведная хипрость]
Скрывшись, имъ невидимые сами,
За ихъ бестдой примѣчать пошщимся,
И по его судамъ пошпункамъ будемъ,
Мученіе ль любви, нль чшо иное
Виною его недуга.

КОРОЛЕВА.

Чшо до тебя, Офелія, — желаю,
Чшобъ красота швоя была счастливой
Его безуміа причиной: къ чесни
Вась обонхъ, швоя бы добродѣшель
Его къ разсудку возвращала.

ОФЕЛІЯ.

Я иду.

Дай Богъ!

(Королева уходитъ.)

Полоній.

Офелія, ходи здѣсь! — Государь,
Сокроемся.

(Къ Офеліи.)

Чшобъ видъ правдоподобный
Уединенной сей придашь прогулкѣ,
Чишай, вошъ книга. Эшо нашъ порокъ —
Какъ часто мы лицомъ смиреннымъ, видомъ
Пренабожнымъ, подслащиваемъ замысль,
Какъ сашана самъ черный!

Король (въ сторону.)

Правда, правда!

Какой тяжелый совѣсти ударъ
Слова сія! Не столько безобразно,

Въ сравненіи съ румянами, лице
Прелестницы, напершей ими щеки,
Какъ мерзосны въ сравненіи съ словами,
Мои дѣянья! Тягостная ноша!

Полоній.

Но вошъ и онъ! Угодноль вамъ сокрыться?

(Король и Полоній уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ. (входитъ.)

Бышь, нль не бышь — шакое въ вопросъ; чшо лучше,
Чшо благороднѣй для души: сносишь ли
Удары спрѣлъ враждующей форшунъ,
Или возстаешь пропшву моря бѣдствій,
И ихъ окончишь? Умереть — уснуть —
Не боля; сношь всегдашнимъ прекращаешь
Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,
Наслѣдье праха — вошъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умерешь — уснуть!
Уснуть? — Но сновидѣнья? — Вошъ препона:
Какія будутъ въ смершномъ снѣ мечны,
Когда мяшежную мы свергнемъ бренность,
О шомъ помыслишь должно. Вошъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и печалей!
И кшобъ снесъ бичъ и поношенье свѣта,
Обиды гордыхъ, припѣсненія сильныхъ,
Законовъ слабосш, знатныхъ своевольсшво,
Осмѣянной любви муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ —
И онъ свободенъ? Кшо въ ярмѣ ходилъ бы,
Спеналъ подъ игомъ жизни и шомился,

Когда бы страхъ грядущаго по смерти —
 Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
 Сюда возвраща — не тревожилъ воли,
 Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
 Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
 Такъ робкими шворить всегда насъ совѣсть;
 Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
 Подъ тѣню тусклѣетъ размышленья,
 И замысловъ ошважные порывы,
 Отъ сей препоны уклоняя бытъ свой,
 Имень дѣяній не спяжають. Ахъ,
 Офелія! — О нимфа! помини
 Грѣхи мои въ своей молитвѣ! (1.)

Офелія.

Здоровыль вы все это были время?

Гамлетъ.

Благодарю усердно; я здоровъ былъ.

Офелія.

Отъ васъ подарки я имѣю, Принцъ,
 И ихъ давно вамъ возвращаю хотѣла.
 Возьмите ихъ теперь, прошу васъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ;

Я ничего, повѣрьте, не давалъ вамъ.

Офелія.

Вы знаете, что мнѣ ихъ дали, Принцъ,
 И сладкими словами возвышали
 Даровъ богачество. Нѣтъ сихъ сладкихъ словъ —
 Къ чему жъ дары? Въ нихъ нѣтъ цѣны тогда,

Когда душа дѣющихъ намъ чужда.
 Вотъ, Принцъ, они: возьмите.

Гамлетъ.

А, а! добродѣтельна ли ты?

Офелія.

Принцъ! —

Гамлетъ.

Прекрасна ли ты?

Офелія.

Что хотѣете сказать вы, Принцъ?

Гамлетъ.

Что если ты добродѣтельна и прекрасна, то добродѣтель твоя не должна приниматься красотою къ себѣ въ бесѣду.

Офелія.

Можешь ли, Принцъ, красота имѣть лучшаго собесѣдника, какъ добродѣтель?

Гамлетъ.

Такъ, такъ! Могушество красотою скорѣе приведетъ добродѣтель къ распуску, нежели сила добродѣтели дастъ красотѣ свое подобіе. Мысль сія казалась нѣкогда неосновательною; но наши времена неоспоримо доказали ее. Я нѣкогда любилъ себя.

Офелія.

Да, Принцъ, вы заставили меня шому вѣрить.

Гамлетъ.

А вѣрять было не должно: добродѣтель нѣкогда не прививается къ природному нашему слѣбду столь сильно, чтобы вкусъ его вовсе въ насъ не опшывался. Я не любилъ себя.

ОФЕЛІЯ.

Тѣмъ болѣе я была обманута.

ГАМЛЕТЪ.

Спупай въ монастырь: за тѣмъ дѣлаешься матерью грѣшниковъ? Я самъ, напримѣръ, довольно честенъ; однакожь заслуживаю такія обвиненія, что лучше бы было мнѣ вовсе на свѣтъ не родиться. Я гордъ, мститель, честолюбивъ; я имѣю недосыпковъ болѣе, нежели мыслей ихъ обдумаю, воображенія ихъ предскажишь, или времени привести ихъ въ дѣйство. За тѣмъ пресмыкаешься шакимъ, какъ я, шварямъ, между небомъ и землею? Мы всѣ обманщики — всѣ: не вѣрь никому изъ насъ! Спупай въ монастырь! Гдѣ ошецъ швой?

ОФЕЛІЯ.

Дома, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Запри дверь за нимъ; пусть онъ не выходитъ, и только дома играетъ роль дурака.

ОФЕЛІЯ.

О, не оставь его, милосердное небо!

ГАМЛЕТЪ.

Если ты пойдешь замужъ, пусть сіе проклятіе будетъ шебѣ опъ меня приданымъ: будь ты чиста, какъ ледъ и бѣла какъ снѣгъ — клевета не пощадитъ тебя. Запрись въ монастырь! — Прости! — Если же ты непременно хочешь имѣть мужа — выбери глупца себя: умные очень хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы шворите изъ нихъ. Въ монастырь, говорю я — и скорѣе! Прости!

ОФЕЛІЯ.

Спасите его, небесныя силы!

ГАМЛЕТЪ.

Я слышался — шакже довольно о размалевываніи щекъ вашихъ: Богъ далъ вамъ одно лице, а вы превращаете его въ другое; вы плясаете и прыгаете, щебечите и поносите Божіи шворенія, и незнаіемъ называете свое безпущство. Хороши вы! Но довольно объ этомъ: оно и шо ужъ свело съ ума меня. Браковъ у насъ болѣе не будетъ; женатые пусть живутъ — всѣ, кромѣ одного; остальные пребудутъ шѣмъ, что шеперь они. — Въ монастырь, говорю я! —

(Уходитъ.)

ОФЕЛІЯ.

Какой высокой погубленъ въ немъ духъ!

Мечъ война, языкъ вишіи, взоръ

Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,

Зерцало правовъ, образецъ всему,

Цѣль наблюденій общихъ — все погубло!

И мнѣ, изъ дѣвъ несчастнѣйшей, испившей

Чарующихъ его обшовъ сладосъ,

Мнѣ должно видѣть умъ его высокий

Въ разшройсшвъ звуковъ, какъ органъ разбишый, (3.)

Въ безуміи увядшимъ видѣть юный,

Прелестный цвѣтъ! И мнѣ злой рокъ судилъ

Знать, что шеперь онъ, знавши, что онъ былъ.

Король (входитъ съ Полоніемъ.)

Нѣтъ, не къ любви его шпремаяся чувства!

Въ словахъ его не много, правда, связи,

Но нѣтъ безумства. Грусть въ его душѣ

Невѣдомый насиживаетъ замысль;
И порожденье тайнаго шенца
Намъ можешь быть опасно. Опъ сего
Внезапно мнѣ блеснуло въ мысли средспво;
Онъ въ Англію не медля должеть ѣхать,
Принявъ тамъ дани срочной недонмгу;
Быть можешь море, новая страна,
Разнообразность, развлекаешь по малу
Въ душѣ его стуснившія думы,
О кон умъ всечасно ударяясь,
Въ смяшеніе приходишь. Какъ ты мыслишь?

Полоній.

Мысль хороша; но все еще я вѣрю,
Что щещная любовь была началомъ
Его шоски. — Офелія! Ну, что?
Не сказывай — мы слышали до слова
Вашъ разговоръ. — Власъ ваша, Государь,
Но мой совѣтъ: не худо Королевъ
Наединѣ, какъ кончипся шепъръ,
О горесни его спросить опкрышо
А я, когда угодно вамъ, подслушать
Гомовъ ихъ тайно. Не поможешь это —
Пусть въ Англію онъ будетъ, пль гдѣ ваша
Разсудашъ мудрость.

Король.

Сказано умно:

Безумство знающихъ наблюдашь должно.

(Уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

(Зала въ замкѣ.)

(Гамлетъ и нѣсколько актеровъ входятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Провноси стихи, какъ я шебъ чинялъ ихъ — легко
и безъ напряженія; если же ты спанешь возглашаешь
подобно многимъ актерамъ нашимъ — я столько же
бы хотѣлъ ихъ слышать опъ городского крикуна.
Не рѣжь руками изъ всей силы воздуха; но соблюдай
во всемъ приличіе, храни умѣренность: она придаетъ
видъ брошосни всякой спраши въ самомъ ея попо-
кѣ, бурѣ, такъ скажешь, выхрь. — О, мнѣ обидно до
крайности слышаешь, какъ иной рослый, въ парикъ
наряженный невѣжа терзаетъ спрашь на части, на
куски, и раздраетъ уши черни, (4.) способной ушѣ-
шаться только непоняннымъ кривляньемъ и крикомъ.
Онъ спбиптъ плъши, бѣснуетъ такъ хуже Термаганша,
иродсвуя пуще самаго Прода. (5.) Избѣгай сего,
прошу себя.

1-й. АКТЕРЪ.

Даю вамъ мое слово, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не будь также чрезмѣру робокъ; пусть собственное
благоразуміе будетъ твоимъ наставникомъ. Соглашай
движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно
старайся не пресступать границъ натуральной про-
стошны: всякая чрезмѣрность несообразна съ цѣлію

представленія, которая, первоначально какъ и теперь, была и есть — предшавишь зеркало природы, явишь добродѣтели и пороку шочныя ихъ чершмы, всякому возрасшу и состоянію его подобіе и ошпечашокъ. Каршина непомѣрно рѣзкая, или слишкомъ слабая можетъ размѣшнть невѣждъ, но оскорбнть вкусъ разсудншельныхъ, изъ коихъ мнѣніе одного должно бышь для васъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающнхъ. О, ешь актеры — и я видалъ игру ихъ, слышалъ громкія похвалы имъ — актеры, кошорые, грѣхъ вымолвнть, не имѣя ни языка, ни вида хрнстіанъ, язычншкѡвъ и вообще людей, шакъ бормошани и лаяли, что я подумалъ: вѣрно вздумалъ шворншь людей какой-либо поденншкѡвъ природы — и то неудачно! шакъ безчелѡвѣчно подражали они челоѡвѣческнмъ дѣншвіямъ.

1-й. АКТЕРЪ.

Унашь уже опчаснш вывелось шакое обыкновение.

ГАМЛЕТЪ.

Испребнше его вовсе. Пусшь сверхъ шого играющіе роли шушовъ не говорашъ ни одного слова, имъ сочннншелемъ неназначеннаго: (6.) многіе изъ ннхъ хочущъ сами, чтобы размѣшнть глупѣншнхъ изъ зрншелей, между тѣмъ, какъ въ шу мннущу должно заннать вннманіе какое-либо мѣсто піесы, нужное для поясненія цѣлага. Такія выходы ннзкн; они показывающъ, сколь жалко честшлюбнше глупцовъ, къ ннмъ прнбѣгающнхъ. Спунайше, прнгошовадншесь.

(Актерь удаляется; входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гнльденстернъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Что, Полоній? — Угодно ли Королю видѣшь представленіе?

ПОЛОНІЙ.

Онъ будешъ шопчасъ, Принцъ; Королева шакже.

ГАМЛЕТЪ.

Велн же акшерамъ посѣшншь, Полоній.

(Полоній уходитъ.)

Не угодно ли и вамъ пособншь ему?

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Слушаемъ, Принцъ.

(Уходятъ.)

ГОРАЦІО! Гдѣ шы?

ГОРАЦІО. *(входитъ.)*

Къ услугамъ вашнмъ, здѣсь, любезный Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ты, мой Гораціо, лучшій изъ людей,

Какнхъ встрѣчалъ когда-либо я въ жнзнн.

ГОРАЦІО.

Любезный Принцъ —

ГАМЛЕТЪ.

Не думай, что я лъщу:

Какой награды ждашь мнѣ опъ тебя?

Ты бѣденъ, долженъ собшвеннымъ умомъ бышь

Одѣть и сытъ. Зачншожь лъшншь бѣднымъ? нѣтъ!

Пусшь злано лнжешъ сахарный языкъ;

Пусшь гнется тамъ непослушное колѣно,

Гдѣ плаша ешь за униженіе! — Слушай:

Когда я началъ различашъ людей,

И къ выбору способенъ спалъ душею,

Тебя избралъ я. Ты терпѣлъ шакъ много,
И не терпѣлъ, казалось, ничего;
Ты принималъ съ благодареньемъ равнымъ
Форшуну гнѣвъ и ласки. Счастливей шомъ,
Въ комъ кровь съ разсудкомъ смѣшана шакъ вѣрно, (7.)
Чшо не слѣпая онъ причудъ игрушка
Слѣпой форшуны. Укажи мнѣ, кто
Не рабъ шпрасшей: шого я заключаю
Въ душѣ, да, въ сердцѣ сердца моего,
Какъ и тебя я заключилъ. Довольно!
Симъ вечеромъ Король придетъ въ шеамръ;
Одно явленье будетъ шамъ подобно!
Тебѣ уже извѣшному убійшпву.
Прошу тебя, когда оно наспанетъ,
Со всемъ душевнымъ взоромъ напряженьемъ
Смотри на дядю. Если и шогда
Не объяснишя шайна пресшупленья,
То призракъ нами видѣнный, былъ демонъ,
То всѣ мои мечшы и мысли черны,
Какъ кузница Вулкана. Замѣчай;
Я прикую къ лицу его свой взоръ;
Пошомъ другъ другу о его пошшупкахъ.
Мы сообщимъ догадки.

ГОРАЦІО.

Вѣрьше, Принцъ:

Когда украдешъ онъ у насъ одно
Свое движеніе—я плачу покражу.

ГАМЛЕТЪ.

Идушъ—я долженъ снова быть забавнымъ.

Сыщи себѣ удобнѣйшее мѣсто.

(*Датскій маршъ; звукъ трубъ; входятъ:
Король, Королева, Полоній, Офелія, Гиль-
денстернъ, Розенкранцъ и другіе.*)

КОРОЛЬ.

Каково живешъ родшвенникъ нашъ Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Каково, Государь?—прекрасно! еслибъ вы спросили,
чѣмъ? я бы сказалъ—нищю хамелеона, воздухомъ на-
чиненнымъ надеждами. (8.) Каплуна эшимъ не ошкор-
мишъ.

КОРОЛЬ.

Такой ошвѣшъ не для меня, Гамлетъ; слова сіи не
мои.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь ужъ и не мои они. (9.) Ты, кажется, игралъ
на универсшешскомъ шеамрѣ, Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Игралъ, Принцъ, и почитался хорошимъ акшеромъ.

ГАМЛЕТЪ.

Какую роль имѣлъ шы?

ПОЛОНІЙ.

Роль Юлія Цезаря. Я былъ убитъ въ Капишолін;
Брушъ убилъ меня.

ГАМЛЕТЪ.

Брушъ совершенно заслужилъ свое названіе, убивъ въ
Капишолін шакого *Капиталнаго* шелепка!— (10.) Го-
шовны ли акшеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Они ожидаюшъ, Принцъ, вашихъ приказаній.

Королева.

Садись возле меня, любезный Гамлетъ.

Гамлетъ.

Извините, Королева: здѣсь есть магнитъ, притягивающій меня сильнѣе.

Полоній.

А, а! слышите, Государь?

Гамлетъ.

Могу ли я прилечь къ вашимъ колѣнамъ, Офелія? (11.)

Офелія.

Нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

То есть, я разумно прилечь къ нимъ головою?

(садится у ногъ Офеліи)

Офелія.

Можете, Принцъ.

Гамлетъ.

А вы ужъ подумали Богъ знаетъ что?

Офелія.

Я ничего не думала, Принцъ.

Гамлетъ.

Прекрасная мысль быть такъ близко къ ногамъ дѣвушки!

Офелія

Что такое, Принцъ?

Гамлетъ.

Ничего.

Офелія.

Вы веселы, Принцъ!

Гамлетъ.

Кшо, я?

Офелія.

Вы, Принцъ.

Гамлетъ.

О, вашъ неподражаемый забавникъ! чтожъ оспаси-ся людямъ, какъ не быть веселыми? Посмотрите, какъ весела Королева, а шолько два часа, какъ умеръ отецъ мой.

Офелія.

Нѣтъ, уже дважды два мѣсяца, Принцъ.

Гамлетъ.

Уже шакъ давно? Пущь же самъ сашана одѣнешся въ черное, а я спану носить соболью шубу. О, небо! два мѣсяца какъ мершвъ, и не забытъ еще!—И шакъ есть надежда, что памяшь великаго чловѣка можете пережить его цѣлымъ полугодомъ! Но, божусь, для сего онъ долженъ по крайней мѣрѣ насроить при жизни церкви, иначе пущь не прогнѣваешь, когда о немъ думаютъ не больше, какъ о деревянной лощадкѣ, надъ могилой кошорой написано:

„О горе! о злой рокъ!

„Забытъ, забытъ конѣкъ!,, (12.)

(Звукъ трубъ; слѣдуетъ пантомимное представленіе: входитъ на театръ Король съ Королевою; они нѣжно обнимаются; Королева становится на колѣни и произноситъ, кажется, объѣтъ; Король поднимаетъ ее, склоняется къ ней на грудь головою, потомъ ложится на дерновой скамь; она, видя его уснувшимъ, уходитъ. Вскорѣ приходитъ нѣкто другой, сжимаетъ

съ Короля корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ Королю въ ухо ядъ и удаляется, Королева, возвратясь, находитъ Короля мертвымъ, и знаками выражаетъ печаль свою. Оправитель является съ нѣсколькими другими лицами и стѣдуетъ вѣстать съ Королевой. Мертвое тѣло уносятъ. Оправитель предлагаетъ Королевы дары и любовь свою; она противится нѣсколько времени, наконецъ соглашается и принимаетъ то и другое.)

ОФЕЛІЯ.

Что означаетъ все это, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что? Это тайное убійство: оно означаетъ злодѣяніе.

ОФЕЛІЯ.

Пантомима, кажется, заключаетъ въ себѣ содержаніе пьесы?

(входитъ прологъ)

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ, онъ намъ скажетъ; Актеры не могутъ ни чего сохранить въ тайнѣ: все разбалтываютъ.

ОФЕЛІЯ.

И онъ объяснитъ намъ, что значить пантомима?

ГАМЛЕТЪ.

Да, эша и всякая. Не постыдишься только сдѣлать ему пантомиму—онъ вѣрно не постыдился объяснить ее.

ОФЕЛІЯ.

Вы невѣжливы, Принцъ, очень невѣжливы; я хочу заняться представленіемъ.

ПРОЛОГЪ.

„Для насъ и представленія

„Мы просимъ снисхожденія

„И вашего терпѣнія.“

ГАМЛЕТЪ.

Что это, прологъ, или надпись на кольцо?

ОФЕЛІЯ.

Какъ корешко!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ любовь женщины.

(входятъ на сцену Король и Королева)

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОРОЛЬ.

„Ужъ кони Феба приидишь красть щеки (13)

„Вкругъ областей Непшуна и земли;

„Ужъ тридцать красть двенадцать лунъ, чредой,

„На міръ нашъ яли свѣтъ заемный свой,

„Какъ намъ связали цѣпью своей

„Любовь сердца и руки Гименей.

ТЕАТРАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА.

„Пусть столькожъ красть луна и солнце вновь

„Свершашъ свой путь—въ насъ будетъ шажъ любовь;

„Но горе мнѣ! ты грустѣишь и уныль;

„Тебя недугъ жестоко измѣнилъ,

„И я спрашусь... Души швоей покой

„Да будетъ чуждъ болзни сей пусшой:

„У женщинъ страхъ безмѣренъ, какъ любовь; (14)

„Ихъ сердцу нѣтъ середины въ чувствахъ спхъ:

„Они нль все, или ничто для нихъ.

„Мое ты сердце испыталъ давно—

„Любовь и страхъ могучи въ немъ равно:

„Гдѣ спросишь сильна, шамъ все легко спрашишь;
„Гдѣ спрашишь всё, шамъ сильно спросишь горить.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОРОЛЬ.

„Такъ; скоро, другъ, разспахъ шамъ должно!
„Жизнь, силы—все во мнѣ истощено,
„И ты одна въ семь мѣръ будешь жить
„Въ чести и славѣ; можешь быть любишь
„Другаго станешь —

ТЕАТРАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА.

„Тягостный упрѣкъ!

„Такая спросишь—измѣна, злой порокъ!
„Второй супругъ лишь той быть можешь мнѣ,
„Чьей злобой первый въ гробъ низвергнуть былъ.

ГАМЛЕТЪ. (*въ сторону*).

Здѣсь-то и похвѣ!

ТЕАТРАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА.

Будь проклятъ бракъ вѣрой! къ нему ведешь
Не чувство сердца, а ума разсчётъ,
И мертвѣго я убиваю вновь,
Отвѣстствуя пному на любовь.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОРОЛЬ.

Симъ чувствіямъ я вѣрю безъ труда;
Но рѣдко въ насъ рѣшимельность шверда:
Раба ума и памяти, она
Такъ скоро мреть, какъ скоро рождена.
„Покуда зеленъ, швердъ на кѣшви плодъ
„Созрѣвъ же, самъ ошъ древа ошпадетъ.
„Мы часно шамъ заплашой не спѣшимъ,
„Гдѣ мы должны себѣ, а не чинимъ,
„И часно въ спраши сдѣланный обѣтъ

„Нично для насъ, когда сей спраши пѣтъ.
„Печаль и радость, побурливъ, пройдушь,
„А съ ними ихъ и замыслы падушь;
„Въ комъ грусть сильна, сильна и радость въ шомъ,
„И имъ легко смѣнишь другъ друга въ нѣмъ.
„Сей свѣтъ не вѣченъ; счастья оборотъ
„И перемѣну чувствъ съ собой ведешь,
„И какъ знашь, что чему покорено—
„Любовь ли счастье, или ей оно!
„Падешь великій — гдѣ друзья? — Но вдругъ
„Возстанешь слабый — всякъ счастливицу другъ.
„Любовь съ фортуной сестры въ жизни сей:
„Тамъ много, гдѣ не надобно друзей;
„А гдѣ услуга въ нуждѣ дорога,
„Тамъ и въ родномъ легко найши врага.
„И повшорю я сказанное мной:
„Въ насъ воля шакъ слаба передъ судьбой,
„Что замыслы всѣ наши прахъ и дымъ—
„Мы шолько мыслимъ, но не мы шворимъ.
„Такъ бышь мнѣ вѣрной мысль въ шебѣ живешь;
„Но я умру — и мысль сія умреть.

ТЕАТР. КОРОЛЕВА.

„Не дай земля мнѣ пищи, свѣта — день,
„Блажь — небеса, покоя — ночи шѣнь!
„Отчаянье надеждой будь моей,
„Тюрьма - дворцомъ, бѣдой — звукъ цѣпей!
„Все злое, все, что радости мертвишь
„Пусть къ цѣли пушь во всемъ мнѣ преградишь!
„Будь здѣсь и шамъ мученье жребій мой,
„Когда, вдова, я буду вновь женой.

ГАМЛЕТЪ (*Офелія.*)

Что, если она нарушитъ клятву!

ТЕАТР. КОРОЛЬ.

„Довольно клясть! Просни! Я слабъ, тяжель:

„О еслибъ сонъ мнѣ замѣнилъ пришелъ

„Для тяжкій свѣтъ!

(*ложится на дерновую скамью.*)

ТЕАТР. КОРОЛЕВА.

„Спи, другъ мой, безъ тревогъ!

„Да удалишь оны насъ все злое Богъ!“

(*уходитъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Какъ нравишься вамъ представленіе, Королева?

КОРОЛЕВА.

Царица, кажешься, общаешь слишкомъ много.

ГАМЛЕТЪ.

Но она сдержитъ слово.

КОРОЛЬ.

Знаешь ли ты содержаніе драмы, Гамлетъ? Нѣтъ ли въ ней чего либо предосудительнаго?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, государь! Они шумятъ, и оспраиваютъ шума — вовсе ничего предосудительнаго.

КОРОЛЬ.

Какъ называется драма?

ГАМЛЕТЪ.

Пасъ на мышей; но какъ? Въ переносномъ смыслѣ! Она изображаетъ убійство случившееся въ Вѣнѣ. — Имя Князя — Гонзого; жены его — Бапписта. Низкое преступленіе — вы сами увидите; но что въ томъ?

До васъ, Государь, оно не касается, какъ и до всѣхъ насъ, имѣющихъ чистую совѣсть. Чешись лошадка часосочная — у насъ шейка здорова. (15.)

(*Входитъ на театръ Луціанъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Это Луціанъ, племянникъ Короля.

ОФЕЛІЯ.

Вы заступаеете мѣсто хора, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, и могъ бы быть посредникомъ (16.) между вами и вашимъ милымъ дружкой, если бы шумъ была кукольная комедія.

ОФЕЛІЯ.

Ваши ошѣпы, Принцъ и ошпы и колки.

ГАМЛЕТЪ.

О, вамъ бы сполно не одного спона припущеніе того, что у меня есть остраго.

ОФЕЛІЯ.

Еще лучше и еще хуже!

ГАМЛЕТЪ.

Въ выборѣ мужей вы поспуаете почно шакъ! Начи-най, убійца! Полно искажашъ шакъ лице свое! Начи-най —

„Ужъ вопіешь

„О мщеніи пропалымъ крикомъ воронъ!“

ЛУЦІАНЪ.

„Зло въ сердцѣ, адъ въ рукѣ, уединенье,

„Приличный часъ — свершись же, преступленье?“

„Ты, влага правъ полунощныхъ, прикрасы

„Заклятая волшебствами Гекаты!

„Оправу въ кровь пролишь ему спѣши,
„И жизни огнь мгновенно потуши!

(Вливаетъ въ уху спящаго лѣдъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Онъ отправляетъ его въ садъ, чпо бы овладѣть его короною. Имя его Гонзаго; происшествіе извѣстное, прекрасно описанное по италіянски. Вы увидите послѣ, какъ убійца приобрететъ любовь Гонзаговой сестры.

ОФЕЛІЯ.

Король встаетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Испуганъ поддѣльнымъ огнемъ?

КОРОЛЕВА.

Что съ вами, супругъ мой?

ПОЛОНІЙ.

Прекратите представленіе.

КОРОЛЬ.

Посвѣщите мнѣ — я иду.

ПОЛОНІЙ.

Огня, огня, огня!

(Уходятъ все, кромѣ Гамлета и Гораціо.)

ГАМЛЕТЪ.

Пусть страждетъ лань, произведенная стрѣлой,

Олень раненый играетъ;

Когда одинъ хлопочетъ — спитъ другой:

Такъ все на свѣтѣ здѣсь бываешь.

Не могли ли бы мнѣ сіи стихи, [еслибъ все остальное измѣнилось] съ лѣсомъ переехать на шляхъ и парой

провапскихъ розъ на башмакахъ], (17.) доспавишь мѣсто въ обществѣ актеровъ?

ГОРАЦІО.

Развѣ половинный участокъ, Принцъ. (18.)

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, цѣлый —

Самъ Зевсъ сидѣлъ у насъ въ коронѣ;

Но вѣкъ дурной пришелъ:

Теперь сидитъ на томъ же тронѣ

Прямой, прямой — Павлинъ. (19.)

ГОРАЦІО.

Вы бы могли стихи писать, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, добрый Гораціо! Теперь каждое слово стоитъ цѣны тысячи червонныхъ. Ты замѣшалъ?

ГОРАЦІО.

И очень, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

При словахъ объ отправленіи —

ГОРАЦІО.

Я внимательно наблюдалъ его.

ГАМЛЕТЪ.

Ей, позовите музыкантовъ! Гдѣ флейщики? —

Когда театръ не нравится Царю,

То — право, онъ не нравится Царю! (20.)

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ музыканты?

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ слово, Принцъ.

Гамлетъ.

Хотѣю цѣлую исторію!

Гильденстернъ.

Король —

Гамлетъ.

Ну да, что Король?

Гильденстернъ.

Онъ удалился очень разсвоенъ.

Гамлетъ.

Виномъ?

Гильденстернъ.

Нѣтъ, Принцъ, гнѣвомъ.

Гамлетъ.

Вы бы поступили гораздо умнѣе, сказавъ о томъ доктору; если я пропишу ему чистительное, то оно можетъ быть еще болѣе усилить гнѣвъ его.

Гильденстернъ.

Приведите, любезный Принцъ, разговоръ вашъ въ нѣкоторый порядокъ и не удаляйтесь такъ опрощенно отъ его предмета.

Гамлетъ.

Ну, я присмирѣлъ — начинай.

Гильденстернъ.

Мы присланы къ вамъ отъ глубоко опечаленной вашей матери Королевы.

Гамлетъ.

Добро пожаловашъ!

Гильденстернъ.

Нѣтъ, любезный Принцъ! Привѣтствіе сіе неумѣстно: угодно вамъ дасть мнѣ разсудительный отвѣтъ — я

исполню приказаніе вашей матери; нѣтъ — я попрошу у васъ прощенія, уйду и пѣмъ окончу все дѣло.

Гамлетъ.

Я, право немогу.

Гильденстернъ.

Чего, Принцъ?

Гамлетъ.

Даю вамъ разсудительнаго отвѣта: разсудокъ мой боленъ; но такой отвѣтъ, въ какомъ я власнень, къ вашимъ угугамъ, или лучше, какъ вы говорите, къ услугамъ моей матери. И такъ довольно объ этомъ, но къ дѣлу! Королева, говорите вы. —

Розенкранцъ.

И такъ она велѣла сказать, что поведеніе ваше удивило, изумило ее.

Гамлетъ.

Удивительный сынъ, могущій такъ удивить мать свою! Но не слѣдуетъ ли по пятамъ за симъ материнскимъ удивленіемъ чего-либо другаго? — Говорите!

Розенкранцъ.

Она желаетъ говорить съ вами въ своей комнатѣ прежде, нежели вы почиваете уйдете.

Гамлетъ.

Мы повинемся — будь она десяти разъ нашею матерью. Имѣете ли вы еще какое порученіе?

Розенкранцъ.

Вы ижегда любили меня, Принцъ.

Гамлетъ.

И теперь еще люблю — клянусь моими десятию пальцами. (21.)

РАЗЕНКРАНЦЪ.

Какая причина, Принцъ, вашего недуга, вы запрашаете дверь собственной свободѣ, скрывая горестъ свою отъ друзей вашихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я желаю повышенія.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Возможное ли это дѣло, когда самъ Король назначилъ васъ наследникомъ престола?

ГАМЛЕТЪ.

Правда, правда! но: „покуда справка подрастетъ—“, (22.) пословица эта ужъ обвѣщала.

(входятъ музыканты.)

А, музыканты! подайте мнѣ флейшу.

(къ Розенкранцу и Гильденстерну)

Идши за вами? что вы заходите мнѣ въсерь, какъ будто загоняя меня въ шенеты? (23.)

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

О, Принцъ! если долгъ дѣлаетъ меня смѣлымъ, то любовь моя забываетъ приличія. (24.)

ГАМЛЕТЪ.

Для меня это не совсѣмъ понятно. Не угодно ли себѣ заиграть на сей флейшѣ?

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Я не могу, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Прошу тебя!

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Право не могу.

ГАМЛЕТЪ.

Сдѣлай одолженіе!

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Я не знаю какъ за нее взялся.

ГАМЛЕТЪ.

Это такъ же легко, какъ, напимѣръ, лгать. Закрывай и открывай сіи отверстія пальцами и клапаномъ, а въ это дуй—и выйдетъ прекрасная музыка. Посмотри—вошь пріемы, для сего нужные.

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Но пріемовъ то я и незнаю, не умѣю извлечь изъ инструмента гармоніи. Искусство сіе мнѣ не извѣстно.

ГАМЛЕТЪ.

Разсуди же самъ, какою презрительною шварью ты меня считаешь! Ты хочешь управлять мною, думаешь, что знаешь нужные пріемы и можешь изъ самаго сердца извлечь мою шайну, слышавъ звуки мои отъ перваго до послѣдняго: а вошь въ семь инструментовъ заключается звучная, пріятная музыка—и ты не въ состояніи одушевить ее! Думаешь ли ты, что со мной совладѣть легче, нежели съ флейшой? Назови меня какимъ хочешь инструментомъ: ты можешь разбить меня, но не играть на мнѣ.

(входитъ Полоній)

Здравствуй Полоній!

ПОЛОНІЙ.

Королева желаетъ сей часъ говорить съ вами, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Видишь ли ты вошь это облачко, похожее на верблюда?

Полоній.

Вижу, и право оно похоже на верблюда—право похоже!

Гамлетъ.

Но, кажешся, оно болѣе подобно ласпочкѣ.

Полоній.

Спина точно какъ у ласпочки.

Гамлетъ.

Или кишу—

Полоній.

Точь въ шочь какъ кишъ, Принцъ!

Гамлетъ.

И шакъ я шощасъ приду къ Королевѣ.—Они задурачатъ меня до смерти.—Я шощасъ приду.

Полоній.

Я доложу ей о шомъ.

(Уходитъ.)

Гамлетъ.

Тотчасъ сказать легко! Друзья, простите!

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

Теперь настала волшебный ночи часъ,
Когда могилы развѣзаютъ зѣвъ свой
И самый адъ на мѣръ заразой дышетъ;
Теперь я радъ кипящую пить кровь,
Творишь дѣла, на кои день воззрѣвши
Застреленъ бы.—Время къ Королевѣ!—
О сердце, помни свяшость узъ природы!
Душа Нерона, не пѣсни мнѣ въ грудь!
Не извергомъ, жестокимъ лишь я буду:
Грозь кинжаломъ, не коснусь кинжала,

Прищиворной рѣчью скрою чувства сердца
И шпенепать заставивши злодѣйство,
Не приведу угрозы словесныхъ въ дѣйство.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната въ замкѣ)

(Король, Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Король.

Онъ мнѣ прошивень и опасно дасть
Его безумству волю. Приготовьтесь:
Я нужныя бумаги подпишу
И въ Англію опираю васъ съ нимъ вмѣстѣ.
Нашъ санъ и долгъ шертъ не позволяють
Опасности, распушей здѣсь всечасно
Онъ сей болѣзни.

Гильденстернъ.

Мы сгошовимъ все;

Заболѣвность такая, Государь,
О благѣ общемъ вамъ подвасныхъ, вами
Хранимыхъ, благотворна и свѣта.

Розенкранцъ.

И всякъ изъ насъ природою обязанъ
Всей силой, всею оружіемъ души
Хранить себя отъ гибели; но болѣ
Обязанъ шопъ, онъ коего зависить
Ошчизны мѣръ, жизнь шыслѣ. Смерть владыки

Не смерть много: какъ водоворотъ,
Она съ собой все близкое уноситъ.
Царь—на вершинѣ горной колесо,
Огромное, вращающее тьмы
Колесъ легчайшихъ; рушится оно—
И весь составъ, столь сложный и обширный,
Въ его паденьи будешь раздробленъ:
Вздыхъ Царскій естъ всего народа спонъ.

Король.

Сготовьшесь, други, въ сей поспѣшный нушъ:
Опасности, ходящей здѣсь свободно,
Мы скоро цѣпи на ноги надѣнемъ.

Розенкранцъ и Гильденстернъ

Простите, Государь!

(Уходятъ; входитъ Полоній.)

Полоній.

Овъ къ Королеву будетъ, Государь;
Я за обон скрывшись, все услышу.
Она его суровымъ встрѣтитъ словомъ,
И какъ [вы сами мудро то сказали]
Всегда приспирасна къ дѣламъ мать, то должно
Чтобъ посторонній пужное подслушалъ
Въ ихъ разговоръ. Государь, простите?
Я васъ о всемъ увѣдомлю сего дня жъ.

Король.

Благодарю.

(Полоній уходитъ.)

Ахъ, моего злодѣйства

Зловоніе восходишь къ небесамъ;
На немъ древнѣйшее лежишь проклятье!

Братоубійство! Пламенно желая,
Молюсь я не властень: сила воли
Сильнѣйшею подавлена виной,
И какъ зовомый къ двумъ равно дѣяньямъ,
Что предпринять, не зная, въ обоихъ
Я медлю. Чшо же? Запекись корою
На проклятыхъ рукахъ моихъ кровь брата—
Ужель росы въ благомъ не спанетъ? Небъ
Какъ снѣгъ умытъ ихъ? Не на толь и благости,
Чтобы лицу противустать порока?
И что въ молитвѣ, если не сія
Двойная сила—подкрѣпленье слабымъ,
Прощенье падшимъ? Я воззрю къ Творцу;
Вина свершилась; но какой избрѣтъ
Молитвы видъ?—„Прости мнѣ грѣхъ убійства?“
То не возможно! я еще владѣю
Всею, для чего совершено убійство:
Короной, жадой чести, Королевой!
Тому ль прощенье, кто своей вины
Еще плоды вкушаетъ?—На нечистомъ
Помокъ свѣта можешь позлащенной
Преступникъ правду отклонить рукой,
Купишь законъ добычею злодѣйства;
Но тамъ не такъ! Тамъ щещены всѣ предлоги;
Тамъ въ нагошѣ дѣла порока видны,
И мы лицомъ къ лицу предъ ними станемъ,
Нелицемерный въ нихъ дадимъ отчетъ.
И чшо жъ осталось? испытать, чшо властно
Раскалнѣ?—чего оно не властно!
Чшо властно тамъ, гдѣ нѣтъ его въ душѣ?—

О бѣдствіе! грудь черная, какъ смерть!
 Духъ, рвущійся изъ утъ, и тѣмъ сильнѣе
 Тѣснѣйшимъ ими! Ангелы, вселенше!
 Коляна, гнишешь! Ты, спальное сердце,
 Смятчися и будь чувствительнѣе, какъ первы
 Въ грудномъ младенцѣ!—Есть еще надежда.
(Отходитъ въ сторону и становится на колына.)

Гамлетъ *(входитъ.)*

Теперь могу я—онъ шворить молитву;
 Теперь свершу: чрезъ мигъ онъ въ небесахъ—
 И я опмѣню?—О семъ помыслишь должно.
 Родителя лишилъ меня злодѣй;
 Единный сынъ, я шлю сего злодѣя
 На небо!—
 Нѣтъ, шо заплаша, а не мещь! Отецъ мой
 Убитъ имъ былъ въ утѣхахъ, въ пресмыченіи
 И полношъ грѣховъ, какъ Май разцвѣвшихъ;
 Каковъ удѣлъ его, лишь знаешь небо;
 Но намъ разсудокъ говорить, что шажо
 Его душъ—и будуль я опмѣню,
 Сразивъ врага въ минушу покалнѣя,
 Гомоваго предсташъ на судъ небесный?
 О, нѣтъ!
 Нѣтъ, мечъ мой! мигъ спрашившій изъбери!
 Когда во снѣ онъ, или во гнѣвѣ, въ пьянствѣ,
 Или въ наслажденяхъ мерзостной любви,
 Въ игрѣ, въ хуленіи, дѣлъ чуждомъ всякой
 Спасенія мысли: поразн тогда,
 Чшобъ пашы къ небу обратишь, онъ палъ
 Съ душою черной, проклятой, какъ адъ,

Ея наслѣдье.—Королева ждешь!—
 Для большихъ мукъ продю его живопъ.

(Уходитъ.)

Король *(встаетъ.)*

Слова горѣ, но долу мысль спремншя:
 Безъ мысли слово къ небу не домчншя!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Другая комната въ залкѣ)

Королева и Полоній.

Полоній.

Тотчасъ придешь онъ. Будешь съ нимъ суровы;
 Скажише прямо, что его поступки
 Несносны, что вы спали изъ любви
 Межъ имъ и гнѣвомъ Короля. Довольно;
 Но будьте ошкровенны съ нимъ.

Королева *(идетъ.)*

О буду,

Повѣрь мнѣ. Онъ идешь—оспавъ однихъ насъ.

(Полоній скрывается.)

Гамлетъ *(входитъ)*

Что вамъ угодно Королева?

Королева.

Тобой ошецъ твой сильно оскорбленъ.

Гамлетъ.

Ошецъ мой вами сильно оскорбленъ.

КОРОЛЕВА.

Ты Гамлетъ, мнѣ опившствуешь пустое.

ГАМЛЕТЪ.

Вы говорите, Королева, злое.

КОРОЛЕВА.

Что жъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ чемъ же дѣло, Королева?

КОРОЛЕВА.

Или меня забылъ ты?

ГАМЛЕТЪ.

О, нисколько!

Вы Королева, деверя супруга,

И—лучше бы шакъ не было—мнѣ мать.

КОРОЛЕВА.

Такъ говоришь съ шобой вѣло другимъ я.

ГАМЛЕТЪ.

Къ чему?—Сядишесь! не всавайте съ мѣста!

Ни съ мѣста! я вамъ зеркало представляю,

Гдѣ вы свою увидише всю душу

КОРОЛЕВА.

Что хочешь ты? Убить меня?—Спасите!

Сюда!

Полоній. (непоказываясь)

Сюда, на помощь!

ГАМЛЕТЪ.

Кто здѣсь?—Мышь?

(вынимаетъ шпагу)

Убита, бьюсь червонцемъ объ закладъ!

Мертва!

(ударяетъ шпагою сквозь обон.)

Полоній.

Я мертва — заколошь — мертва!

(падаетъ и умираетъ.)

КОРОЛЕВА.

О горе!

Что сдѣлалъ ты?

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю самъ! — Король?

(Поднимаетъ обон и поддеваетъ Полонія на сцену.)

КОРОЛЕВА.

Какой кровавый, бѣшенный поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? Также, Королева, какъ

Убить Царя, спашь деверя супругой.

КОРОЛЕВА.

Убить Царя?

ГАМЛЕТЪ.

Убью, убью: шакъ точно!

(Полонію.)

Прости, ты жалкій, дерзостный глупецъ!

Я счелъ тебя за лучшаго, чѣмъ ты —

Какъ бышь! — Лукавство, видишь самъ, опасно.

(Королеву.)

Къ чему ломаешь и жмешь шакъ руки? — Сядьте!

Изъ вашего я сердца выжму чувство,

Когда сто проникнуешь есшъ возможность,

Когда его не вовсе закалял,
Не сдѣлалъ спалю навѣкъ преступленья.

КОРОЛЕВА.

Въ чемъ я виновна, что языкъ швой смѣешь
Мнѣ изрыгать угрозы?

ГАМЛЕТЪ.

Твой проступокъ

Сквернишь румянецъ скромности смѣдиной;
Зовешь прищворшвомъ добродѣтель; розу
Съ чела любви невинной опшоргалъ,
Кладешь тамъ язву; слово брачной кляшвы
Творишь хулой, какъ игрока божбу.
Онъ извлекаешь душу изъ обышовъ
Святейшихъ въ жизни; рдѣешь, зря его
Во гнѣвъ небо, и тяжелый шаръ нашъ,
Какъ въ судный день, пріемлешь мрачный видъ
И спраждешь въ скорби.

КОРОЛЕВА.

О, какой проступокъ

Ты возвыщаешь сполъ ужаснымъ?

ГАМЛЕТЪ.

Взираи сюда — вопъ два изображенья,
Черты двухъ брательевъ. Вопъ одинъ: какое
Величье въ лицѣ его! Власы
Гиперіона, Зевсова чело;
Взоръ Бога брани, царшвенный и грозный;
Осанка, поступъ вѣспника Боговъ,
Лешащаго съ горы подиершей небо;
Размѣръ и стройрость, въ коихъ, мнишся, явно
Безмерный каждый поладилъ печашь,

Ручаясь міру за свое шворенье —

Онъ былъ супругъ швой! Но взираи: другой
Теперь супругъ швой, сей сожженный колось,
Губишель браша. (зв.) Видишь ли швой глазъ?
Не жишь на сей горѣ, пучишь во сквернѣ
Такого блага! Видишь ли швой глазъ?
Не смѣй назвашъ любви шущъ! Нѣтъ! Въ швой вѣкъ
Ужъ не буншуешь кровь: она покорна
Разсудка волѣ; видишь ли жъ разсудокъ
Въ шакой замѣнѣ? Ты имѣешь смыслъ —
Имѣя мысли — но онъ спитъ сномъ смершнымъ:
Здѣсь и безумство истину бы зрѣло,
И никогда не меркнулъ сполько разумъ,
Чтобъ въ выборѣ подобномъ заблужденю
Причастнымъ бышь могъ. О, какой же демонъ
Тебя шакъ злобно, дивно ослѣпилъ?
Безъ осязанья глазъ, пль осязанье
Безъ глаза, слухъ одинъ — любое чувство,
Оспашокъ бѣдный чувсшва впашъ не могъ бы
Въ обманъ споль грубий.
О, смѣдь! Гдѣ швой румянецъ? — Адъ коварный!
Когда шы шакъ буншуешь въ людяхъ зрѣлыхъ,
Пущъ въ юности порывшомъ огнѣ
Какъ воскъ распаешь добродѣтель! Срамноль
Для жара крови молодой распушество,
Когда и ледъ горитъ, когда разсудокъ
Другъ вождѣленъ?

КОРОЛЕВА.

О, умолкни, Гамлетъ!

Ты обращаешь мой взоръ во глубь души,

И въ черныхъ, неизгладимыхъ я пянахъ
Ее узяла;

Гамлетъ.

Прельщась срамомъ
На душномъ семъ одрѣ кровосмѣшеня!
Дышашъ порокомъ! Нѣжишься любовью
Въ гнѣздѣ разврата!

Королева.

О, умолкни, Гамлетъ!

Слова твои какъ острые кинжалы!
Умолкни сынъ мой!

Гамлетъ.

Онъ злодѣй, убійца!

Рабъ, онъ отца убиваго не сподоби
И сохой доли! На Царей сашира! (26.)
Воръ малодушный скинестра и Царства,
Изъ храмины корону подъ одеждой
Тайкомъ унесшій!

Королева.

О, довольно!

Гамлетъ.

Съ шапкой

Дурацкою Король!

(Входитъ тѣнь Гамлетова отца.)

Прострише крылья надъ моею главой,
Вы, спражи неба! — Чшо ты возвѣспишь
Величественный призракъ?

Королева.

Онъ въ безумствѣ!

Гамлетъ.

Съ упрекомъ ли къ медлителью пришелъ ты,
Чшо съ рвеніемъ жарчайшимъ не спынишь онъ
Твое исполнишь спрашное велѣнье?
О, говори!

Тѣнь.

Сынъ, помни: я пришелъ

Вновь изощришь припущенный твоимъ замыслъ;
Но матери ты видишь изумленье?
Спашъ между ею и ея душой —
Сильнѣй въ слабѣйшихъ попрясаешь душу
Воображенье. Говори съ ней, сынъ мой.

Гамлетъ.

Чшо съ вами, Королева?

Королева.

Чшо, Гамлетъ мой, съ тобою?

Ты дико взоръ вперяешь въ пустошу,
И съ воздухомъ бесѣдуешь безплошнымъ;
Огнемъ души твоимъ сверкають очи;
Власы, подобно рапи, пробужденной
Опъ сна смятеніемъ браннымъ, какъ живые
Вспаюють горою! Милый сынъ! Пролей
Терпѣнія прохладу на огонь
И жаръ твоей тревоги! Чшо ты видишь?

Гамлетъ.

Его, его! Какъ блѣденъ, какъ глядишь онъ!
Его удѣлъ и видъ вложилъ бы въ камни
Разсудокъ, чувство!

(Къ тѣни.)

Отврати свой взоръ!

Иль жалосши при видѣ семъ уснувшихъ
Моя рѣшимосшь, должный цѣпъ упранишь
Дѣянье: будушь слезы вмѣсто крови!

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ, сынъ мой, говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Ужель никто не видѣтъ вамъ?

КОРОЛЕВА.

Никто;

Но все, что есшь здѣсь, явственно я вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И вичего не слышишь ваше ухо?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего, окромѣ насъ самихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Сюда, сюда смотрише! Онъ уходитъ,

Отецъ мой, въ шомъ же, какъ при жизни, видѣ!

Вошь здѣсь идешъ онъ! Вошь выходишь въ дверь!

(Тѣмъ уходитъ.)

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, то души мѣчпашельной шворенье!

Безумство живо предсавляшь умѣешь

Очамъ такіе призраки.

ГАМЛЕТЪ.

Безумство?

Но пульсъ мой бьется вѣрно, какъ и вашъ,

И въ шоль же здравыхъ раздаются звукахъ.

Безумно ль говорилъ я? Испытайте!

Я повшорю до слова все: безумный

Смѣшался бы! О, не врачуйте сердца

Бальзамомъ ложнымъ, мыслью, что вѣщало

Мое безумство, а не вашъ порокъ:

Онъ лишь извѣтъ слетка зашянешъ рану;

Внушри же гнѣенье будешъ развѣдашь

Ее незримо. Машерь! Вспомни небо!

Покайся въ прошломъ, мысли о грядущемъ!

Не удобрай земли для возвращенья

Волчцовъ и шерній! Не сердясь за правду!

Въ нашъ вѣкъ, въ разврашъ усучившій, просишь

Прощенья у порока добродѣтель,

И ползаешъ, моля о позволенъи

Творишь добро ему же.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! Гамлетъ!

Ты расшерзалъ мое на - двое сердце!

ГАМЛЕТЪ.

О, брось его, брось злую половину,

И съ оспальной въ числосшь живи.

Прости! Но къ дядѣ не иди: хощь видомъ

Храни, когда не сердцемъ, добродѣтель!

Чудовище - привычка, пофдая,

Какъ демонъ злобы, смидъ виновныхъ душъ,

И ангеломъ бываешъ — подаешъ

Удобную и легкую одежду

Дѣяньямъ добрымъ: воздержись сего дня —

Получишь силы къ воздержанью завтра,

Вшорое будешъ легче принужденье.

О, навѣкъ власпенъ измѣнишь природу;

Онъ усмиришь врага, иль дивной силой

Его изгонишь вовсе. Добра ночь!

Благослови меня, когда сама
Благословенна отъ небесъ шы чаешь!

(Указывает на Полонія.)

Его мнѣ жаль! Знашь небеса желали,
Многъ наказавъ его, меня симъ дѣломъ,
Чтобы орудьемъ и бичемъ ихъ былъ я.
Пойдемъ пріятель! Я опчешъ съумью
Ошдашь въ швоемъ убійствѣ. — Добра ночь!
Не спавъ жестоко, я не могу быть нѣженъ;
Зло свершено; зло большее свершишся.
Еще два слова.

КОРОЛЕВА.

Что должна шворить я?

ГАМЛЕТЪ.

Не то, чего я шребую, конечно!
Пусть шучный другъ васъ привлечетъ въ обьяшья,
Вамъ гладить щеки, мною зовешъ васъ;
Пусть за одинъ горячій поцѣлуй,
Иль за одну руки прокляшой ласку
У васъ онъ купишь скорое признанье,
Что я безумнымъ только притворяюсь.
Ошкройше все ему: прекрасно будетъ!
И вамъ ли, мудрой, нѣжной Королевѣ
Отъ швар. сей, лешучей мыши, жабы
Скрывашъ такіа вещи? И къ чему?
О, нѣтъ! на зло и шайнѣ и разсудку
Ошкройше ящикъ на домашней кроватъ;
Пустише пшицъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
И, какъ она, изъ любопытства влезть
Шараясь въ ящикъ, голову сломише!

КОРОЛЕВА.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь, когда слова - дыханье,
Когда дыханье — жизнь, во мнѣ вѣшь жизни
Дохнушь о шомъ, что говорилъ шы, слова.

ГАМЛЕТЪ.

Я въ Англію назначенъ — вамъ извѣстно?

КОРОЛЕВА.

Увы! Я вспоминаю — шакъ рѣшили.

ГАМЛЕТЪ.

Бумаги за печашню; двумъ друзьямъ —
Я вѣрю имъ не боля, какъ ехиднамъ —
Даны приказы, вѣрно месши
Дорогу мнѣ и весшь меня къ измѣнѣ.
Посмотримъ! Какъ забавно подорвавъ
Подкошника его жъ снарядомъ! Будешъ
Немилость неба, или на два локша
Подрывшись глубже, я взорву ихъ. Славно
На линіи одной шолкнушь двѣ силы!
Теперь я ношей нагружусъ бездушной
И въ ближній опнесу ее покой.

(Поднимаетъ Полонія.)

Спокойной ночи! — Сей совѣшникъ Царскій
Теперь спалъ скромнѣе, молчаливѣе и важнѣе
А прожилъ вѣкъ глупцомъ и болшунцомъ.
Пойдемъ, пріятель! Мы шебя приспособимъ.
Спокойной ночи!

*(Уходятъ въ разныя стороны; Гамлетъ
уноситъ Полонія.)*

Конецъ III-го. Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

*(Комната во дворцѣ.)**Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденстернъ.*

Король.

Симъ вздохамъ есть причина; сихъ степеній
Предметъ мы знаемъ желаемъ — поясни ихъ.
Гдѣ сынъ швой?

Королева *(къ придворнымъ.)*

Угодно ль вамъ ославить насъ однихъ?

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

О другъ мой! что я видѣла сей ночью!

Король.

Чтожь, милый другъ? скажи: каковъ нашъ Гамлетъ;

Королева.

Безумецъ, дикъ, какъ океанъ и вѣтры
Въ снѣжнѣйшемъ спорѣ. Въ бѣшенствѣ припадкъ
Онъ за обоями слышалъ шорохъ,
За мечъ схватился, закричалъ: кто? мѣшь?
И закололъ, въ безумномъ заблужденіи,
Сокрышаго Полонія!

Король.

О горе!

Тожь было бъ съ нами, еслибъ мы шамъ были!

Его свобода угрожаетъ всѣмъ:

Тебѣ и намъ и всякому! Увы!

Какой въ кровавомъ дѣлѣ семъ отвѣтъ дать?
Насъ обвиняютъ въ немъ! Мы должны споводалъ
Блюсти въ надзорѣ, удаливъ нѣ воли
Лишивъ безумца; но въ своей любви
Мы не хотѣли слышать гласа долга:
Такъ зараженный срамною болѣзью
Ее скрываетъ оно всѣхъ, пока
Всѣ соки жизни не изсякнутъ. Гдѣ онъ?

Королева.

Понесъ изъ комнатъ тѣло; и припомъ
Его безумство, какъ въ смѣшеніи низкихъ
Мешало въ злато, въ чистотѣ явилось:
Онъ плачетъ горько о винѣ невольной.

Король.

Пойдемъ, Герштруда!

О, прежде, чѣмъ освѣтитъ солнце горы,
Онъ удалится. Дерзкій сей поступокъ
Всей властью и искусствомъ мы загладимъ
И извинимъ пошлостью. — Гильденстернъ!

(Гильденстернъ и Розенкранцъ входятъ.)

Возьмите слугъ, друзья, къ себѣ на помощь:
Гамлетъ, убивъ Полонія въ безумствѣ,
Его унесъ изъ комнатъ Королевы;
Найдите Принца; будьте съ нимъ дружнѣ;
Ошправьте тѣло въ церковь. — Поспѣшите.

(Они уходятъ.)

Пойдемъ, мой другъ, зовемъ друзей мудрейшихъ;
Откроемъ имъ, что спалось, что имѣемъ
Въ предметѣ мы: быть можетъ клевета,
Чей шопотъ мѣшко, черезъ цѣлый міръ,

Несетъ ударъ свой ядовитый къ цѣли,
Именъ не прокувъ нашихъ, въ невредимый
Ударить воздухъ. Поспѣшимъ, пойдемъ!
Въ душѣ моей смятеніе и ужась!

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

(Другая комната въ замкѣ.)

ГАМЛЕТЪ. (однѣ.)

Спрятанъ прекрасно!

Розенкранцъ и Гильденстернъ. (за сценою.)

Принцъ! Принцъ Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Тѣше, что за крикъ? Кто зоветъ Гамлета? —

А, вотъ они!

Розенкранцъ (входитъ съ Гильденстерномъ.)

Что сдѣлали вы съ мерзвымъ тѣломъ, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Его, какъ прахъ, я предалъ праху.

Розенкранцъ.

Скажите, гдѣ его мы взяли и въ церковь

Должны опривать.

ГАМЛЕТЪ.

Не вѣрше шому.

Розенкранцъ.

Чему, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что я могу сохранить вашу тайну, а не свою соб-

ственную. Впрочемъ, когда спрашивается губка—что
долженъ описывать сытъ царскій?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вы починяете меня губкою, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Губкою, написанной Королевскою волею, приказаніями и наградами; но такіе прислужники бывають наиболѣе полезны Царю при концѣ; онъ бережеть ихъ, какъ обезьяна въ уголокъ рта первый кусокъ пищи, пожираемый послѣ прочаго: при первой нуждѣ въ шомъ, чѣмъ вы написаны, онъ пожмешь—и вы, губка, сухи по прежнему.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я не понимаю васъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ: хитрое слово сплещъ въ ухъ глупца. (2.)

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вы должны, Принцъ, сказать, гдѣ тѣло, и идти съ нами къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣло при Королѣ, но Король не при тѣлѣ. (3.) Король естъ нѣчто! (4.)

ГИЛЬДЕНСТЕРНЪ.

Нѣчто, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или ничто—пойдемъ къ нему.—въ норку, лисичка, да и всѣ шудажъ. (5.)

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

*(Другая комната во дворцѣ.)**Король и служители.*

Король.

Я повелѣлъ найти его и шло.
 О, какъ опасно дать безумцу волю!
 Но мы суду предашь его не смѣемъ:
 Онъ шакъ любимъ безсмысленной толпой,
 Судящей все глазами, не разсудкомъ;
 А гдѣ шакъ судяшъ, казнь лишь видяшъ шамъ,
 А не вину. Чшобъ все сравняшъ и сгладишъ,
 Давно уже замышленнымъ предшавимъ
 Опъездъ его. Въ опчаянныхъ болѣзняхъ
 Полезны иль опчаянныя средшва,
 Или ничшо.

(Розенкранцъ входитъ.)

Нашелъ ли, Розенкранцъ?

Розенкранцъ.

Гдѣ скрышо шло, Государь, онъ намъ
 Не говоришъ.

Король.

Гдѣжъ самъ онъ?

Розенкранцъ.

На дворѣ,

Со спраженю, ждешъ вашихъ повелѣній.

Король.

Сюда его зовише.

Розенкранцъ.

Гильденстернь!

Проси скорѣ Принца къ Государю.

(входитъ Гамлетъ и Гильденстернь.)

Король.

Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

За ужиномъ.

Король.

За ужиномъ? гдѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Не шамъ, гдѣ онъ кушаешъ, а шамъ, гдѣ его куша-
 юшъ. Надъ нимъ шеперь цѣлое брашшво нѣкошораго
 рода полишческыхъ червей. Червь ешъ монархъ все-
 го съшснаго; мы ушучняемъ безсловесныхъ, чшобы
 самимъ шучишъ опъ нихъ, а шучишемъ сами, чшобы
 послѣ ушучнишъ червей. Дородный Царь и шощій
 нишій-шѣже яшва, хошя и различныя: два блюда къ
 одному столу—и все шущ!

Король.

Увы, увь!

ГАМЛЕТЪ.

Можно удишъ рыбу на червя, ѣвшаго Царя, и ѣшъ
 рыбу, поправшю червя сего.

Король.

Чшо хочешъ сказать шы?

ГАМЛЕТЪ.

Только што, чшо Царь можешъ пушешешшвовашъ по
 внутренношямъ нишчаго.

КОРОЛЬ.

Гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На небесахъ! Велише посмотришь: если послы ваши не найдутъ его тамъ, то ищите его сами—въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ ручаюсь, что если не опытите его въ продолженіи сего мѣсяца, постъ вашъ поучесть его на лѣсницѣ, ведущей въ галерею.

КОРОЛЬ. *(служителямъ)*

Ищите его тамъ,

ГАМЛЕТЪ.

Онъ будешь спокойно ожидашь васъ.

(служители уходятъ)

КОРОЛЬ.

Поступокъ сей для швоего же блага,
О коемъ мы не менѣ печемся,
Какъ и грусимъ о семъ убійствѣ, нынѣжъ
Тебѣ велишь отсюда удалиться.
Зготовся; въпръ благопріятенъ, все—
Корабль и спутники швыи гошовой
Въ пушь въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

Въ Англію?

КОРОЛЬ.

Такъ шочно, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо!

КОРОЛЬ.

Конечно ты сказалъ бы хорошо, еслибъ зналъ наши
намѣренія.

ГАМЛЕТЪ.

Я вижу Херувима, кошорый ясно ихъ видишь. И
такъ въ Англію! Проспите, вѣжная мать моя!

КОРОЛЬ.

Твой вѣрный опецъ, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, мать! Опецъ и мать—мужъ и жена; а мужъ
и жена—одно шело: слѣдственно вы моя мать. Въ
Англію, въ Англію скорѣ!

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

За нимъ, за нимъ! Поспѣшите на берегъ!
И на корабль до восхожденія солнца!
Скорѣ! все, что нужно для пуши,
Гошовой—о, поспѣшите, прошу васъ!

(Розенкранцъ и Гильденстерн уходятъ.)

О Англія! когда цѣнишь умѣешь
Ты нашу дружбу [и ее цѣнишь шм
Научена: еще горятъ и рдѣють
Твои опъ Дашскаго оружья извы,
И добровольно ты приносишь дань намъ]
Не холодно ты наше примешь дѣло,
Исполнишь просьбу, сказанную въ письмахъ:
Смерть Гамлету! О Англія, не медли!
Онъ, какъ зараза, мнѣ бунтуетъ кровь—
Я опъ тебя одной жду исцѣленья:
Дошоль и въ счастья нѣтъ мнѣ наслажденія.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

*(Долина въ Даніи.)**(Фортинбрасъ съ войскомъ.)*

ФОРТИНБРАСЪ.

Ты къ Датскому, Полковникъ, Королю
 Съ привѣтствіемъ впередъ иди; скажи,
 Что Фортинбрасъ, по данному имъ слову,
 О пропускѣ чрезъ царство просишь. Гдѣ
 Найши меня, ты знаешь. Если онъ
 Желаетъ, я съ почтеніемъ ко двору
 Прибуду лично.

Полковникъ.

Слушаю, мой Принцъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Впередъ, по шее!

(Уходитъ съ войскомъ.)

ГАМЛЕТЪ. *(входитъ съ Розенкранцемъ и
 Гильденстерномъ.)*

Смѣю ль васъ спросить

Какія идутъ здѣсь войска?

Полковникъ.

Норвежцы.

ГАМЛЕТЪ.

Угодно вамъ сказать, куда?

Полковникъ.

На Польшу.

ГАМЛЕТЪ.

А предводишь?

Полковникъ.

Принцъ нашъ, Фортинбрасъ.

ГАМЛЕТЪ.

И на границу Польши, или внутрь
 Пойдутъ они?

Полковникъ.

О, говоря открыто,

Мы овладѣть кускомъ земли идемъ,
 Въ которомъ польза вся — его лишь имя.
 Пляши бѣ червонцевъ за насъ я не далъ
 Земли сей, ни Норвегіи, ни Польшѣ
 Принесшъ доходу сколько не могущей.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ за нее и не поспоришь Польша.

Полковникъ.

О нѣтъ! Уже поставлено намъ войско.

ГАМЛЕТЪ.

Двѣ тысячи людей и двадцать тысячъ.
 Червонцевъ спора не рѣшатъ о сей
 Соломинкѣ! Таковъ нарывъ богатства
 И мира: нушь терзаетъ, а снаружи
 Большой не видишь отъ чего умреть.
 Благодарю васъ.

Полковникъ.

Счастлииво остаться!

(Уходитъ.)

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Угодно ли идти вамъ дальше, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Идише; я пошчасъ за вами буду.

(Розенкранцъ и Гильденстернь уходятъ.)

Какъ все меня винишь и побуждаешь
Къ скорѣйшей мести! Чшо же мы, когда
Первѣйшимъ благомъ, выгодною жизни
Намъ сонъ и пища? — Звѣри, только звѣри?
На шоль Творецъ создалъ насъ съ симъ умомъ,
Способнымъ видѣть прошлое съ грядущимъ,
На шоль намъ далъ божесшвенный разсудокъ,
Чшобъ ржавѣлъ онъ въ бездѣйствіи? — Не знаю,
Скошское ль то забвеніе, сомнѣніа ль
Спрашающей послѣдствій мысли, въ коей
Благоразумя часть одна, а при
Болзни — я живу и повшорюю:
Сіе исполнить должно, все имѣя,
Все, волю, средствя, силы къ исполненію!
Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ — и вошь одинъ:
Сей юноша съ войсками. Вдохновенный
Высокой жаждой чесши, презираешъ
Онъ неизвѣстность счастья, опдаешъ
Все смершное, невѣрное на волю
Опасностямъ и смерши — все за горсть
Песку! — Бышь истинно великимъ, значимъ
Не воспашавъ безъ побужденій важныхъ,
Но почишавъ великою бездѣлку,
Когда о чесши дѣло. — Чшо же я?
Ни смершь ошца, ни машери безчесшь
И кровь мою и разумъ подшпрекаа,

Ничшо, ничшо меня не пробудило!
Съ спыдомъ я вижу двадцашъ шысячъ храбрыхъ,
Изъ ничего, изъ славы лишь пустой,
Идущихъ въ гробъ, какъ на одры, за землю,
На коей тѣсно спашъ имъ въ раншномъ спрѣхъ,
На коей мѣста для могилъ ихъ мало!
Упейсая кровь, праведное шщенье,
Иль вовсе я ничшожное шворенье!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

(Колната въ Эльсинорѣ.)

Королева и Гораціо.

КОРОЛЕВА.

Я говоришь съ ней не хочу.

ГОРАЦІО.

Она

Такъ неопвязна — вовсе вѣтъ себя,
И грушь ея достойна состраданья.

КОРОЛЕВА.

Чего она желаетъ?

ГОРАЦІО.

Я не знаю.

Она то объ ошцѣ заговоришь,
То объ обманахъ свѣша, шо шенаешъ,
Бешъ въ грудь себя, за малосши сердишся,

Или швердишь слова почти безъ смысла.
Они ничто, но спраннымъ вниманье
Влекутъ невольно: слушатель догадкой
Въ нихъ произвольную находишь мысль,
Къ какой ведутъ ея движенья, взоры,
Намеки, видъ, ошъ коихъ нѣчто въ душу
Неясное и спраннымъ пѣснишся.

Королева *(въ сторону.)*

Поговорю съ ней — или шолкъ опасный
Въ зломыслищихъ могла бь она посѣять.
(Къ Горацио.)

Впусти ее.

(Горацио уходитъ.)

Душей недужной — шакъ карашь совѣшь —
Во всемъ несчастья вѣспниковъ я вижу.
Преступникъ все измѣной почиашь,
И самъ себѣ, спрашась всѣхъ, измѣняешъ.

(Входятъ Горацио и Офелія.)

Офелія.

Гдѣ она, гдѣ прекрасная Датская Королева?

Королева.

Что съ тобою, Офелія?

Офелія *(поетъ.)*

„Какъ узнашь швоего мнѣ, красавица, друга? (6.)

Какъ узнашь межъ народной шолной? —

„Онъ въ сандаляхъ шяжкихъ, въ распущенной
шляпѣ,

„Въ рукахъ его жезлъ съ булавой.

Королева.

Увы! Бѣдная Офелія! Къ чему эша пѣсня?

Офелія.

Право? Нѣтъ, послушайте, прошу васъ!

(поетъ)

„Ахъ, далеко, далеко, красавица, другъ швой,

„Въ сырую могилу зарышь!

„Въ головахъ его холмикъ наложень дерновыи,

„Въ ногахъ сѣрый камень лежишь!

Ахъ, ахъ!

Королева.

Но, милая Офелія—

Офелія.

Послушайте, послушайте!

(поетъ)

„Чисъ и бѣлъ его саванъ, какъ снѣгъ молодой—

(входитъ Король)

Королева.

„Ахъ посмотрите, Государи!

Офелія. *(продолжаетъ пѣть)*

„Весь усыпанъ цвѣшамъ, цвѣшамъ!

„И гробъ опуская въ могилу, друзья

„Ихъ смочили слезамъ, слезамъ.

Король.

Что съ тобой, Офелія?

Офелія.

Ничего, благодарю васъ! Говоряшъ, что сова была
дочь хлѣбника. (7.) Мы знаемъ, что мы шакое, но
не знаемъ чѣмъ бы мы были могши. Хлѣбъ-солъ вамъ!

Король.

Она думашь объ ошцѣ.

Офелія.

Ни слова болѣе объ этомъ, прошу васъ; а если
Кто спроситъ, что это значить, скажи:

(поетъ.)

„Спишь ли, другъ мой, или нѣтъ! Ужъ алѣетъ заря
„Валеншинова краснаго дня; (в.)
„Я, прокрывшись шайкомъ, здѣсь стою подъ окномъ:
„О, прими, Валеншинъ мой, меня!

* * *

„Онъ услышалъ привѣтъ: черезъ мигъ онъ одѣтъ,
„Двери насмѣхъ, воробы скрипятъ,
„И дѣвица — красавица къ другу вошла,
„Но пошла не дѣвица назадъ.

Король.

Милая Офелія —

Офелія.

Нѣтъ, право — зачѣмъ кляшусь — я окончу свою пѣсню —
(поетъ.)

„Что за люди на свѣтѣ, Пречистая мать!
„Какъ въ нихъ совѣсти много свиной!
„Положись на мушкетъ: они всѣ, какъ одинъ!
„Пусть имъ будетъ Господь судей!

* * *

„Гдѣ же кляшусь въ всегдашней и вѣрной любви,
„Гдѣ обѣты? [сказала она]

Онъ отвѣчаетъ:

„Я любовь сохранялъ, но обѣты позабылъ —
„И швола, не моя, въ томъ вина.

Король.

Давно ли такова она?

Офелія.

О, я надѣюсь, все будетъ хорошо; надобно только
имѣть терпѣніе; но какъ же мнѣ не плакать, думая,
что они положили его въ сырую землю! Братъ мой
долженъ узнать это, и я благодарю васъ за добрый
совѣтъ вашъ. Ей, величе подашь мою барету! Добра
ночь, прекрасныя госпожи! Добра ночь, добра ночь!
(Уходитъ.)

Король.

За ней, Гораціо! О, смотри за нею!

(Гораціо уходитъ.)

То ядъ глубокой скорби; смерть отца —
Его источникъ. И теперь смотри,
Моя Гершруда! Бѣдсвія не идушь,
Какъ соглядашаи, по одиначѣ,
Но цѣлою толпой! Сперва убійство
Полонія, потомъ отъѣздъ Гамлета —
И самъ виной онъ своего изгнанья; —
Народа ропотъ, подозрѣнья, толки.
О семъ убійствѣ — и напрасно мы
Полонія похоронили тайно;
И вошъ, ума Офелія лишилась,
Безъ кого мы испуганы, звѣри;
И наконецъ, что всѣхъ сихъ бѣдъ опасѣй,
Изъ Франціи Лаерсъ пріѣхалъ тайно.
Онъ, раздраженный, кроется во мракѣ
И заражаетъ слухъ свой объ оцѣ
Язвительнымъ наушниковъ разговоромъ,
Гдѣ для доводовъ не упустишь злора
Передавать объ насъ изъ устъ въ уста

Дурныя вѣспи. О Герштруда! это,
Какъ многоспрѣльная пицаль убійцы,
Мнѣ вдругъ наносишь много ранъ смертельныхъ.

(слышенъ шумъ)

КОРОЛЕВА.

О Боже! Крики!

(входитъ чиновникъ)

КОРОЛЬ.

Гдѣ мои швейцары? (9.)

Сюда! заприше, защищайше двери!

Какой мяшежъ? —

ЧИНОВНИКЪ.

Спасайтесь, Государь!

Самъ океанъ, вздымаясь надъ брегами

Спреминельный не поглощаетъ доловъ,

Какъ съ тысячами мяшежниковъ Лаершъ

Сражаетъ спражу! за него народъ!

И будшо вновь пришло начало свѣсна,

Забышы будшо древность и обычай,

Опоры и хранители порядка —

Лаерта изберемъ! взываетъ чернь,

Бросаетъ шляпы, бьетъ въ ладони, къ небу

Возносишь крикъ: *Лаертъ, Лаертъ Король нашъ!*

КОРОЛЕВА.

Какая радость! слѣдъ наши — но ложный!

Ты обманулась, спая Дашкинхъ псовъ!

(Шумъ усиливается.)

КОРОЛЬ.

Разломаны вороша —

(убѣгаетъ вооруженный Лаертъ; за нимъ народъ.)

ЛАЕРТЪ.

Гдѣ Король сей?

Друзья, останьтесь!

НАРОДЪ.

Нѣтъ! сюда, сюда!

ЛАЕРТЪ.

Останьтесь, я прошу!

НАРОДЪ.

Назадъ, назадъ!

(удаляются.)

ЛАЕРТЪ.

Благодарю! Храните входъ! — Презрѣнный!

Ошдай ошца мнѣ!

КОРОЛЬ.

О Лаертъ! покойся!

ЛАЕРТЪ.

Одна спокойная сей крови капля

Срамъ моему рожденью, срамъ ошцу,

И машери невинному челу

Клеймо позора! —

КОРОЛЬ.

Чшо за поводъ, другъ мой,

Къ гигантскому такому возмущенью? —

Оспавъ, Герштруда! не страшись за насъ!

Царямъ покровъ такое божесство,

Чшо и у цѣли замысловъ, измѣна

Не власина ихъ исполнишь. Чшо причиной

Сего порыва? — О, оспавъ, Герштруда! —

Лаертъ, отвѣшшувуй!

ЛАЕРТЬ.

Гдѣ отецъ мой?

КОРОЛЬ.

Мершъ.

КОРОЛЕВА.

Но не Король виною—

КОРОЛЬ.

О, умолкни!

ЛАЕРТЬ.

Какъ умеръ онъ? Я не шерплю предлоговъ!
Въ адъ, долгъ подданства! къ демону, обыщи!
Во глубь геенны, совѣсь, добродѣтель!
Я не спрашусь мукъ вѣчныхъ: оба міра
Теперь равно въ глазахъ моихъ ничтожны?
Будь воля неба! месши я хочу,
Кровавой месши!

КОРОЛЬ.

Чѣмъ ты укронишься? (го.)

ЛАЕРТЬ.

Ничѣмъ, клянусь—лишь собственною волей!
Я малымъ средствамъ дамъ шумъ и силу,
И многого достигну.

КОРОЛЬ.

Но Лаершъ!

Желаю шайну знать опщовой смерти,
Ужель обрекъ ты мщенію равно
Врага и друга, всѣхъ, кому убійство
Во вредъ и въ пользу?

ЛАЕРТЬ.

Нѣтъ, однихъ враговъ!

КОРОЛЬ.

И ты желаешь знать ихъ?

ЛАЕРТЬ.

О, друзья!

Я онъ души объятія проспрю
И кровію своей, какъ Пеликанъ,
Пишамъ ихъ спану.

КОРОЛЬ.

Такъ! ты говоришь

Какъ нѣжный сынъ, какъ благородный мщитель.
Что я невиненъ въ гнусномъ семъ убійствѣ,
И что оно мнѣ горесію безмѣрно,
Ты споль же ясно узришь по разсудкомъ,
Какъ день глазами.

НАРОДЪ (за сценою.)

Дайше ей войши.

ЛАЕРТЬ.

Что значить шумъ сей?

(входитъ Офелія, страннѣмъ образомъ убранная
соломою и цѣпями.)

О пламень! изсуши мнѣ мозгъ! о выгн
Мнѣ очи, слезъ горючихъ остроша!
О, будешь плаша за твое безумство:
Подъ тяжестью ея вѣсы погнуся!
О Майскій цвѣтъ! о милая сеспра,
Прелестная Офелія! О Боже!
Умъ дѣвы смиренъ, какъ и шарца жизнь!
Природа, утонченная любовью,
Къ предмету спрасни посылаетъ лучшій,
Дражайшій даръ свой!—(гг.)

ОФЕЛІЯ. (поетъ)

„Онъ во гробъ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
 „Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ;
 „И на гробъ его слезы лилися ручьемъ,
 „И въ могилу лилися ручьемъ.
 Прощай, нѣжный голубокъ мой!

ЛАЕРТЬ.

На горесѣ, нѣ разсудка увѣщанья
 Не шакъ меня на мщеніе бы подвигли!

ОФЕЛІЯ.

Пойше:

„Его опустили въ могилу,
 „Въ сырую, сырую могилу!

Какъ идетъ эпошъ припѣвъ къ оборошамъ колеса въ
 самопрѣлк! (12.) Знаеше: вѣроломный слуга прельстилъ
 дочь своего господина —

ЛАЕРТЬ.

О, что всѣ разсужденія предъ сеѣ несвязною рѣчью!

ОФЕЛІЯ.

Вошъ незабудки вамъ—на память: забудь меня,
 другъ милый!—вошъ розмаринъ, въ знакъ вѣрности. (13.)

ЛАЕРТЬ.

Символы въ безумствѣ! Вѣрность и воспоминаніе!

ОФЕЛІЯ.

Вошъ вамъ шминъ и колокольчики; вошъ руша для
 васъ, вошъ для меня. Мы можемъ праздничнымъ цвѣш-
 комъ назвашъ ее; (14.) но вы носите свою рушу съ
 ошмѣшкою. Вошъ маргаритки. Я бы хотѣла подарить
 вамъ фіалокъ; но онъ всѣ завали, когда умеръ ошечъ
 мой; говоряшъ конецъ его хорошъ былъ.

(поетъ)

„А милый мой другъ мнѣ и радость и счастье!,,

ЛАЕРТЬ.

Печаль и груснь и гнѣвъ и самый адъ
 Она въ прелестный облакаешъ образъ!

ОФЕЛІЯ. (поетъ)

„И ужель не придетъ онъ назадъ?
 „Ахъ ужель не придетъ онъ назадъ?—
 „Не придетъ! онъ во гробъ!
 „И ты лягъ во гробъ!
 „Къ тебѣ не придетъ онъ назадъ!

* * *

„Онъ былъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой,
 „Съ волосами, какъ чесаный ленъ;

„Но онъ смершнымъ спитъ сномъ!

„Чтожъ мы плачемъ о немъ?

„Упокой его душу Творецъ!—

Его душу, и души всѣхъ христіанъ! (15.) Я буду мо-
 лишься о шомъ Богу. Счастливо ошавашься!

(Уходитъ.)

ЛАЕРТЬ.

О, зришь ли ты ее, небесный Царь?

КОРОЛЬ.

Лаершъ! съ шобой позволь груснить мнѣ вмѣстѣ,

Или меня обидишь ты. Иди;

Сзови мудрейшихъ изъ своихъ друзей:

Да будетъ судъ ихъ межъ шобой и мною!

Найдушъ они меня виновнымъ, прямо

Иль шпороной—тебѣ въ вознагражденіе

Мы ошдаемъ корону, царство, жизнь,

Все, что своимъ зовемъ мы; еслижъ нѣтъ —
Насъ одолжишь шеритьемъ согласишь,
И мы съ душой швоей понцемъ вмѣстѣ
Къ ошмценью вѣрныхъ средствъ.

ЛАЕРТЬ.

Да будешь шакъ!

Его родъ смерти, тайна погребенья
Безъ почестей, обрядовъ, безъ меча,
Герба или шрофея на гробницѣ —
Все вопиеть, какъ гласъ небесъ къ землѣ,
Все шребуешь суда.

КОРОЛЬ.

Да будешь судъ,

И на главу виновнаго падущъ
Удары мести. Но пойдешь со мною.

(Уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

(Другая комната въ замкѣ.)

Горацио и служитель.

ГОРАЦИО.

Кто хочешь говорить со мной?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Матросы;

Они имѣють письма къ вамъ.

ГОРАЦИО.

Зови ихъ.

(Служитель уходитъ.)

Не понимаю, ктобы въ цѣломъ свѣтѣ
Ко мнѣ писалъ спать, если не Гамлетъ.

(входятъ матросы.)

1й. МАТРОСЪ.

Помоги вамъ Богъ, честный господинъ!

ГОРАЦИО.

И шибъ шакже, другъ мой.

1й. МАТРОСЪ.

Конечно, баринъ, поможемъ, не во гнѣвъ ему. Къ
вамъ еснъ у насъ записка отъ господина, посланнаго
въ Англію, если ваше имя Горацио, какъ намъ ска-
зали.

ГОРАЦИО. (читаетъ)

„Горацио! прочишавъ сіи шпроки, доставъ подаше-
„ямъ средство видѣть Короля: къ нему еснъ у
„нихъ письма. На другой день выѣзда въ море напалъ
„на насъ хорошо вооруженный разбойничій корабль;
„будучи слишкомъ тяжелы на ходу для бѣгства, мы
„принуждены были защищаться; во время сшибки я
„вскочилъ къ разбойникамъ на боршъ; въ шожѣ мно-
„веніе они оставили корабль нашъ, и я одинъ сдѣ-
„лался ихъ плѣнникомъ. Они послушались со мною, какъ
„честные воры, и кажутся съ расчетомъ: я намѣренъ
„ошплатишь имъ добромъ за добро. Доставъ послан-
„ныя мною письма Королю; пошомъ леша ко мнѣ —
„быстро, будто отъ смерти убѣгая. — Я сообщу уму
„швоему слова, отъ коихъ шы онѣмешь — а они
„ещѣ шакъ легки для своего содержанія! Снъ добрые
„люди приведуть шебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гиль-
„денштернъ продолжаютъ путь въ Англію; я многое

„разскажу тебѣ о нихъ. Твой, какъ тебѣ извѣстно,
„Гамлетъ.“

Я случай вамъ найду доставить письма,
И сей же часъ; пошомъ меня ведите
Къ шому, ошъ коего вы принесли ихъ.

(Уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

(Другая комната въ замкѣ.)

Король и Лаертъ.

Король.

Теперь своя жъ запечатлѣешь совѣсть
Мою невинность и повѣришь дружбѣ:
Теперь разборчивымъ ты слышалъ ухомъ
Что жизнь Полонія ошнать, убійца
Грозилъ и мнѣ.

Лаертъ.

Въ шомъ болѣ нѣтъ сомнѣня;

Но почему за тяжкую вину,
За смершнй онъ проспунокъ не наказанъ,
Какъ требуюшъ шого вашъ санъ и мудрость,
И благо общее?

Король.

По двумъ причинамаъ.

Ты, можешь спашься, слабыми почтешь ихъ;
Но мнѣ онъ всесильны: Королева
Живетъ его лишь взорами, а я

[Будь добродѣшель это нѣтъ прокляшь]
Я шакъ съ ней связанъ жизнью и душой,
Что, какъ звѣзда въ своемъ лишь ходишь кругъ,
Я шамъ живу лишь, гдѣ она. Другая
Негласности вины его причина
Есть сильная любовь къ нему народа:
Его вину въ любви сей омывая,
Чернь, какъ пошокъ, изъ древъ шворящій камни, (16.)
Берешь и цѣпи ошъ него какъ даръ;
И легкія мои могли бы шрѣлы
При бурѣ сей не долетѣшь до цѣли
И ошрѣмъ ко мнѣ же обратишься.

Лаертъ.

И черезъ шо я потерялъ ошца,
И разума сеспра моя лишилась,
Незнавшая [о поздая хвала!]
Соперницы по красотѣ и сердцу
Во всей подлунной! — Но придетъ часъ мести!

Король.

О, не лишай себя сей мыслью сна!
Не сполько я безпеченъ и шяжелъ,
Чтобъ волосы себѣ позволивъ выдрать,
Щипалъ шо шуткой! Ты услышишь больше,
И скоро! Я Полонія любилъ,
Люблю себя, и угадашь ты можешь —

(Входитъ придворный.)

Ну, что? что скажешь ты?

Придворный.

Ошъ Принца письма:

Къ вамъ, Государь; другое къ Королевѣ.

Король.

Опъ Принца? Кто доставилъ ихъ?

Придворный.

Машросы,

Какъ слышалъ я, но посланныхъ не видѣлъ;

Бумаги отдалъ мнѣ и принялъ Клавдій.

Король.

Лаерть! Ты все услышишь. — Отойди!

*(Придворный уходитъ.)*Король. *(читаетъ.)*

„Великій и могущественный Государь! Да будетъ
 „вамъ вѣдомо, что я, нагой, нахожусь въ вашихъ вла-
 „дѣніяхъ. Завтра испрошу я позволеніе выдѣль ва-
 „ши царственные очи; тогда же, если вамъ будетъ
 „угодно, расскажу обстоятельство моего неожиданна-
 „го и снранаго возвращенія. Гамлешъ.“
 Что это значить? Всѣ ли возвратились?
 Или кроется какой-либо обманъ здѣсь?

Лаерть.

Вы узнаете почеркъ, Государь?

Король.

Да, Гамлеша рука! — „Нагой!“

И здѣсь въ припискѣ сказано: „одинъ“

Что мыслишь ты?

Лаерть.

Я здѣсь шеплюсь вовсе. Пусть придетъ онъ!

Въ недугъ сердца мнѣ оспрадна мысль,

Что возмогу сказать ему въ глаза:

Ты, ты убійца! (17.)

Король.

Если это шакъ —

Какъ можешь быть шакъ? Какъ иначе можешь? —

Прими совѣтъ мой —

Лаерть.

Принимаю, если

Онъ, Государь, ошносился не къ миру.

Король.

Нѣтъ, къ своему душевному лишь миру.

Когда онъ, волей возвратившись, пушъ сей

Оспавишъ вовсе, мы его принудимъ

Къ пошунку, мной обдуманному вѣрно,

Гдѣ неизбежна для него погбель;

И подозрѣнья вѣперь не повѣшь

Ни какого, и даже Королева

Все случаю припишешь.

Лаерть.

Государь!

Совѣтъ прекрасенъ, если вамъ угодно

Избравъ меня орудіемъ.

Король.

Конечно.

Въ тебѣ не разъ здѣсь, по своему ошѣздѣ,

Предъ Гамлешомъ особенно хвалили

Одно искусство; изъ твоихъ достоинствъ

Такъ не завидно, Принцу ни одно,

Какъ эпощъ даръ, въ глазахъ моихъ послѣдній

Изъ есѣхъ даровъ.

Лаерть.

Какой же, Государь?

КОРОЛЬ.

Цвѣшокъ на шляпѣ юности, не пужный,
Хоть и полезный: молодость печется
О красотѣ въ своей одеждѣ легкой,
Какъ спароситъ въ длинныхъ шубахъ о здоровьѣ
И важномъ видѣ. Здѣсь одинъ Нормандецъ
Недѣль за восемь передъ симъ явился;
Въ войнѣ давно узналъ я, что Французы
Хорошіе наѣзники, но онъ
Прямой колдунъ: какъ сросшійся съ сѣдломъ,
Къ такимъ коня онъ пудилъ оборошамъ,
Что, мнилось, съ гордымъ бѣгуномъ одно
Имѣлъ онъ шѣло. Я былъ изумленъ,
И ни посмичь, ни рассказать не властенъ
Всѣхъ хитросней Нормандца.

ЛАЕРТЬ.

Онъ Нормандецъ?

КОРОЛЬ.

Такъ шочно.

ЛАЕРТЬ.

Вѣрно шо Ламордъ!

КОРОЛЬ.

Онъ самый.

ЛАЕРТЬ.

Онъ мнѣ знакомъ: сокровище и перлъ
Всего народа.

КОРОЛЬ.

Онъ здѣсь выхвалялъ,
Превозносилъ, какъ чудеса искусства,
Твое проворство, силу, ловкость въ бившѣ,

Особенно на шпагахъ; увѣрялъ,
Что было бѣ диво, если бы кто равный
Тебѣ нашелся, и клялся, что въ лучшихъ
Бойцахъ Французскихъ пропадетъ сила
И духъ и ловкость онъ своихъ ударовъ.
Онъ сихъ рассказовъ въ Гамлетѣ разлился
Ядъ зависши, и онъ желалъ, чтобы вскорѣ
Ты, возвращаясь, попробовалъ съ нимъ силы.
По сей причинѣ —

ЛАЕРТЬ.

Чтожъ по сей причинѣ?

КОРОЛЬ.

Лаертъ! Любилъ ли ты отца душевно?
Иль мертвая картина ты печали,
Лице безъ сердца?

ЛАЕРТЬ.

О, какой вопросъ!

КОРОЛЬ.

Въ твоей любви къ отцу я былъ увѣренъ;
Но и любовь онъ времени зависить,
Оно, какъ опытъ говоритъ всеневно,
Ея свирѣпый укропаетъ пламень:
Въ семъ пламени свѣшальня, нагорѣвъ
Его помалу помрачаетъ блескъ.
Хорошее не вѣчно хорошо,
Но полношны достигнувъ, умираетъ
Онъ полношны сей. То, что долготы велишь,
Твори, пока ешь волю: въ нашей волѣ
Не менѣе внезапныхъ переменъ,
Какъ языковъ, рукъ, случаевъ на свѣтѣ,

И часто долгъ — лишь распочишь — вздохнуть, (17.)
 Вредящій сердцу мнимымъ облегченьемъ.
 Но вновь коснемся раны: если Принцъ
 Къ намъ будетъ, чѣмъ докажешь ты къ отцу
 Любовь на дѣлѣ?

ЛАЕРТЬ.

Смерть ему, хоть въ храмъ

Уйди онъ!

КОРОЛЬ.

Храмъ убійцъ не защаща,

И нѣтъ границъ для мщенія; но Лаерть!

Сокрой до времени сей замысль дома:

Узнаешь Гамлетъ о пивомъ возвращать;

Мы повелимъ хвалить тебя безмѣрно,

И блескъ двойной придашь распространивъ,

Французомъ славы; наконецъ сведемъ васъ,

Предложимъ соспязанье. Вѣрно Гамлетъ,

Прямой, безвѣрный, чуждый подозрѣнья,

Оружія осматривать не спашешь,

И съ ловковостью себя не шутитъ будешь,

Тупую шпагу оспрою смѣнить,

Однимъ ударомъ совершишь омищенье.

ЛАЕРТЬ.

О, такъ! И шпагу ядомъ оболую я.

Сию ошраву я купилъ случайно;

Когда коснется крови, омоченный

Въ ней пожикъ — нѣтъ на свѣтѣ рѣдкой мази,

Нѣтъ подъ луной цѣлительной правы

Спасши могущей ошъ мгновенной смерти

Того, кто раненъ. Сей — то оспріе

Я оболую отравой, и малѣйшій
 Ударъ смертеленъ будешь.

КОРОЛЬ.

Мы помыслимъ

О времени приличнѣйшемъ и средствѣхъ;

Но если, встрѣтивъ неудачу, планъ нашъ

Проглянешъ сквозь дурное исполненіе —

Объ немъ бы лучше вовсе и не думай!

И такъ найдемъ другой, на всякій случай,

Другой, вѣрнѣйшій. Дай помыслишь — мы

Ошкрытое предложимъ соспязанье —

Такъ точно!

Когда движеніе породитъ въ васъ жаръ

И жажду [ты нарочно будь въ напорѣ

Жестокъ и быстръ] и пивъ онъ пожелаешь,

Я пригошю кубокъ: если случай

Спасетъ его ошъ ядовитой шпаги,

Пивъ все кончитъ. — Чшо за шумъ?

(Входитъ Королева)

Ну, чшо,

Моя Герштруда?

КОРОЛЕВА.

За горемъ горе мчился по пятамъ!

Сестра Лаэтра ушонула!

ЛАЕРТЬ.

Боже!

Какъ, гдѣ?

КОРОЛЕВА.

Тамъ — ива естъ; нависнувъ надъ рѣкою,

Она глядишъ въ зеркальныхъ спруяхъ;

Гирлянды шамъ Офелія плела
 Изъ крапивы, ранункуловъ, фіалокъ,
 И пурпурныхъ цвѣтковъ, кошпорымъ дали
 Сшоль низкое названье паспухи,
 Но мершвымъ пальцомъ ихъ зовушь дѣвицы; (18.)
 И шамъ, на вѣшви спавъ, она вѣнки
 Хотѣла вѣшавъ, но мгновенно преснулъ
 Враждебный сукъ, и въ плачущій пошокъ
 Она упала вѣсепъ со цвѣтами.
 Широкою поддержана одеждой,
 Она пыла, какъ дѣва моря, пѣла,
 Пока пыла, ошрывки древнихъ пѣсень,
 Опасности не видя, и казалось,
 Въ своей была спихи, но недолго:
 Одежда вскорѣ, смокнувъ, ошгчѣла,
 И бѣдная печальный свой напѣвъ
 Скопчала мушною смерпью

ЛАЕРТЬ.

И мершва?

И нѣтъ надежды?

КОРОЛЕВА.

Никакой надежды!

ЛАЕРТЬ.

Ты влажной смерпью умерла, сестра!
 И удержавъ пошщусь я слезъ пошоки!
 Но шакovy мы: все сильна природа,
 Чпо хочешь, моави спыдъ!—Но съ плачемъ льеши
 И слабость сердца. Государь, простише!

Мои слова бы вспыхнули, какъ пламень,
 Но залила ихъ крошкая печаль.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

За нимъ, Герштруда! О, съ какимъ шрудомъ
 Смягчилъ я гнѣвъ въ немъ?—и шеперь ошавъ
 Онъ запыхаетъ!—Поспѣшимъ за нимъ!

(Уходитъ.)

Конецъ IV Дѣйствія.

Д В Й С Т В І Е V.

Я В Л Е Н І Е I.

(*Два гробокопателя съ заступали и лопатками.*)

(*Кладбище*)

1. Гробокопатель.

Развѣ ее будущъ хоронить по христіански? Она самавольнѣ искала спасенія.

2. Гробокопатель.

По—христіански, говорятъ себѣ: надобно поскорѣе рыть могилу. Было наряжено слѣдствіе, (1.) и ее пригласили къ христіанскому погребенію.

1. Гробокопатель.

Да какъ же это? Развѣ она ушопилась для своей обороны?

2. Гробокопатель.

Ну, да! шакъ, братъ, оказалось.

1. Гробокопатель.

Нѣтъ, вѣрно се offendendo: иначе бытъ не можеть. Вошъ въ чемъ дѣло: если я шоплюсь нарочно, то я исполняю дѣйствіе; а дѣйствіе соспоишь изъ прехъ часней: изъ дѣйствованія, поступленія и исполненія—слѣдственно она ушопилась нарочно.

2. Гробокопатель.

Но послушай-ка, братъ—

1. Гробокопатель.

Погоди! здѣсь вода—хорошо; здѣсь человекъ—хорошо; если человекъ идетъ къ водѣ и шопишся въ ней, это значить, что онъ идетъ—хотя или не хотя; если же вода идетъ къ человеку и шопишь его, это не значить, что онъ шопишся; (2.) слѣдственно кшо не причиняешь себѣ смерти, шопъ не сокращаетъ своей жизни.

2. Гробокопатель.

И шакъ споишь въ законахъ?

1. Гробокопатель.

Точно шакъ, въ уголовныхъ законахъ.

2. Гробокопатель.

А знаешь ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ?—Не будь она дворянкой, ее бы не похоронили по христіански.

1. Гробокопатель.

Дѣло, братъ, говоришь ты; и жаль, что болре имѣють большее право шопишся и вѣшашся, нежели мы, шакъ же крещеный народъ. Ну за заспуй!—Нѣтъ шариниѣ дворянъ въ свѣтъ, какъ садовники, каналѣики и гробокопатели: они живутъ Адамовымъ ремесломъ.

2. Гробокопатель.

А Адамъ развѣ дворянинъ былъ?

1. Гробокопатель.

Да, ему придается шипло Благородія.

2. Гробокопатель.

И, полно, братъ!

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Да ты разве невѣрный, или не понимаешь библии?—
Адама породилъ изъ глины самъ Богъ, а Богъ, ты
знаешь, благъ—сладшвенно Адамъ благородный. (3.)
Я у тебя спрошу еще о чемъ то, и если ты не слы-
шишь ошвѣчать мнѣ, признайся что ты—

2. ГРОВОКАПАТЕЛЬ.

Ну, ну!

ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Кто спроишь прочіе: каменщикъ, корабельщикъ
или плошникъ?

2. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Прочіе всѣхъ висѣльщикъ: висѣлица переживаетъ ты-
сячи своихъ жищелей.

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Э, да ты уменъ, право уменъ! Висѣлица дѣлаешь до-
бро?—дѣлаешь добро тому, кто дѣлаешь худо; а ты
дѣлаешь худо, говоря, что висѣлица прочіе церкви,
и такъ было бы не худо, еслибъ висѣлица сдѣлала ше-
бъ добро.—Однакъ подумай-ка, да ошвѣчай.

2. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Кто спроишь прочіе: каменщикъ, корабельщикъ
или плошникъ?—

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Да, ошвѣчай, и шабашъ тебѣ.

2. ГРОВОКАПАТЕЛЬ.

А право же я знаю!

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Ну, говори.

2. ГРОВОКАПАТЕЛЬ.

Нѣтъ, брашъ, не знаю.

(Гамлетъ и Гораціо входятъ.)

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

Не ломай напрасно башки: оселъ не пуснишься въ рысь,
хоть изломай на немъ дубину; а если тебя кто спро-
ситъ о томъ же, ошвѣчай—могильщикъ: дома его
работы проспоишь до суднаго дня. Поди-ка въ пи-
тейный, да принеси рюмку водки.

(2. Гробокопатель уходитъ.)

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ. (копаетъ и поетъ.)

Бывъ парнемъ я любилъ, любилъ, (4.)

Веселый зналъ часокъ!

Я думалъ въбъ мнѣ будетъ пиръ—

Анъ шушь-шо и крючокъ!

(Гамлетъ и Гораціо приближаются.)

ГАМЛЕТЪ.

Или негодай не чувствуешь, чѣмъ онъ занятъ: поетъ
коная могилу!

ГОРАЦИО.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ сему заня-
тію.

ГАМЛЕТЪ.

Имянно! чѣмъ менѣе работы рукамъ, тѣмъ живѣе чув-
ства.

1. ГРОВОКОПАТЕЛЬ. (продолжаетъ пѣть.)

Колдунья-спароси шагъ да шагъ—

Пришла Яга съ клюкой,

И съмъ я, какъ на сущъ ракъ:

Хопъ бабка рѣпку пой!

(вытаскиваетъ черепъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Въ семь черепъ также былъ языкъ; онъ также пѣлъ нѣкогда! и сей бездѣльникъ спучивъ имъ объ землю, какъ будто онъ челюсть Каина первоубійцы! Можеть бытъ эшо голова, полишика, мыслявшаго обмануть самаго Бога, а шеперь имъ ворочася оселъ сей! Не правда ли?

ГОРАЦІО.

Спашься можешь, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, который восклицалъ: *здравствуйте, погнѣннѣйшій! Здоровылъ вы, мой милостивецъ?* или господина шакого-то, который выхвалялъ у господина шакого-то лошадь, выпросивъ ее у него жезла! Не правда ли, Гораціо?

ГОРАЦІО

О, правда, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

И шеперь она собственность господина червя, и исплѣвшая, поперевавшая челюсть, получаетъ пощечины отъ могильщикова заснупа. Прекрасное превращеніе, еслибъ мы могли его видѣть! Ужель воснишаніе и жизнь сихъ косней стоили шакъ мало, что они годяшся шолько для игры въ кегли? При мысли сей ноюшъ и мои коси!

І. ГРОВОКОПАТЕЛЬ.

(поетъ.)

Носилки, гробъ, да заснупъ, заснупъ,

Да черное сукно,

Да при шага земли, земли

Намъ пужны всѣмъ равно.

(вытаскиваетъ другой черепъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Еще черепъ! почему не могъ онъ принадлежать правовѣдцу? Гдѣ шеперь всѣ его крючки и хвирости? его ябеды, уловки, подобранные законы? Зачѣмъ споль хладнокровно сносишъ онъ шеперь такіа обиды: сей грубиянъ бьешъ его по щекамъ грязною лопашкою, и онъ не грозилъ ему раздѣлкою по формѣ суда? А! эшопъ человекъ провѣлъ, можеть бытъ, всю жизнь свою въ оборонахъ, покупкѣ и продажѣ имѣній: гдѣ же шеперь его крѣпости, заемныя письма, обязаельства, купчія и обезпеченія? Крѣпкая голова его крѣпко набила шеперь пескомъ—и эшо ли шолько укрѣпилъ онъ себя своими крѣпостями, эшо ли обезпечилъ всѣми обезпеченіями? (б.) Ужель совершеніемъ споль многихъ купчихъ не купилъ онъ себя ничего постояннаго, кроми сего куска земли, споль малаго, что пара—другая самыхъ купчихъ можеть покрыть его? въ семь ящикъ едва помѣстились бы всѣ бумаги, укрѣпавшія за нимъ его земли, и долженъ ли самъ владѣлецъ не имѣть ничего болѣе? ничего болѣе?

ГОРАЦІО.

Таъ, Принцъ! ничего болѣе.

Гамлетъ.

Крѣпости пишуся на пергаментѣ, а пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи—не шакъ ли?

Гораціо.

И изъ шелачьей шакже, Принцъ.

Гамлетъ.

Право, шѣ не лучше шеляшъ и барановъ, которые думаютъ, что онъ ихъ во всемъ обезпечиваетъ. Я хочу поговорить съ могильщикомъ. — Чья это могила, пріѣхаль?

г. Гробокопатель.

Моя, баринъ!

(поетъ)

Вѣдь при шага земли, земли

Намъ нужны всѣмъ равно.

Гамлетъ.

Не пошому ли, что ты сидишь въ ней? — Но кто здѣсь ляжеть? Для кого это ложе?

г. Гробокопатель.

Это ни для кого не ложе, не во гнѣвъ вамъ, баринъ! Я могилу копаю, шакъ она моя; вы ее не копаете, шакъ она не ваша — спало это не ложе.

Гамлетъ.

Ты говоришь ложе, говоря что это не ложе: это ложе мершвыхъ, хотя и не ложе живыхъ.

г. Гробокопатель.

Да мершвы не лгутъ, баринъ! И если это не ложе живыхъ, то вы сами живую ложъ скажете изволили. (6.)

Гамлетъ.

Но полно! Какой бѣдняжка будешь погребенъ въ ней?

г. Гробокопатель.

Никакой, баринъ.

Гамлетъ.

Ну, шакъ какал?

г. Гробокопатель.

И никакая шакже.

Гамлетъ.

Кто же, наконецъ, или что?

г. Гробокопатель.

То, что было женщиною, а теперь сдѣлалось шруномъ; — (7.) упокой Господи ея душу!

Гамлетъ.

Какъ привизываешься къ словамъ негодной сей! — Надо было говорить очень ясно, или двусмысленность надѣлаешь бѣдъ намъ. Право, Гораціо, въ послѣдніе три года все въ свѣтѣ, какъ замѣнилъ я, заоспирилось: носокъ крестьянскаго сапога шакъ сблизился съ пашкою придворнаго, что напиралось на ней мозоли. (8.) Давно ли ты гробокопашелемъ?

г. Гробокопатель.

Изъ всѣхъ дней въ году я сдѣлался имъ въ шощъ самый день, когда покойный Король нашъ разбилъ Форшинбраса.

Гамлетъ.

Давно ли было это?

г. Гробокопатель.

Будно вы не знаете? Всякій дуракъ поминитъ это.

Въ шопъ же день родился молодой Гамлетъ, шопъ, чшо шеперь сумасшедшій и посланъ въ Англію.

Гамлетъ.

А за чѣмъ онъ посланъ въ Англію?

г. Гробокопатель.

Ну, за шѣмъ, чшо онъ сумасшедшій: шамъ, говорашъ, онъ опашъ найдешъ умъ свой; а если и не найдешъ, шо не большая бѣда.

Гамлетъ.

Почему шакъ?

г. Гробокопатель.

Тамъ эшо будешъ не замѣшно: шамъ всѣ шаковы.

Гамлетъ.

А онъ чего онъ сдѣлался сумасшедшимъ?

г. Гробокопатель.

Говорашъ онъ чего - шо дивнаго и чуднаго.

Гамлетъ.

Ошъ чего же?

г. Гробокопатель.

Да онъ шого, чшо сошелъ съ ума, помѣшался.

Гамлетъ.

А на чемъ имянно помѣшался онъ?

г. Гробокопатель.

Да Богъ вѣшъ! На чемъ имянно, не знаю: чай на пошѣли, если онъ спалъ шогда, на спулъ если сидѣлъ и шакъ далѣе; знаю шолько, чшо эшо было здѣсь, въ Даніи. (9.) Вошъ, уже шридцашъ лѣтъ, какъ я могильщикомъ здѣсь. (10.)

Гамлетъ.

Долго ли пролежитъ человекъ въ землѣ, не сгнивши?

г. Гробокопатель.

Если онъ не сгнилъ еще прежде смерти [какъ мы видимъ многихъ, по милости известной болѣзни, едва могущихъ въ цѣлости дожидаться смертнаго часа] шо онъ можетъ выдержашъ восемь и даже девашъ лѣтъ; кожевникъ вѣрно выдержитъ девашъ.

Гамлетъ.

Почему же особенно кожевникъ?

г. Гробокопатель.

Онъ, выдѣлывая чужія кожи, и свою выдѣлаешъ шакъ, чшо она долго не пропускаешъ воды; а вода наибольшій врагъ симъ мерзавцамъ, шрупамъ. Вошъ черепъ, пролежавшій въ землѣ двадцашъ при года.

Гамлетъ.

Чей былъ онъ?

г. Гробокопатель.

Одного негодя и сумазброда. Чей бы вы думали?

Гамлетъ.

Я, право, незнаю.

г. Гробокопатель.

Провалъ бы его побралъ, проклятаго мошенника! Онъ выпалъ мнѣ однажды на голову спаканъ Рейнскаго, Эшопъ черепъ сидѣлъ на шеѣ Йорика, королевскаго шуша.

Гамлетъ.

Эшопъ?

(поднимаетъ черепъ.)

г. Гробокопатель.

Эшопъ самый.

ГАМЛЕТЪ.

Увы, бѣдный Йорикъ! Я зналъ его, Гораціо! Какую оспрошу ума имѣлъ онъ! Какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ на плечахъ меня! А теперь — видъ опшрашивельный, ужасный! У меня поворачивается вся внушрешность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловала я! Гдѣ теперь шутки твои? Твои прыжки? Твои пѣсни? Твои оспрошы, возбуждавшія за столомъ неумолкаемый хохотъ? — Ни одной не оспалось! Ни одной, посмѣявшейся надъ собственнымъ твоимъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы; скажи, что пусть она хохлетъ на палецъ шолщиною наложишь румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заспавъ ее смѣяться при помѣ! Гораціо! Скажи мнѣ одно, прошу тебя!

ГОРАЦІО.

Что такое, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

ГОРАЦІО.

Точно таковъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И съ такою же вошью? — Фу!

(Бросаетъ черепъ.)

ГОРАЦІО.

Съ такою же, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Какое низкое употребленіе можешь ожидать насъ, Гораціо! Почему не лзя слѣдовать мыслию за благо-

роднымъ прахомъ Александра, пока онъ пойдеть — на замазку воронки въ пивной бочкѣ?

ГОРАЦІО.

Спранно бы было такое слѣдованіе, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ни мало; оно натурально и правдоподобно. Помысли: Александръ умеръ; Александръ погребенъ; Александръ обратился въ прахъ; прахъ земля; изъ земли дѣлается глина — и почему же та глина, въ которую онъ превратился, не можеть, какъ и всякая, служишь за мазкой?

Могущій Цезарь, обратившись въ прахъ, Наполнилъ въ вѣпхихъ скважины спѣнахъ, И шолтъ, кшо мѣръ собою успрашалъ, Онъ буръ защишой селянину спалъ.

Но шпше; удалимся: вошъ Король —

(Погребальное шествіе: впереди духовенство; потомъ несутъ тѣло Офелии; за нимъ слѣдуетъ Лаертъ; наконецъ Король, Королева и Дворъ.)

И Королева, Дворъ! Кого они такъ проспо, Безъ пышности въ могилу провожають? Знакъ, что умершій — видно знашый — поднялъ Самъ на себя опчаянную руку. Уйдемъ подальше, поглядимъ, Гораціо.

ЛАЕРТЬ *(къ священнику.)*

Какіе же еще обряды будутъ?

ГАМЛЕТЪ *(къ Гораціо.)*

Вошъ благородный юноша, Лаертъ;

Смотри —

ЛАЕРТЬ.

Какіе же еще обряды?

Священникъ.

Мы совершимъ такое погребенье,
 Какое только смѣемъ: (т. е.) смерть ея
 Сомнительна; безъ вышняго вѣлья
 До суднаго она лежала бѣ дня
 Въ землѣ неосвященной; не молишвы,
 Песокъ и камни бы надъ ней лепѣли;
 Теперь же гробъ украшенный вѣнками,
 Усыянный цвѣтами, мы несемъ
 Въ свящую землю, съ колокольнымъ звономъ.

ЛАЕРТЬ.

И никакихъ обрядовъ?

Священникъ.

Никакихъ:

Мы осквернили бѣ службу погребенья,
 Ей панихиду, какъ другимъ прощенья,
 Почившимъ въ мирѣ.

ЛАЕРТЬ.

Опустите гробъ!

Да возраспнутъ изъ дѣвственнаго праха
 Фиалки, Розы! — Ты жъ, отецъ жестокий!
 Спелая въ адѣ, ангеломъ блаженнымъ
 Мою сестру ны узришь въ небесахъ.

ГАМЛЕТЪ.

Офелія! О Боже!

Королева (*сплзетъ на гробъ цвѣты.*)

Прекрасные цвѣты на гробъ прекрасной!
 Проси! Я мыслала, чѣмъ ны супругой

Гамлета будешь; брачное я ложе,
 Не гробъ швой, мнила украшаешь цвѣтами.

ЛАЕРТЬ.

О, горе!

Спокрасть тройное горе на главу
 Лишавшаго себя злодѣйствомъ гнуснымъ
 Ума и жизни! — Не скрывайше гроба!
 Я обину еще разъ милаый прахъ!

(*бросается въ могилу.*)

Теперь засыпше мершвую съ живымъ!
 На сей равнинѣ намечите гору
 Превыше Пеліона, выше звѣздной
 Главы Олимпа!

ГАМЛЕТЪ (*приближается.*)

Кто сей, чья горестъ споль неукротима?
 Чей вопль въ нуши задерживая звѣзды,
 Ихъ изумленьемъ поражаетъ? Я здѣсь,
 Принцъ Датскій, Гамлетъ!

(*бросается въ могилу.*)ЛАЕРТЬ (*бьется съ нимъ.*)

О, сашана швою исторгни душу!

ГАМЛЕТЪ.

Худая, другъ, молишва!
 Прошу тебя, оставь, не жми мнѣ горла!
 Я ошъ природы крошкы и не вспльщивъ;
 Однакомъ спрашно во мнѣ ешъ нѣчто,
 Чего швола должна бояшся мудросъ.
 Оставь меня!

КОРОЛЬ.

Разсоргнише ихъ, други!

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, Гамлетъ!

Придворные.

Принцъ!

ГОРАЦІО.

Спокойшесь, Принцъ.

*(Служители разнимаютъ кѣ; они выхо-
дятъ изъ могилы.)*

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ! о семь гошовъ я съ нимъ сражаюсь,
Пока мои не охладѣють вѣжды!

КОРОЛЕВА.

О чемъ, мой сынъ, сражаешься?

ГАМЛЕТЪ.

Я любилъ

Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ

Ее не могушь пламенный любить!

И что, скажи, для ней бы сотворилъ ты?

КОРОЛЬ.

Ты видишь, онъ въ безуміи, Ласерты!

КОРОЛЕВА.

Молоко тебя, ославъ его, ославъ!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи, что хочешь сдѣлать ты?—Сражаюсь,

Лишь слезы, въ грудь разинь себя, поспинься,

Пить острый оцетъ, крокодиловъ жрать

Я похъ хочу?—или стеношь ты спанешь,

Въ досаду мнѣ къ ней бросишься въ могилу?—

Вели зарыть себя—и я зарюсь!

Вели насыпать гору—пусти навалить

На насъ полъ-свѣша! Пустъ предъ нею Осса
Покажешся песчинкой! Величашся
И я, какъ ты, умѣю!

КОРОЛЕВА.

Онъ въ безумствѣ!

Такъ на минушу увлеченъ порывомъ,

Онъ, спихнувъ, будешь молчаливъ и крошокъ,

Какъ голубица, ждущая рожденья

Пшеницовъ лапопушистыхъ.

ГАМЛЕТЪ.

Слушай, другъ!

За что со мной ты смѣешь поспунать шакъ?

Тебя всегда любилъ я—но что нужды?

Пустъ все шворишь, что можешь, Геркулесъ—

Но кошка кошкой, псомъ пребудешь песь.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Иди за нимъ, прошу тебя, Гораціо

Лаертъ, пертъне! вспомни разговоръ нашъ!

Приславъ надзоръ къ Гамлету, Королева!

(къ Лаерту)

Мы здѣсь живой поспавимъ мавзолей;

Наспанешъ скоро часъ успокоенья:

Должно имѣть лишь швердосъ и пертъне.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

(Зала въ замкѣ.)

Гамлетъ и Гораціо.

ГАМЛЕТЪ.

О семъ довольно, другъ! Теперь другое:
Ты помнишь все?

ГОРАЦИО.

О, помню ли я, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Меня борење нѣкое въ душѣ
Лишало сна; казалось, я лежалъ,
Какъ въ кандалахъ преслушникъ; вдругъ—и будъ
Благословенно быстрое рѣшене!
Не рѣдко насъ спасаетъ безразсудность,
Когда всѣ козни хитросплетенны напрасны:
Есть Божество, дающее приличнѣй
Неспроектнымъ нашимъ замыслѣньямъ видъ.

ГОРАЦИО.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнія!

ГАМЛЕТЪ.

Вдругъ, накинувъ плащъ,

Я въ темнотѣ прокрался изъ каюшъ;
Пошелъ искать ихъ ощупью, нашелъ,
Схватилъ бумаги и опять въ каюшъ
Ушелъ обратно. Спрахъ во мнѣ изгладилъ
Приличнѣй чувство: я сломалъ печать

Имъ даннаго письма, и чтожъ увидѣлъ?
О, Царственную подлость! приказанье
По важнымъ и безчисленнымъ причинамъ,
Для общаго двухъ царствъ союзныхъ блага,
Зашѣлъ, что я спрашивалище, гроза имъ,
Тотчасъ, мгновенно, даже палачу
Не давъ минушны напочишъ съкиру,
Съ плечъ голову долой мнѣ.

ГОРАЦИО.

Какъ? возможно?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ и письмо—прочтешь въ другое время;
Ты хочешь вѣдать, какъ я послушалъ?

ГОРАЦИО.

О, говорите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, окруженный сѣткою измѣны,
Еще уму дашь шона не успѣлъ я,
А онъ игралъ ужъ: (12.) съѣлъ къ снѣгу, другое
Я сочинилъ и написалъ письмо.
Предъ симъ и я, какъ всѣ вельможи, низкии
Считалъ имѣть красивый, чистый почеркъ,
Писалъ нарочно дурно; но теперь
Онъ оказалъ мнѣ важную услугу.
Ты хочешь знать, что написалъ я?

ГОРАЦИО.

Принцъ,

Скажете.

ГАМЛЕТЪ.

Просьбу короля: когда

Намъ вѣрный данникъ Англійскій Монархъ,
 Когда любовь ихъ цѣлшь должна, какъ пальма,
 И миръ носить вѣнокъ изъ зрѣлыхъ класовъ,
 И заплата соединяетъ союзъ ихъ, (13.)
 [И много я такихъ когда наславилъ]
 То въ самый часъ прочтенія письма
 Безъ всѣхъ сужденій посланныхъ онъ долженъ
 Предать мгновенной смерти, и минуши
 На исповѣдь не дасть имъ.

Горацио.

Но печаль?

Гамлетъ.

И въ этомъ небо подало мнѣ помощь:
 Съ подобіемъ печали Дашской вѣрнымъ
 Съ собой имѣлъ родителевъ я перстень.
 Сложивъ письмо, какъ должно, подписавъ
 И запечатавъ, я отнесъ на мѣсто.
 Подлогъ остался тайной. День спусти
 На насъ напали: что случилось послѣ,
 Уже ты знаешь.

Горацио.

И на—встрѣчу смерти
 Нашъ Розенкранцъ пустился съ Гильденштерномъ?

Гамлетъ.

Не сами ли они тому виною?
 Они не близки къ сердцу мнѣ, и сами
 Накликали себѣ пронырствомъ гибель:
 Не безопасно между оспиріевъ,
 Въ единоборствѣ ратниковъ высокихъ,
 Мешаться низшимъ.

Горацио.

Но каковъ Король!

Гамлетъ.

Не правда ли, что мнѣ теперь довольно!
 Убивъ отца и развративши мать,
 Спаивъ между мной и выборомъ народа,
 Онъ и на жизнь мою обманомъ низкимъ
 Забросалъ уду! Что, не должноль долгъ
 Воздать ему рукой сей? не позорноль
 Для большихъ золь оставишь сей въ природѣ
 Зловредный ракъ?

Горацио.

изъ Англии онъ скоро

О произшедшемъ намъ получишь вѣсти.

Гамлетъ.

Конечно такъ; но промежутковъ нѣтъ;—
 И челоука жизнь и смерть не больше,
 Какъ молвишь: разъ! Жаль, добрый мой Горацио,
 Что такъ противъ Лаерта я забылся;
 Мой собственной удѣлъ его удѣла
 Вѣрнѣйшій образъ. Примирись радъ я,
 Хотя и сильно возбужденъ былъ дерзкой
 Его печалью.

Горацио.

Тише, тише, идуть!

Озрикъ (входитъ.)

Поздравляю васъ, Принцъ, съ счастливымъ возвраще-
 ніемъ.

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю усердно. Знаешь ли ты сію водяную муху, Горацио? (14)

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣмъ лучше для твоей добродѣтели: самое знакомство его есть уже порокъ. У него много земель—и плодородныхъ. Сдѣлай скопа владыкою скопоевъ, и его ясли будутъ какъ Королевское блюдо. Это вонюха, но, какъ я сказалъ, богатая соромъ.

ОЗРИКЪ.

Любезный Принцъ! Если ваша свѣтлость не заняты, и скажу вамъ слово отъ Государя.

ГАМЛЕТЪ.

Я буду слушать со всевозможнымъ вниманіемъ; но употребишь вашу шляпу по ея назначенію—она сдѣлана для головы.

ОЗРИКЪ.

Ничайше благодарю васъ, Принцъ; здѣсь такъ жарко

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, повѣрьте, холодно; свѣрный вѣтеръ.

ОЗРИКЪ.

Да, довольно холодно, Принцъ, въ самомъ дѣлѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Однакожь, кажется, тепло и душно—или мое сложеніе —

ОЗРИКЪ.

Чрезвычайно, Принцъ! душно, какъ будто—я, право, не знаю. Но Принцъ, Государь приказалъ сказать вамъ,

что онъ побился за васъ объ значительный закладъ. Извольте видѣть, дѣло въ томъ, что—

ГАМЛЕТЪ.

Сдѣлайте милость, не забудьте—

(дастъ знакъ, чтобъ онъ надѣлъ шляпу.)

ОЗРИКЪ.

Нѣтъ, право не нужно, Принцъ; мнѣ такъ лучше—увѣрю васъ. Извольте видѣть, Принцъ: недавно возвращился ко двору Лаертиъ; повѣрьте мнѣ, ошланный молодой человекъ: прекрасныя дарованія, преловкое обращеніе, привлекательная наружность. Должно ожидать справедливости: онъ образецъ и экстрактъ свѣтской науки; въ немъ находились все, чего домогаешься всякой благовоспитанный юноша.

ГАМЛЕТЪ.

Я знаю, что достоинства его не теряютъ ни чего чрезъ ваше описаніе, хотя подробное ихъ изчисленіе пришло бы зрительнику на память, и было бы всегда недостопаочно въ сравненіи съ ихъ качествомъ и быспроною полета ихъ къ цѣли совершенства. Впрочемъ я въ средоточіи моей похвалы объявляю его человекомъ съ умомъ высокимъ, съ столь рѣдкими и блестящими дарованіями, что, по всей строгости истины, ему равнаго можно только найсти въ его зеркалѣ, и, если бы кто захотѣлъ продолжитъ исканіе, въ его тѣни.

ОЗРИКЪ.

Ваши мысли о немъ совершенно справедливы, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но отношеніе, другъ мой? По какой причинѣ облака-

емъ мы въ наше недоспойное дыханіе имя человека,
столь совершеннаго?

ОЗРИКЪ.

Принцъ —

ГОРАЦИО.

Ужель вамъ не понятея опшечшвенный азыкъ? Бышь
не можешь! (15.)

ГАМЛЕТЪ.

Какое ошношеніе имѣеиъ онъ къ нашему разговору?

ОЗРИКЪ.

Лаертъ?

ГОРАЦИО.

Его кошелекъ опустилъ; золотыя словцы расшеры-
ны. (16.)

ГАМЛЕТЪ.

Да, Лаертъ.

ОЗРИКЪ.

Я, увѣренъ, что не незнаіе ваше —

ГАМЛЕТЪ.

Желашельно, чшобы вы разуувѣрились въ моемъ незна-
ніи, хопя и въ шомъ не много бы мнѣ было чесши.
Хорошо —

ОЗРИКЪ.

То ести: я увѣренъ, что вамъ извѣстно совершенство
Лаерта —

ГАМЛЕТЪ.

Я не хочу хвасташъ знаніемъ совершенства его! Могли
бы подумашъ, что я желаю съ нимъ равниашся: знашь
другихъ значишь знашь самаго себя.

ОЗРИКЪ.

Я разумю, Принцъ, совершенство Лаерта въ иску-
ствѣ бишься на шпагахъ: по моему мнѣнію ему нѣтъ
равнаго.

ГАМЛЕТЪ.

На шпагахъ?

ОЗРИКЪ.

На шпагахъ и кнжалахъ.

ГАМЛЕТЪ.

Слѣдшвенно не только на шпагахъ; (17.) но хорошо.

ОЗРИКЪ.

Король побился съ нимъ объ закладъ, Принцъ: шесть
Арабскихъ лошадей прошивъ шеспи, кажется, Фран-
цузскихъ шпагъ и кнжаловъ со всемъ, къ нимъ при-
надлежащимъ, какъ-то: поясами, перевязями и прочимъ.
Три изъ числа принадлежностей высокой ошдѣлки,
прекрасно соошвѣшшвуютъ рукояшкамъ, и ошлична-
го усшройшва — прелесшныя принадлежности!

ГАМЛЕТЪ.

Чшо вы называеиъ принадлежностями?

ГОРАЦИО.

Я зналъ, что вамъ еще порядочно досшанешся отъ
его примѣчаній.

ОЗРИКЪ.

Принадлежащими, Принцъ? (18.) Перевязи.

ГАМЛЕТЪ.

Названіе было бы прилично, еслибъ вмѣсто шпагъ мы
посили пушки; до шѣхъ поръ пусть будутъ онѣ пе-
ревязями. Но право! Шестъ Арабскихъ лошадей про-
шивъ шеспи шпагъ и кнжаловъ съ ихъ ошлично

устроенными принадлежностями! Въ самомъ дѣлѣ Французскія вещи противъ Датскихъ! Но въ чемъ состоишь закладъ?

Озрикъ.

Король утверждаетъ, что изъ двенадцати ударовъ, онъ не превыситъ васъ, Принцъ, шрема; Лаершъ, напрошивъ, ручается за девять. (19.) Споръ будетъ рѣшенъ теперь же, если вамъ, Принцъ, угодно дать Королю ошвъшь.

Гамлетъ.

А если я дамъ ошвъшь отрицательный?

Озрикъ.

Я разумѣю, Принцъ, ваше согласіе.

Гамлетъ.

Я стану здѣсь прохаживаться; если Королю угодно, пока я здѣсь пользуюсь свѣжимъ воздухомъ, велѣшь принести оружіе, и мой противникъ согласенъ, то я выиграю закладъ, когда возмогу, а когда нѣтъ, то выиграешь мой будешь состояшь въ стыдѣ и ударахъ.

Озрикъ.

И такъ прикажете сказать Королю?

Гамлетъ.

Въ сущности, такъ; а прикрасы ошдаются въ полную вашу волю.

Озрикъ.

Поручаю себя вашей милости, Принцъ!

(Уходитъ.)

Гамлетъ.

И я себя вашей, и я! Хорошо, что онъ самъ себя

поручаетъ милости: на это вѣрно бы никто другой не рѣшился.

Горацио.

Улетѣла пшичка съ скорлупой яичка. (20.)

Гамлетъ.

Онъ наговорилъ, я думаю, вѣжливостей грудямъ своей матери прежде, нежели началъ сосать ихъ. Онъ, подобно многимъ такого же покроя, испорченный нашъ вѣкъ забавляющимъ, приобрѣлъ модные приемы и навѣкъ обхожденія — пузыри на жидкой вязкости, поддерживающіе нынѣ челоуѣка въ мнѣніи всѣхъ, глупцовъ и разсудительныхъ; но одно дуновение испыпанія — и пузыри лопнули.

Придворный (входитъ.)

Озрикъ доложилъ Государю, что вы, Принцъ, ожидаете его здѣсь въ залѣ; онъ желаетъ знать, угодноли вамъ теперь рѣшиться закладъ съ Лаершомъ, или ошложите дѣло сіе до другаго времени?

Гамлетъ.

Я оспарю при прежнемъ намѣреніи, и готовъ исполнить волю Государя; если ему угодно, я не отказываюсь, теперь или въ другое время, разумѣется, когда я буду къ сему расположенъ такъ же, какъ теперь.

Придворный.

Король, Королева и дворъ потчасъ сюда будутъ.

Гамлетъ.

Добро пожаловать!

Придворный.

Королева желаетъ, что бы вы прежде дружески поговорили съ Лаершомъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошій совѣщъ.

(Придворный уходитъ.)

ГОРАЦИО.

Вы проиграете, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не думаю: я упражнялся много во время бытности
его во Франціи, и въ побѣдѣ почти увѣренъ. Ты не
повѣришь, однакожъ, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ —
но что нужно?

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, Принцъ —

ГАМЛЕТЪ.

Ребячество! Какое-то предчувствіе, которое могло
бы усматривать женщину.

ГОРАЦИО.

Если душа ваша противилась сему — повинуйтесь ей;
я охотно прихodu ихъ, скажу, что вы не располо-
жены.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не боюсь предзнаменованій: и воробей
не гибнетъ безъ воли провидѣнія. Теперь, такъ не послѣ;
не послѣ, такъ теперь; не теперь, такъ послѣ; все
зависитъ отъ готовности. Никто не знаетъ, что
оставляетъ здѣсь: не все ли жъ равно, оставивъ
раньше или позже? — Дѣло рѣшено.

*(Входятъ: Король, Королева, Лаертъ,
Озрикъ, придворные и служители съ ору-
жіемъ.)*

КОРОЛЬ.

Отъ насъ сію ты примешь, Гамлетъ руку?

(Соединяетъ руки Гамлета и Лаерта.)

ГАМЛЕТЪ.

Лаертъ, прости мнѣ: я тебя обидѣлъ!
Какъ благородный человекъ прости!
Извѣстно всѣмъ, и ты навѣрно слышалъ,
Что спражду я душевною болѣзнию;
Все, все, чѣмъ возбуждалъ
Твое я сердце, гнѣвъ, и чувство чести,
Я передъ всѣми признаю безумствомъ.
Лаерта Гамлетъ оскорбилъ! О нѣтъ!
Когда самъ вышелъ Гамлетъ изъ себя,
И вѣдѣя Лаерта оскорбилъ,
То былъ не Гамлетъ; Гамлетъ въ томъ не виненъ;
Ктожъ виненъ въ томъ? Кто? Гамлета безумство!
Самъ Гамлетъ здѣсь не менѣ обиженъ:
Врагъ Гамлета несчастнаго — безумство.
Я оприцаю
Предъ всемъ собраніемъ всякій злобный замыселъ,
И ты повѣришь въ благородствѣ сердца,
Что я направилъ въ свой же домъ стрѣлу
И ранилъ брата.

ЛАЕРТЪ.

Я доволенъ въ сердцѣ,

Меня наиболѣ побуждавшемъ къ мщенью;
Но спрогимъ чести слѣдуя законамъ
О примиреніи не хочу и слышать,
Пока меня не обнадежитъ слово
Судьями чести признанныхъ людей,

Что безъ пятна мое пребудеть имя.
До шоль я дружбу принимая — дружбой,
Цѣнишь ее умѣю.

ГАМЛЕТЪ.

И согласенъ,
И брашскій вызовъ съ радостью приѣмаю.
Подайте мнѣ оружіе.

ЛАЕРТЬ.

И мнѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Лаерть! Я самъ швоей орудье славы: (аг.)
Твое искусство, какъ звѣзда во шмѣ,
Въ моемъ незнаши ярко возсіяешь.

ЛАЕРТЬ.

Насмѣшка, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

О нѣтъ, Лаерть, повѣрь мнѣ.

КОРОЛЬ.

Озрикъ! Дай шпаги имъ. Ты, Гамлетъ, знаешь
Заклада цѣну?

ГАМЛЕТЪ.

Знаю, Государь!

Закладъ дороже съ стороны слабѣйшей.

КОРОЛЬ.

Не думаю; я видѣлъ обоихъ васъ:
Теперь сильный онъ, но зашо и даль
Впередъ тебѣ.

ЛАЕРТЬ (беретъ шпагу)

Какъ тяжела! Подайте

Другую!

ГАМЛЕТЪ.

Эша по рукъ мнѣ. Всѣ ли
Онъ одной длины?

ОЗРИКЪ.

Всѣ, Принцъ, одной.

(Гамлетъ и Лаерть готовятъ.)

КОРОЛЬ.

Поставьте кубки на столъ съ виномъ;
Когда нашъ Гамлетъ первый дастъ ударъ,
Или второй, или скоро вслѣдъ за шрешимъ,
Пусть пушекъ громъ изъ крѣпости раздастся:
Здоровье Принца будетъ пить Король,
И въ чашу перлъ опустивъ, перлъ, дражайшій,
Чѣмъ шомъ, кошорый на коронѣ Данской
Чешыре сряду Короля носили.
Вонъ чаша; пусть лишавры скажутъ шрубамъ,
Трубъ общій голосъ пушкамъ крѣпоснымъ
Громъ пушекъ небу, небеса землѣ,
Что пьетъ Король за Гамлеша здоровье.
Внимание, судьи! — Начинайте!

ГАМЛЕТЪ.

Начнемъ, Лаерть.

ЛАЕРТЬ.

Начнемъ.

(дерутся.)

ГАМЛЕТЪ.

Ударъ!

ЛАЕРТЬ.

О, нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Пускай рѣшашъ!

ОЗРИКЪ.

Ударъ, ударъ!

ЛАЕРТЬ.

Ну, дальше!

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, дайте чашу! Гамлетъ! Перлъ сей швой,
Твое здоровье!—Дайте Принцу чашу!

(звукъ трубъ; слышны выстрѣлы.)

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, послѣ, послѣ! Начинай, Лаертъ!

(дерутся.)

Еще ударъ! Не правда ли?

ЛАЕРТЬ.

Ударъ,

Ударъ! Вы правы, Принцъ!

КОРОЛЬ.

Побѣда будетъ

Твоя, мой храбрый Гамлетъ.

КОРОЛЕВА.

Онъ пляжель

И ушомился: осуши чело

Планикомъ симъ, Гамлетъ.—За швое здоровье!

ГАМЛЕТЪ.

О, Королева—

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, не пей, Гертруда!

КОРОЛЕВА.

И почему жъ, супругъ мой?—Ты позволишь.

*(пѣтъ.)*КОРОЛЬ *(въ сторону)*

Въ винѣ оправа! поздно— все свершилось!

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ, Королева, жарко: выпью послѣ.

КОРОЛЕВА.

Дай пошъ сперешъ мнѣ съ швоего лица.

ЛАЕРТЬ *(тихо Королю)*

Опъ будетъ раненъ, Государъ.

КОРОЛЬ *(такъ же)*

Едва ли,

ЛАЕРТЬ *(въ сторону.)*

Хошя моя и сильво рощенъ совѣсть.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, къ шрешъему, Лаертъ, удару! Крѣпче;

Употреби искусшво все и силу:

Мнѣ кажешся, шы шолько шушишь!

ЛАЕРТЬ

Право?

Увидимъ!

(дерутся)

ОЗРИКЪ.

Нѣтъ, не шронушъ ни одинъ.

ЛАЕРТЬ.

Но наконецъ!

(Лаертъ ранитъ Гамлета; они выбиваютъ другъ у друга шпаги; поднимая, мѣняютъ ими, потомъ Гамлетъ ранитъ Лаерта.)

Король.

Довольно! разнимите!

Они въ жару—

Гамлетъ.

О, нѣтъ! Еще, еще!

(Королева упадаетъ.)

Озрикъ.

Что съ Королевой?—

Горацио.

Кровь на обонхъ!

О Принцъ! что съ вами?

Озрикъ.

Что съ тобой, Лаертъ?

Лаертъ.

О, я опушаю собственною сѣшью,
Убивъ достойно собственной измѣной.

Гамлетъ.

Что съ Королевой?

Король.

Обморокъ, испугъ!

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ! вино, вино! О сынъ мой, Гамлетъ?

Вино, вино! Оправа—

(Умираетъ.)

Гамлетъ.

О злодѣйство!

Заприше дверь! О низкая измѣна!

Но гдѣ онъ, гдѣ измѣнникъ?

Лаертъ.

Здѣсь! Здѣсь, Гамлетъ!

Готовся, Гамлетъ, къ смерти; никакое
Тебя отъ ней спасши не можешь средство!
Въ тебѣ ужъ нѣтъ и получаса жизни!
Въ твоей рукѣ обманчивая шпага:
Она остра и ядомъ облила!
И на меня къ измѣнѣ обратилась—
Я палъ и не возстану; Королева
Оштравлена—я не могу—Король,
Король всему виною—

Гамлетъ.

Осприе

Оштравлено! исполни жъ, ядъ, свой долгъ!
(Закалываетъ Король.)

Озрикъ и Придворные.

Измѣна! возмущенье!

Король.

Спасише, други! Рана не опасна—

Гамлетъ.

Ты проклятый злодѣй, кровосмѣшитель!

Испей сей ядъ! (22.) Таковъ ли перлъ швой? Слѣдуй
За Королевой!—

(Король умираетъ.)

Лаертъ.

Онъ погибъ достойно:

Сей ядъ его рукой былъ приговоренъ.
Простямъ другъ груга, благородный Принцъ!
Не ты ошвышь дашь въ гибель мою
И моего отца; не я въ швоей.

(Умираетъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Пусть Богъ простишь себя! И мой часъ близокъ!
 Я полумертвъ, Гораціо! Королева,
 Несчастливая, прости! А вы, сего
 Учасники и зрители явленія,
 Вы, блѣдные, шрепещущіе въ спрахъ!
 Имѣй я время (но не медлишь смерть,
 Гонецъ немилосердный) я сказала бы—
 Но поздно! Я, Гораціо, умираю!—
 Ты живъ, и ты незнающимъ расскажешь
 Мою подробно повѣсть—

ГОРАЦІО.

Никогда!

Я Дашчанинъ, но Римлянинъ душою!
 Ядъ есть еще—

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, если честь ты знаешь!

Дай чашу мнѣ! О дай во имя неба!
 Гораціо, другъ! Сколь низкое оставлю
 Я по себѣ въ безвѣстности сей имя!
 О, если сердцу швоему не чуждъ я!
 Помедли къ вѣчному лѣтъ блаженству,
 И въ развращенномъ мірѣ пострадай,
 Пока моя не будетъ гласна повѣсть.

(слышна музыка и выстрѣлы.)

Но что за бранный шумъ?

ОЗРИКЪ.

То Фортинбрасъ
 Съ побѣдой возвращившійся изъ Польши;

Онъ Англійскихъ привѣтствуетъ пословъ
 Сей почестною военной.

ГАМЛЕТЪ.

О Гораціо!

Я умираю! Ядъ тѣснишь мнѣ душу!
 Изъ Англіи я не услышу вѣсти,
 Но предрекаю выборъ Фортинбраса,
 И за него мой голосъ! Возвѣсти
 Сіе ему, и случая, причини
 По коимъ я—объ оспальномъ молчанье. (23.)
(Умираетъ.)

ГОРАЦІО.

Онъ въ мукѣ смертной? (24.) Добра ночь, мой Принцъ!
 Хоръ ангеловъ да напоетъ на душу
 Твою миръ вѣчный!—Трубный звукъ все ближе—
 Иду!—

(входитъ Фортинбрасъ съ Англійскими посланниками)

ФОРТИНБРАСЪ.

Гдѣ, гдѣ?

ГОРАЦІО.

Что видишь ты желаешь?

Печаль и горе?—Прекрати исканье.

ФОРТИНБРАСЪ.

О видъ ужасный! (25.) Гордый ангелъ смерти!
 Какое пиршество въ твоихъ пещерахъ,
 Что столько крови царственной ты пролилъ
 Однимъ ударомъ?

1й. Посланникъ.

Видъ ужасный! Поздо

Изъ Англіи мы прибыли съ ошвѣстомъ!
 Не слышатъ уши, коимъ о свершенъи
 Мы возвъспишъ хощѣли приказанія,
 О Розенкранца, Гильденсберна смерши!
 Кшождъ благодарнось намъ воздаси?

ГОРАЦІО.

Не онъ,

Хощѣи еще онъ слышатъ и дышатъ могъ.
 Не онъ желалъ сей казни! Но когда
 Ко зрѣлищу кровавому случайно
 Изъ Польши вы и Англіи стеклися,
 Велише, пущъ шѣла на возвышенъи
 Положашся передъ лицемъ народа;
 Незнающимъ я разгадаю тайну
 Событій спрашныхъ; многое ошкрою:
 Посмѣдныя злодѣйства, прѣступленія,
 Невольныя убійства, судъ небесъ,
 И хитростью устроенныя казни,
 И наконецъ напрасный замысль злобы
 На голову виновниковъ упавшій,
 Матъ все извѣстно.

ФОРТИНБРАСЪ.

Поспѣшимъ! Пущъ всѣ
 Вельможи царства повѣсти внимающъ.
 Я съ горесшью свое въспрѣчаю счастье;
 Имѣя право на сію корону,
 Я чшу ее мнѣ должнымъ достояньемъ.

ГОРАЦІО.

Я Гамлеша о семъ ошкрою волю,
 И привлечешъ она къ вамъ многихъ, Принцъ.

Но поспѣшимъ, пока умы въ шревогъ,
 Иаъ много ошъ незнанія и козней
 Родилися бѣдъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Пущъ Гамлеша несущъ,
 Какъ воина, чешыре изъ вождей?
 Онъ бы достойнымъ былъ Царемъ: но небо
 Не шакъ судило. Пущъ въ печальномъ ходѣ
 Последнимъ онъ воинственнымъ привѣномъ
 Починиши громогласно!
 Возьмите мершвыхъ: видъ бездушныхъ шѣлъ
 На полѣ брани, а не здѣсь приличенъ.
 Велише, пущъ раздаси грошъ орудій. (26.)

*(Погребальная музыка; всѣ уходятъ и
 уносятъ мертвыхъ тѣла; вскорѣ потомъ
 слышатъ выстрѣлы.)*

К о н е ц ъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

- 1.) Сии слова, вѣроятно, были дневнымъ паролемъ. *Steevens.*
- 2.) Въ подлинникъ: A piece of him. Я слѣдовалъ полкованію Стивенса. *Перев.*
- 3.) По мнѣнію народа одни только ученые могли съ существами сверхъестественными говорить успѣшно. Въ Аддисоновомъ Барабанникѣ слуга проситъ управителя говорить съ привидѣніемъ по латышѣ. *Reed.*
- 4.) Здѣсь въ подлинникѣ пошероно нѣсколько стиховъ и не достаешь связи; послѣ словъ: the dead did squeak in the streets, слѣдуетъ: as, stars with trains—и прот. *Перев.*
- 5.) Въ подл.: A little more than kin, and less than kind. *Kind* слово нѣмецкое и значить дитя. *Johnson* kind здѣсь имѣетъ обыкновенное свое значеніе; Гамлетъ говоритъ: я болѣе тѣмъ сродникъ швой (пасынокъ), но во все не швой доброжелатель. *Malone.*
- 6.) Въ подл.: I am too much i'the sun.
Принароленіе къ пословицѣ: Out of heaven's blessing into the warm sun. *Johnson.*
Его Король называлъ главой придворныхъ *Steevens.*
Не игра ли словъ: son (сынъ) и sun (солнце)? *Farmer.*
- 7.) На заглавномъ листѣ книжки: The Life of Jacke wilton 1594, написано: сочиненіе Англичанина, Виштембергскаго студента. Не это ли подало Шекспиру поводъ отпра- вить шуда Гамлета? *Ritson.*
- 8.) Апполонъ въ сравненіи съ Паномъ. *Warburton.*
- 9.) Въ подл.: I'll change that name (servant) with you. Я слѣ- довалъ полкованію Джонсона. *Перев.*

- 10.) Въ подл.: The wind sits in the shoulder of your sail, вы- раженіе, принятое у моряковъ. *Steevens.*
- 11.) Въ подл.: which are not sterling.
- 12.) Въ подл.: игра словъ обращена на tender. Последнія сло- ва Полонія: Tender yourself more dearly, or, (not to crack the wind of the poor phrase, wronging it thus) you'll ten- der me a fool. *Перев.*
- 13.) Въ подл.: in honourable fashion; Полоній отвѣчаетъ: Ay, fashion you may call it.
- 14.) Въ подл. with swinish phrase soil our addition.
- 15.) Въ подл.: I do not set my life at a pin's fee.
- 16.) Шекспиръ представляетъ Дашчанъ-идолопоклонниковъ каполиками, и вмѣстѣ съ симъ упоминаетъ о Лешѣ. Не хотѣлъ ли онъ потѣшить ревностныхъ просвѣщанцовъ тогдашняго времени, поставя каполическое числи- нище на ряду съ языческимъ? Или это такаа же несообра- зность, какъ въ Михель-Анжелевомъ спрашномъ судѣ, гдѣ нарисована и Харонова ладя. *Warburton.*
- 17.) Въ подл.: hebenon.
Вѣроятно испорченное перестановкою словъ hebenon, по естѣ heban; здѣсь долженъ разумѣться родъ травы сей, именуемый hyoscyamus niger.—*Grey.*
- 18.) Записывая въ книжку все примѣчательное, видѣнное или слышанное, было всеобщимъ обыкновеніемъ того времени. *Malone.*
- 19.) Въ подл.: Hillo, ho, ho, boy! come, bird, come!
Сими словами охотники призывали своихъ летающихъ соколовъ. *Hanmer.*
- 20.) Здѣсь и повсюду.
- 21.) Въ подл.: this is wondrous strange.—And therefore as a stranger give it welcome. Слѣдуя толкованію Мазона

(Mason), я для поясненія прибавилъ списки: по любовнымъ спсвомъ и пр. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ II.

- 1.) Такъ, по замѣчанію Мелона, въ изданіи in folio; въ прочихъ: at, closes in the consequence (къ тебѣ приспѣкаетъ въ разговорѣ). *Перев.*
- 2.) Слово въ слово: въ 6—и, сирѣчь. *Перев.*
- 3.) То есть; не столько должно бояться Гамлетова гнѣва, открывъ его спросишь, какъ неудовольствіи Королевы и Короля, о ней умалчивая. *Johnson.*
- 4.) Въ подл. игра словъ effect, defect, effect defective; remains, remainder. *Перев.*
- 5.) Въ подл. If I had ply'd the desk, or table—book. то есть: еслибъ я сдѣлалъ ихъ посредниковъ. *Warburton.* то есть: еслибъ я ушамъ сіе. *Malone.*
- 6.) То есть: удивительно ли, что въ свѣтѣ столь много зла, когда солнце, оплодотворяя падалище, зараждаетъ въ немъ только червей (когда качество дѣйствія всегда сообразно съ качествомъ вещи принимающей, а не производящей оное)? Удивительно ли посему, что благодѣнія провидѣнія умножаютъ только зло въ мірѣ развращенномъ? *Warburton.*
Сіе замѣчаніе поспѣваетъ крѣпко да равнѣ съ Авторомъ. *Johnson.*
- 7.) Въ подл. what is the matter?—Between who?
- 8.) Гамлетъ читаетъ въ 10-й Ювеналовой сатирѣ слѣдующее мѣсто:
Da spatium vitae, multos da Jupiter annos:
Hoc recto vultu, solum hoc et pallidus optas.
Sed quam continuis et quantis longa senectus
Plena malis! deformem, et tetrum ante omnia vultum,
Dissimilemque sui, etc.—*Warburton.*

- 9.) Въ подл. will you walk out of the air?—Into my grave?—Indeed, that is out o'the air!
- 10.) Въ подл. J will take my leave of you.—You cannot take from me any thing, that J will more willingly part withal; except my life, except my life, except my life!
- 11.) Прекрасное описаніе меланхоліи, происходящей отъ стужи крови, вымышленное Гамлетомъ для сокрытія насподличаго своего положенія. *Warburton.*
- 12.) Здѣсь разумѣются пѣвчіе церкви С. Павла, игравшіе въ то время на театрѣ. *Steevens.*
- 13.) На вывѣскѣ театра Globe—playhouse нарисованъ былъ Геркулесъ, несущій земной шаръ. *Steevens.*
- 14.) Пословица. *Warburton.*
- 15.) Отрывокъ баллады. *Johnson.*
- 16.) Баллада, изъ которой взяты сіи стихи, помѣщена въ изданной Докторомъ Пирси (Percy) книгѣ: Reliques of ancient English Poetry. *Steevens.*
- 17.) Нищія, ходя по домамъ о свѣпкахъ, пѣли особенныя пѣсни, называемыя: rívus chansons. *Steevens.*
- 18.) Сіе говоритъ Гамлетъ молодому актеру, игравшему женскія роли. *Johnson.*
- 19.) То есть, лакомство, которое червь цѣнитъ не умѣла.—Giles Fletcher въ своей Russe commonwealth, 1591, говоритъ, что въ Россіи есть много очень вкусныхъ рыбъ, какъ-то: *Bellouga* и *Bellougina*, *Ositrina* и *Sturgeon* (осетръ); что Волга снабжаетъ все Государство сими рыбами, изъ икры коихъ пригоовляется значительное количество *Jcary* или *Caveary*.—*Reed.*
- 20.) Драйдень и Полъ полагали, что сей отрывокъ ни что иное, какъ сатира на тогдашнихъ драматическихъ писателей, и сіе мнѣніе сдѣлалось всеобщимъ: одинъ только Варбуртонъ старался доказать несправедливость та-

кой догадки, но его длинное рассужденіе никого не убѣдило. *Перев.*

- 21.) Въ подл: gives me the lie i'the throat, as deep, as to the lungs.
22.) Въ подл: like a very drab, a scullion.

ДѢЙСТВІЕ III.

- 1.) Гамлетъ, увиди Офелію, забываешь на минути припворное свое сумасшествіе и обращается къ ней съ торжественностію, прилично предъидущимъ его размышленіямъ. *Johnson.*
2.) То естъ: вы заблуждаешься по испорченности вашей, а увѣряете, что по незнанію. *Johnson.*
3.) Въ подл: like sweet bells jangled.
4.) Въ подл: of the groundlings.
Въ то время въ театръ не было ни пода, ни скамей, и стоявшій внизу низшій классъ зрителей получилъ отъ этого (отъ слова Ground) названіе Groundlings, которое собственно значить: *пискари. Steevens.*
5.) Термаганомъ назывался въ старинныхъ пьсахъ Богъ Сарациновъ; въ священныхъ драмахъ (mysteries) Иродъ всегда предъставлялся вспыльчивымъ, бѣшенымъ. *Steevens.*
6.) Такія вольности актеровъ были очень обыкновенны. *Malone.*
7.) Желаніе и довѣрчивость починались происходить отъ крови, а даръ сужденія отъ мокроты: вѣрное смѣшеніе соковъ производило (по сему мнѣнію) совершеннѣйшій характеръ. *Johnson.*
8.) Въ подл: How fares?—и *пр.* Excellent, of the camelion's dish: *упр.* для удержанія смысла должно было измѣнить слова Гамлетова ошвѣша. *Перев.*
9.) Сказанное слово уже не принадлежить сказавшему.

Johnson.

Не для сего ли только ошвѣша заставляють виновна Короля говорить: *слова сіи не мои—? Перев.*

- 10.) Въ подл: It was a brute part of him, to kill so capital a calf there. На русскомъ языкѣ игра словъ не можетъ быть удержана въ точности; даже слово *капитальный* употребительнѣе въ значеніи, здѣсь ему данному; однакожь оно естъ въ Акад. словарь. *Перев.*
11.) Въ подл: Lady, shall I lie in your lap?—no, mylord.—I mean my head upon your lap.—Ay, mylord.—Do you think I meant country matters?—I think nothing, mylord.—That is a fair thought to lie between maid's legs.
12.) Была народная игра называемая деревянною лошадкою (hobby—horse); ее, вмѣстѣ съ другими, запретили тогдашніе Пуритане, въ насмѣшку которымъ явились многія бѣдѣды. Приведенные Гамлетомъ стихи принадлежатъ одной изъ нихъ. *Warburton.*
13.) Кому не бросится въ глаза напѣнутость и безпреспаивныя пошворенія въ сихъ стихахъ въспрѣчающіяся? Безъ сомнѣнія поэтъ и здѣсь хотѣлъ предъставить образчикъ слога своихъ современниковъ писателей. Должно замѣтить, что въ подлинникѣ въ семь мѣстъ и стихи не хороши, и слогъ совершенно другого рода, нежели въ прочихъ явленіяхъ сей трагедіи. *Перев.*
14.) Здѣсь, по видимому, поперивъ стихъ. *Johnson.*
15.) Пословица. *Steevens.*
16.) Для объясненія словами напомнимъ предъставленій бывахъ обыкновенно на сценѣ толковашель, или посредникъ. *Steevens.*
17.) Актеры носили обыкновенно на шляпахъ перья, когда только были въ состояніи купить ихъ. *Steevens.*
Вашаки украшались спереди ленинами въ видѣ Розана; лучшіе такіе Розаны получались изъ Прованса. *Johnson.*

- 18.) Актеры не имѣли положеннаго жалованья; доходъ каждаго представленія раздѣлялся на учасники, изъ которыхъ нѣсколько доспавалось содержателю, а остальные раздѣлялись актерамъ по достоинству. *Malone.*
- 19.) Въ подл: (какъ и въ переводѣ) подразумѣвается вмѣсто слова *Павлинъ*, слово *Оселъ*, къ которому вѣроятно слѣдуетъ прибавить и рифму. *Перев.*
- 20.) Прибытіе постороннихъ помѣшало Гамлету окончить рѣчь, начатую наединѣ съ Горациемъ. *Johnson.*
- 21.) Въ подл: by these pickers and stealers; но есть hands, думаешь Джонсонъ.
- 22.) Окончаніе пословицы: лошадка съ голоду умереть.
- 23.) Вѣроятно слова сии служатъ описаніемъ на знаки, дѣлаемые Гильденстерномъ и Розенкранцемъ. *Steevens.*
- 24.) Предыдущее замѣчаніе Стивенса объясняетъ сіе Гильденстерново извѣщеніе. *Warburton.*
- 25.) Примѣненіе къ Фараонову сну. Смори книгу Библии, главу 41. *Steevens.*
- 26.) Въ подл: a vice of Kings. Vice назывался шутъ въ старинныхъ фарсахъ. Сюда же относится выраженіе: Король съ дурацкой шапкой, въ подлинникѣ: a king of shreds and patches. Такъ говоритъ Джонсонъ. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ IV.

- 1.) Въ старинныхъ изданіяхъ Гамлета не означено ни дѣйствій, ни явленій; раздѣленіе сдѣлано послѣ и произвольно. Въ семъ мѣстѣ оно ошибочно: нѣтъ ни остановокъ дѣйствія (action) въ ходѣ, ни промежутка во времени. *Johnson.*
- 2.) Это, если я не ошибаюсь, пословица. *Malone.*
- 3.) Ни одинъ изъ комментаторовъ не объяснилъ словъ сихъ удовлетворительно. Не хочетъ ли Гамлетъ сказать, что тѣло находилось близъ Короля, во дворцѣ, но Король не знаетъ о томъ?—*Перев.*

- 4.) Въ подл: The king is a thing—or nothing. Иные счинаятъ of nothing.
- 5.) Такъ называется одна изъ дѣнскихъ игръ. *Hanmer.*
- 6.) Сии описки принадлежатъ какой либо изъ балладъ, въ коихъ воспѣвали приключенія путешественниковъ въ свѣтлую землю. *Warburton.*
- 7.) Есть сказка въ народѣ, что Христосъ превратилъ въ сову дочь одного хлѣбника въ наказаніе за ея скупость. *Douce.*
- 8.) Есть обрядъ, совершаемый народомъ на кануны Валентина: молодые люди и дѣвушки вынимаютъ попарно жребіи, называемые Валентинами; чьи имена вынуты, тѣмъ предрекается супружество. Смори Bourne съ его Antiquities of the Common People.—*Malone.*
- 9.) Такъ называлась Королевская спиража.—*Reed.*
- 10.) Сей вопросъ Короля мнѣ кажется спраннымъ и не у мѣста. Вѣроятно, здѣсь пропущено что-либо, лучше разговоръ соединявшее. *Перев.*
- 11.) Сии слова находясь въ одномъ только изъ старинныхъ изданій; они нигдѣ не объяснены удовлетворительно. Не пали здѣсь мысль, что умъ любящаго улетаетъ въ другой міръ въ слѣдъ за любимымъ предметомъ. *Перев.*
- 12.) Въ подл: o how the wheel becomes it! Стивенсъ полагаетъ, что слово wheel (колесо) здѣсь означаетъ припѣвъ пѣсни, Джонсонъ и Мелонъ утверждаютъ, что или прелъщенная дочь прѣла, или пѣсню, изъ которой приведены стихи обыкновенно пѣли прядущія дѣвушки. *Перев.*
- 13.) Въ подл: rosemary—for remembrance; pansies, for thoughts. Таково было значеніе сихъ цвѣтѣвъ. *Перев.*
- 14.) Такъ называлась рупа, говорящіе комментаторы и прибавляютъ, что она почиалась символомъ горести. Не

рѣшено, что значить совѣтъ Офеліи носить (Королеви) руту съ опимѣшкою (with a difference); не намѣкаетъ ли она, что горестъ ея и Королевы различнаго рода? замѣчаетъ Медонъ. *Перев.*

15. Обыкновенное заключеніе спаринныхъ надгробныхъ надписей. *Stevens.*
- 16.) Сравненіе неумѣстное; другое дѣло еслибъ было сказано: въ зодіахъ. *Johnson.*
- 17.) *Расхиитель—вздохъ* (spendthrift—sigh). Вздохи расхиляютъ жизненный огонь безъ нужды. *Johnson.*
- 18.) Растѣніе, извѣстное въ новѣйшей ботаникѣ подъ именемъ: *orehis morio mas*, а въ древней: *testiculus morionis*. *Warner.*

ДѢЙСТВІЕ V.

1. The crowner hath set on her, сказано въ подлинникѣ. Crowner назывался чиновникъ изслѣдовавшій обстоятельство насильственной чьей-либо смерти. *Перев.*
- 2.) Вѣроятно это насышка надъ дѣломъ Г-жи Гельсъ, (Hales) которой мужъ бросился въ рѣку, и имѣніе его долженствовало поступить въ казну: много было употреблено выдумокъ и логическихъ тонкостей для изслѣдованія дѣйствующимъ ли лицомъ онъ былъ приномъ или спрдательными—онъ ли шель къ водѣ, или вода къ нему. *J Hawkins.*
- 3.) Въ подл: was he (Adam) a gentleman?—He was the first, that bore arms.—Why, he had none.—Adam digg'd; could he dig without arms? Игру словъ невозможно было передать, не измѣня мысли, которая, въ прочетъ, и вставлялась только для игры словъ. *Перев.*
- 4.) Сей куплетъ, какъ и слѣдующіе два, взяты авторомъ съ нѣкоторыми измѣненіями изъ небольшой поэмы: The aged lover renounceth Love, сочиненія Говарда (Howard).

жившаго при Генрихѣ, и по обвиненію въ мѣнѣ въ 1547 году обезглавленнаго. *Theobald.*

- 5.) Въ подл: Is this the fine of his fines, and the recovery of his recoveries, to have his fine pate full of fine dirt?
- 6.) Въ подл: I think it be thine, indeed; for thou liest in it.—You lie out of it, and therefore it is not yours; for my part, I do not lie in't, yet it is mine.—Thou dost lie in't, to be in't, and say, it is thine: 'tis for the dead, not for the quick; therefore thou liest.—'Tis a quick lie, sir; 'twill away again from me to you. Три значенія слова *lie*: находиться, лежать и лгать соснавляютъ въ семь мѣстъ игру словъ ни на какомъ другомъ языкѣ неподражаемую.—*Перев.*
- 7.) Игра словъ: what man digs thou for?—For no man.—What woman then?—For none neither.
- 8.) Вѣроятно приращеніе къ бывшимъ тогда въ модѣ остроносымъ башмакамъ. *Johnson.*
- 9.) Въ подл: upon what ground?—Why, here in Denmark.
- 10.) Слѣдственно Гамлету приращенъ дѣлъ отъ роду; въ началѣ же трагедіи онъ представляется молодымъ человекомъ, желающимъ продолжать науки въ университетѣ; большая несообразность. *Blackstone.*
- 11.) Вѣроятно здѣсь намѣчается о позволеніи, данномъ духовенству слѣдственнымъ чиновникомъ (coroner) похоронить Офелію на кладбищѣ. *Whalley.*
- 12.) То есть, принятое намѣреніе не было слѣдствиемъ размышленія, но представилось уму мгновенно, само собою. *Johnson.*
- 13.) Принужденное и странное выраженіе: запяная, раздѣлая періодъ, соединяетъ мысли, въ часпяхъ его заключающіяся. *Johnson.*

- 14.) Водяная муха прыгаетъ и суешился по поверхности воды безъ всякой видимой причины—хорошее уподобление. *Johnson.*
- 15.) Сіе мѣсто въ подлинникѣ не довольно ясно; я слѣдовалъ пошлованію Джонсона. Спивенсъ замѣчаетъ, что Горацио говоритъ это Озрику, въ подражаніе кошорону Гамлетъ выразился моднымъ оборотомъ для самаго его (Озрика) непонятнымъ. *Перев.*
- 16.) Вѣроятно Горацио долженъ говорить сіе или ниго Гамлету, или въ спорону. *Перев.*
- 17.) Въ подл: what's his weapon?—Rapier and dagger.—That's two of his weapons; but well.
- 18.) Въ подл: saggiage.—Я употребилъ слово принадлежности, чтобы удержатъ игру словъ. (Принадлежность употребляется въ артиллеріи технически.) обращенную въ подлинникѣ на saggiage. *Перев.*
- 19.) Счетъ сбивчивъ; но что нужды? Довольно знаешь, что былъ закладъ. *Johnson.*
- 20.) Комментаріи приводятъ сіе самое выраженіе изъ разныхъ старинныхъ сочиненій, въ свидѣтельство, что оно было во всеобщемъ употребленіи; но они не согласны между собою, касательно мысли заключающейся въ сей поговоркѣ: догадки ихъ, кажется, не близки къ истинѣ. *Перев.*
- 21.) Въ подл: I'll be your foil; foil, значить пажъ и рапира. *Перев.*
- 22.) Вѣроятно Гамлетъ принуждаетъ Короля выпить ядъ, опасавшійся въ спаканъ. *Malone.*
- 23.) Въ подл: The rest is silence—не очень ясно. *Перев.*
- 24.) Въ подл: Now cracks a noble heart.
- 25.) Въ подл: This quarry cries on havoc. Комментаріи

различно объясняютъ слова сіи; настоящимъ ихъ смыслъ, кажется, не омыскавъ. *Перев.*

- 26.) Содержаніе Гамлета взято авторомъ изъ Датской Истории Сакса Грамматики, или, что еще вѣроятнѣе, изъ повѣсти Амлетъ, (помѣщенной Бельфорестомъ въ его періодическомъ изданіи повѣстей начиная въ 1564 году.) въ кошорой описано рассказанное Историкомъ происшествіе съ нѣкоплыми переменами. Смерть Гамлета, какъ и много другихъ событий, есть вымыселъ Шекспира. *Перев.*

Конецъ Прилѣтаній.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ:

Напечатано:

Читай.

Стран. Строк.

22 —	16	устамъ не повѣряя	устамъ не повѣряя.
—	21	долгъ нашъ	долгъ нашъ.
37 —	29	спрашисъ	спрашисъ.
61 —	8	Вы сыщете	Вы ищете
109 —	27	И чтожъ осталось?	И чтожъ осталось?
116 —	24	прострите крылье	прострите крылья
118 —	21	жѣтательной	жечтательной.
140 —	27	убійство	убійство
153 —	24	Сеспра Лаепра	Сеспра Лаерша
